

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

21 2020
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 21 (311) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Дмитрий Васильевич Стасов* (1828–1918), присяжный поверенный и первый председатель совета присяжных поверенных окружной Санкт-Петербургской судебной палаты, общественный деятель.

Дмитрий Васильевич родился в Петербурге в семье знаменитого архитектора Василия Стасова. В 19 лет он окончил училище правоведения и быстро проявил себя на государственной службе. Служил в Министерстве юстиции и других ведомствах, дошел до обер-секретаря Сената. На плечи Стасова легла подготовка самой последовательной и прогрессивной реформы Александра II — судебной реформы 1864 года. Вместе с сокурсником по училищу Арсеньевым Стасов организовал юридический кружок «с целью приготовления будущих деятелей на новом судебном поприще». На собраниях читалась запрещенная литература и произносились антиправительственные речи. В результате его трижды арестовывали и наконец выслали под надзор полиции в Тулу. Столь удачно складывавшаяся служебная карьера на этом и завершилась.

После этого он занялся частной адвокатской деятельностью (первоначально занимался юридической помощью и консультированием в решении тех или иных вопросов), а после появления Судебных уставов записался в присяжные поверенные и вскоре был объявлен их лидером. Первым серьезным испытанием для Стасова стал процесс о неудавшемся покушении студента Каракозова на императора Александра II летом 1866 года. Вместе с обвиняемым по делу проходили члены революционной организации под руководством Ишутина, которого и защищал Стасов. Защита строилась трудно, но все же адвокату удалось добиться смягчения приговора: ссылка в Сибирь вместо казни. Стасов часто защищал революционеров, нередко по их просьбам. Им импонировало то, что, в отличие от других, этот адвокат не пытался принизить в глазах судей и общества роль борцов с самодержавием, а выступал как бы солидарно с ними. Стасов не разделял социалистических убеждений и осуждал терроризм. Вместе с тем он ясно представлял себе пороки современного ему строя и не стеснялся говорить об этом на процессах.

Дом Стасова иногда использовался для собраний революционеров, здесь нелегально был даже Ленин. Через старшего брата Владимира Дмитрий познакомился и, будучи сам прекрасным пианистом, дружески общался с такими живыми классиками, как Глинка, Мусоргский, Берлиоз, Шуман. У него дома Даргомыжский впервые исполнил своего «Каменного гостя». Лидер отечественной адвокатуры стал одним из руководителей Рус-

ского музыкального общества, написал его устав. Вместе с Рубинштейном они также учредили Петербургскую консерваторию (первую в стране). Адвокатская деятельность Стасова не ограничивалась ведением уголовных дел. Он пользовался заслуженным авторитетом и как видный цивилист. Дмитрий Васильевич провел значительное количество гражданских дел, которые получили общественное признание, в том числе высту-
пления по ряду дел, связанных с авторским правом на музыкальные произведения: дело Даргомыжского и Стелловского об авторских правах на оперу «Русалка»; дело Шестаковой и Стелловского; дело Чайковского. По всем ним были вынесены судебные решения в пользу доверителей Стасова. Причем многие предложенные им толкования действующих законов впоследствии были отражены в Законе об авторском праве 1911 года. Поддерживая иск издателя Бесселя, он добился того, что суд обязал ответчиков выплатить ему все до копейки за публикацию оперы «Опричник». А его глубоко аргументированное выступление на процессе против директора Придворной певческой капеллы Бахметьева положило конец произволу в отношении печатания музыкальных произведений. Кстати, именно «музыкальные процессы» Стасова послужили основанием к пересмотру действовавшего тогда законодательства об авторском праве музыкантов и оперных композиторов.

Жена Дмитрия Васильевича Поликсена Степановна была известным общественным деятелем. Она входила в число 36 учредительниц Женской издательской артели, целью которой было дать заработок женщинам интеллигентного труда. Она также была председателем общества «Детская помощь». Под ее непосредственным руководством обществом были устроены приют-ясли на Сампсониевском проспекте, и убежище для бесприютных детей в Яшимовом переулке. Многие дети в этих заведениях содержались на ее личные средства. В семье самих Стасовых было шестеро детей.

В дни празднования 50-летия Судебных уставов 1864 года от имени сословия Стасову поднесли золотой знак присяжного поверенного, единственный во всей России, и образовали капитал его имени в поддержку адвокатуры. Дмитрий Васильевич был увлеченным коллекционером русской живописи и скульптуры. Большую часть коллекции они с дочерью передали в дар Русскому музею и Третьяковской галерее.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Ахметова В. Н.**
Контролирующие лица, получавшие выгоду из незаконного поведения руководителя должника 249
- Балтачеева Е. С., Кулешова Н. В.**
Прообраз публичных слушаний в советском государственном праве 250
- Балтачеева Е. С., Кулешова Н. В.**
Проведение публичных слушаний в России в сравнении с зарубежным опытом 253
- Батчаев Ш. А.**
Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов 255
- Беланова Г. О., Ярошенко А. Ф.**
Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, посредством использования информационных технологий 258
- Бобровский А. А.**
Увольнение работника АПК в связи с ликвидацией организации 260
- Богомолов В. В.**
Акцизы на алкогольную продукцию как инструмент государственного регулирования рынка и инструмент профилактики алкоголизма среди населения России 261
- Бурлак А. Е.**
Презумпция добросовестности приобретателя в делах, связанных с самовольным строительством 265
- Буртовенко А. И., Погорелый И. С., Якубович Л. С.**
К вопросу о классификации прав человека 267
- Васильева А. Д.**
Следы крови на месте преступления 269
- Вершинина Ю. А.**
Особенности квалификации присвоения и растраты на примере судебной практики 272
- Волобуев Б. И.**
Актуальные вопросы реформирования главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации 276
- Воронин Н. А.**
История возникновения и развития института уголовной ответственности за бандитизм 278
- Воронина Д. О.**
Актуальные проблемы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны 281
- Годовиков А. В., Иванов Д. С.**
Обман и нарушение иных прав потребителей: формы и меры административной ответственности 284
- Гончаров А. Э.**
К вопросу о совершенствовании признаков медицинских работников 286
- Горбунов Д. Ю.**
Принципы разумности и добросовестности в корпоративных отношениях 289
- Данкоглова В. В.**
Особенности привлечения должностных лиц таможенных органов в государствах — членах Евразийского экономического союза к дисциплинарной ответственности 292
- Евдокименко С. С.**
Формы предпринимательской деятельности (по мотивам школьного урока) 295
- Жужгина А. А.**
Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса: проблемы экстрадиции киберпреступников 303
- Задворный М. Н.**
История развития понятия «диффамация» в российском праве 307
- Ильина Е. В.**
Анализ результатов оспаривания государственной кадастровой оценки на примере г.о. Солнечногорск Московской области 311

Иову Д. А.

Конституционно-правовой статус органов
прокуратуры в Российской Федерации
и Республике Казахстан в обеспечении
законности..... 313

Кобков С. С.

Добросовестность застройщика при самовольном
строительстве..... 316

Комелина Е. А.

Географические указания — новый объект
права 317

Коростелёв И. В.

Целесообразность и эффективность участия
прокурора в гражданском судопроизводстве
в форме дачи заключения по определенным
категориям дел 319

Крутова Н. А.

Особенности процесса возмещения вреда,
причиненного преступлением..... 320

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Контролирующие лица, получавшие выгоду из незаконного поведения руководителя должника

Ахметова Виктория Наримановна, студент;
Научный руководитель: Маланина Екатерина Николаевна, старший преподаватель
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В данной статье исследуется статус лиц, получивших выгоду от недобросовестного поведения руководителей должника, в отношении которых существует презумпция контроля должника, правовые и экономические основания для привлечения их к ответственности и краткий анализ современной судебной практики.

Ключевые слова: *субсидиарная ответственность, недобросовестное поведение, «центры убытков и прибыли», бенефициарные владельцы, недобросовестные контрагенты, существенный актив.*

Предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве).

В Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации № 53 разъясняется, что в соответствии с этим правилом контролирующим может быть признано лицо, извлечшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности [1].

Так, в частности, предполагается, что контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в том числе по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например, на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции, и т.д.).

В деле № А40–239656/17–70–214 «Б» суд установил, что объективное банкротство ООО «Фирма Тристан» явилось следствием применения схемы ведения бизнеса в течение 2012–2014 гг., включающей создание фиктивного документооборота

и вывод денежных средств должника в значительном размере. Денежные средства передавались по договорам займа, заключенным с генеральным директором ООО «Фирма Тристан», без их последующего возврата в полном объеме. Данные денежные средства были использованы генеральным директором для достижения своих личных целей: приобретения в личную собственность недвижимости, погашения личных обязательств. Таким образом, произошло смешение личного имущества контролирующего лица и имущества должника.

В 2015 году ООО «Фирма Тристан», обладая признаками недостаточности имущества, фактически находясь в банкротном состоянии, отчуждало свое имущество, стоимостью 97,33% от балансовой стоимости активов по данным бухгалтерского баланса на момент совершения сделки, гражданской супруге генерального директора должника, а также иным аффилированным лицам, в результате чего данные лица были привлечены судом к субсидиарной ответственности за совершение сделок, направленных на вывод активов, совершаемый для лишения кредиторов возможности удовлетворить свои требования за счет имущества, принадлежащего должнику [2].

Также предполагается, что является контролирующим выгодоприобретатель, извлечший существенные преимущества из такой системы организации предпринимательской деятельности, которая направлена на перераспределение (в том числе посредством недостоверного документооборота), совокупного дохода, получаемого от осуществления данной деятельности

лицами, объединенными общим интересом (например, единым производственным и (или) сбытовым циклом), в пользу ряда этих лиц с одновременным аккумулярованием на стороне должника основной долговой нагрузки. В этом случае для опровержения презумпции выгодоприобретателя должен доказать, что его операции, приносящие доход, отражены в соответствии с их действительным экономическим смыслом, а полученная им выгода обусловлена разумными экономическими причинами.

В деле № А07–28088/2019 суд установил, что группа лиц незаконно пользовалась возможностью ведения бизнеса, посредством построения бизнес модели с разделением на рискованные части «центры убытков» (ООО «Керамика», ООО «Кызыл — Таш»), на которые были возложены все расходы (заработная плата, обязательные платежи) и безрисковые «центры прибылей» (ООО «Мегастройсервис», ООО «Амстрон»). При этом все юридические лица, участвующие в модели ведения бизнеса, контролировались одними и теми же физическими лицами, связанными родственными отношениями, в связи с чем выбранная модель поведения отличалась от поведения обычных лиц в гражданском обороте, поскольку построена на доверительных отношениях, исключая элементы предпринима-

тельского риска. Поведение всех ответчиков характеризовалось подчинением одной воли и цели — извлечение «семейного» дохода от деятельности должника по реализации товара, пользующегося спросом. Не смотря на использование такой бизнес-модели конкурсному управляющему было отказано в привлечении к ответственности бенефициарных владельцев, реально получивших выгоду от недобросовестного использования корпоративной формы [3].

Учитывая, что участие в гражданском обороте практически всегда (а для коммерческих организаций всегда без исключения) направлено на получение выгоды даже добросовестным субъектом, сам факт получения выгоды участником оборота, вступившим в правоотношения с должником, не гарантирует установления для него статуса контролирующего лица для дальнейшего его привлечения к субсидиарной ответственности. Данная презумпция направлена на привлечение к субсидиарной ответственности бенефициарных владельцев бизнеса, которые в действительности получают активы, тем не менее, как показывает практика, выявление бенефициарных владельцев связано с определенными трудностями, что препятствует привлечению их к субсидиарной ответственности.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // СПС КонсультантПлюс
2. Определение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40–239656/17–70–214 «Б» от 10.03.2020 года
3. Определение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 10.03.2020 года по делу № А07–28088/2019

Прообраз публичных слушаний в советском государственном праве

Балтачеева Евгения Сямииуловна, студент магистратуры;

Кулешова Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье проведен анализ генезиса развития правового регулирования публичных слушаний в советской России историческим методом. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, регулирующие публичные слушания на высшем уровне и уровне подзаконных правовых актов в разные периоды времени.

Ключевые слова: публичные слушания, советы народных депутатов, советская Россия, демократия, местное самоуправление

The sample of public hearings in Soviet state law

Baltacheeva Evgeniia Siamiiullovna, student;

Kuleshova Natalia Viktorovna, candidate of legal sciences, associate professor

Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novosibirsk)

The article analyzes the genesis of the development of legal regulation of public listeners in Soviet Russia using the historical method. The considered main regulatory acts governing public hearings at the highest level and the level of by-laws in different periods of time.

Keywords: public hearings, councils of people's deputies, Soviet Russia, democracy, local government

Институт публичных слушаний как форма непосредственной демократии и управления делами муниципального образования населением был известен еще

с древних времен. Если проанализировать историю форм демократии, то публичные слушания были как раз одними из первых, поскольку они наиболее просты и очевидны — для

решения важного вопроса собирались взрослые мужчины, которые сообща принимали решение. Пробразы нынешних публичных слушаний встречаются во времена Древнего Рима, Эллады, Древней Руси, в Новгородской и Псковской республиках и т.д. Общественные слушания всегда были признаком демократического режима в государстве или государствоподобном образовании. Отсюда возникает вопрос о наличии подобных форм проявления власти народа в недемократических режимах, одним из которых был советский период российской истории.

Следует отметить, что на момент совершения Революции 1917 года прототипом публичных слушаний были мирские сходы населения, которые представляли собой собрания жителей деревни, на которых принимались важные для конкретного населенного пункта решения [7, с. 252]. Однако, приход большевиков к власти сопровождался сломом всей существующей системы управления на всех уровнях, что не обошло и местный уровень власти, несмотря на то, что де-юре советская власть провозглашала именно «власть советов», что предполагает демократические начала в управлении. Однако, де-факто, вся власть в стране перешла в руки органов государственного управления [6, с. 33].

Мирские сходы были окончательно уничтожены и лишены любой власти в 20-х годах прошлого века, но они проводились номинально и их решения учитывались в управлении [6, с. 37]. Спустя 7 лет, в 1927 году, было принято Постановление ВЦИК И СНК РСФСР, которым утверждалось Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях [5], согласно п. 1 которого общие собрания граждан созывались в сельских поселениях для обсуждения и рассмотрения вопросов, касающихся жизни села, а также для обсуждения общих вопросов государственного, краевого, областного, губернского, окружного, уездного и волостного значения. Общие собрания (сходы) граждан созываются сельским советом или уполномоченным сельского совета по поручению последнего по мере надобности, но не реже одного раза в два месяца в течение зимнего периода и не реже одного раза в три месяца в период летних сельскохозяйственных работ (п. 3).

Решения, принятые на сходах, были обязательны для органов власти и управления — в силу п. 14 Положения протоколы общих собраний (сходов) граждан должны были передаваться в сельский совет, в обязанности которого входило воплощение в жизнь принятых решений, за исключением случаев, если решения схода были, по мнению сельсовета, незаконными — в таких случаях он передавал их волостному или районному исполнительному комитету на разрешение.

Следует отметить, что принятие в 1927 году положения о сельских сходах имело целью разрешить конфликт и противоречия, которые достаточно часто возникали на селе между органами исполнительной власти (сельсоветом) и деревенской общиной (сходом). Эти конфликты, в итоге, отражались на падении производительности деревни, что было крайне невыгодно стране, ослабленной гражданской войной. Поэтому фактическая легализация решений деревенской общины имела целью повышение их властных полномочий для большей эффективности местного самоуправления [8, с. 5]. Подобное по-

ложение сохранилось длительное время вплоть до 1985 года, когда был принят Указ Президиума ВС РСФСР от 27.08.1985, которым было утверждено Положение об общих собраниях, сходах граждан по месту их жительства в РСФСР [3], которым, по сути, на новом уровне регламентировались прежние отработанные процедуры.

В 60-х годах прошлого века происходит расширение компетенции деревенских сходов — они уже обсуждают и решают вопросы бытового и коммунального обслуживания, благоустройства территории, а также практические вопросы реализации на территории населенного пункта решений вышестоящих органов власти. Это позволило исследователям назвать общественные сходы прототипом современных публичных слушаний [9, с. 30]. Был принят Указ Президиума ВС СССР от 08.04.1968 № 2507-VII «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся» [4], в ст. 10 которого указывалось, что для обсуждения наиболее важных вопросов, касающихся жизни граждан, разъяснения трудящимся законодательства и важнейших решений местных Советов исполнительным комитетом сельского, поселкового Совета созываются общие собрания, сходы граждан, проживающих на территории сельского, поселкового Совета в целом или отдельных населенных пунктов, улиц и кварталов, а также собрания представителей жителей села, поселка. На общих собраниях, сходах граждан населенного пункта могли избираться общественные сельские комитеты, которые были подотчетны в своей деятельности избравшему их собранию, сходу граждан, сельскому, поселковому Совету и его исполнительному комитету. На общественные сельские комитеты в соответствии с законодательством союзной, автономной республики могло быть возложено выполнение отдельных поручений исполнительного комитета сельского Совета на территории населенного пункта.

В СССР кроме деревенских сходов, существовала практика более масштабного обсуждения — с конца 50-х годов проводились всенародные обсуждения по типу референдума, но в отличие от него, на таких обсуждениях не принимались нормативно-правовые акты, а обсуждались решения органов власти и управления, подавались замечания, предложения и пожелания к проектам нормативных правовых актов. Так, всенародные обсуждения проводились в 1956 году по вопросам законопроектов о государственной пенсии, в 1968 году — по поводу принятия Основ земельного законодательства, в 1970 году — по поводу принятия Основ водного законодательства и т.д. [10, с. 434]

Первое упоминание публичных слушаний встречается в Конституции СССР 1977 года [1], в статье 5 которой было указано, что самые существенные вопросы жизни государства могут быть вынесены на обсуждение всего народа и голосование (референдум). В этом же порядке была принята сама Конституция СССР 1977 года. В результате публичных обсуждений было получено множество отзывов, которые были восприняты для формирования ее окончательного текста. То есть с этого момента можно говорить о формировании определенной активности гражданского общества в СССР, что проявилось также в принятии в 1987 году, спустя 9 лет после принятия Консти-

туции, Закона СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов общественной жизни» [2], в котором были развиты положения об общественных обсуждениях.

В 1985 году уже накануне распада Союза был принят Указ Президиума ВС РСФСР от 27.08.1985 «Об утверждении Положения об общих собраниях, сходах граждан по месту их жительства в РСФСР» [3], в котором было указано, что общие собрания и сходы граждан представляют собой одну из форм непосредственной демократии, которая используется при решении вопросов местного, а также общегосударственного значения (ст. 1). Был установлен возрастной ценз (16 лет), а также ценз оседлости (постоянное проживание на территории населенного пункта) (ст. 2) для участия в общественных обсуждениях. Полномочия по организации общего собрания граждан были переданы исполкомам соответствующего уровня Совета депутатов (ст.ст. 3–4). Были указаны четко те вопросы, которые в обязательном порядке выносились на общественные обсуждения (ст. 9).

В конце 80 — начале 90-х гг. XX в. в период бурного развития демократических институтов в России начали активно развиваться спонтанные, не урегулированные нормами права формы обсуждения гражданами общественно-политических и экономических проблем в стране. Некоторые из них институционализировались, превращаясь в формы организованного, проходящего с определенной периодичностью обсуждения.

На сегодняшний день публичные слушания как институт муниципального права представляют собой форму взаимодействия между властью и населением той или иной территории по поводу решения вопросов местного значения и иных вопросов, которые предусмотрены законом или которые вынесены на пу-

бличные обсуждения по инициативе властного органа местного самоуправления. Правовое регулирование публичных слушаний производится на федеральном уровне, а также на уровне муниципалитетов принимаются положения о порядке проведения публичных слушаний. Анализ признаков публичных слушаний позволяют определить их как открытое, гласное и свободное обсуждение органом представительной власти муниципального образования и населения общественно значимых вопросов для выявления мнения населения по поводу того или иного вопроса для того, чтобы принять решение в соответствии с мнением населения.

Сравнивая историю развития традиционной формы непосредственной демократии граждан в советском государственном праве с российским правом, сформированным на сегодняшний день путем принятия федеральных законов, актов на уровне субъектов, видно, что сегодня законодатель предоставил достаточно широкие возможности для участия жителей конкретного муниципального образования в публичных слушаниях и право инициирования их проведения, обеспечивая, таким образом, открытость и гласность деятельности органов местного самоуправления, что свидетельствует о становлении демократических основ и развитии гражданского общества.

Таким образом, в настоящее время институт публичных слушаний начинает развиваться и входить в общественно-политическую жизнь России. Хочется надеяться, что опыт реализации этого института станет полезным как для органов власти, часто принимающих закрытые, непубличные решения, так и для населения, которое сможет влиять на ход законотворческого процесса и на решения, непосредственно касающиеся значимых для общества вопросов.

Литература:

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.
2. Закон СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов общественной жизни», принятый 30 июня 1987 года // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1987. — № 26. — Ст. 387.
3. Указ Президиума ВС РСФСР от 27.08.1985 «Об утверждении Положения об общих собраниях, сходах граждан по месту их жительства в РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. — 1985. — № 36. — Ст. 1269.
4. Указ Президиума ВС СССР от 08.04.1968 N2507-VII «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся» // Ведомости ВС СССР. — 1968. — № 16. — Ст. 131.
5. Положение об общих собраниях (сходах) граждан в сельских поселениях утверждено Постановлением ВЦИК И СНК РСФСР от 14 марта 1927 года // Собрание узаконений РСФСР. — 1927. — № 51. — Ст. 333.
6. Зенин С. С. Публичные слушания в истории развития форм участия населения в управлении общественными и государственными делами // Государственная власть и местное самоуправление. — 2012. — № 3. — С. 32–36.
7. Руденко В. Н. Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты. Екатеринбург. УрО РАН, 2003. — 345 с.
8. Сафонов А. А. Крестьянская община и сельские Советы в российской доколхозной деревне второй половины 1920-х гг.: опыт регионального исследования // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2017. — № 2. — С. 4–9.
9. Нудненко Л. А. Новеллы Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. о непосредственной демократии // Право и политика. — 2004. — № 3. — С. 28–38.
10. Очеретина М. А. Становление и развитие института публичных слушаний // Антиномии. — 2009. — № 2. — С. 434–439.

Проведение публичных слушаний в России в сравнении с зарубежным опытом

Балтачеева Евгения Сямюлловна, студент магистратуры;

Кулешова Наталья Викторовна, кандидат юридических наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск)

В статье методом сравнительного правоведения рассмотрен порядок проведения публичных слушаний в странах англо-саксонской и романо-германской правовой семей. Выявлены особенности практик организации публичных слушаний, их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: публичные слушания, демократия, местное самоуправление, власть

Holding public hearings in Russia in comparison with foreign experience

Baltacheeva Evgeniia Siamiiullova, student;

Kuleshova Natalia Viktorovna, candidate of legal sciences, associate professor

Siberian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Novosibirsk)

The method of comparative jurisprudence considers the procedure for conducting public hearings in the countries of the Anglo-Saxon and Romano-German legal families. The features of the practice of organizing public hearings, their advantages and disadvantages are revealed.

Keywords: public hearings, democracy, local government, government

Публичные слушания как форма взаимного диалога власти и общества имеет место с древних времен, публичные слушания, по сути, являются наиболее ранней формой демократии. Основной задачей общественных слушаний является взаимное решение значимых вопросов. В зарубежной практике публичные слушания (public hearings) буквально определяются как общественные обсуждения и весьма распространены при принятии решений по вопросам местного значения.

В зарубежной практике, равно как и в российской, есть различие между публичными слушаниями, которые имеют рекомендательный характер, и, собственно, принятием решения гражданами того или иного муниципалитета посредством местных выборов или референдума.

Наиболее раннее упоминание публичных слушаний («public hearings») в современном уже понимании встречается в США в 1920х годов, — именно в этот период в отдельных штатах были проведены первые обсуждения наиболее важных вопросов населением. Практика подобного диалога власти и населения была успешно воспринята рядом европейских государств. Однако, именно США как родина демократии в современном ее понимании, стала прародительницей проведения того, что сегодня называется публичными слушаниями.

Порядок публичных слушаний в США до настоящего времени не претерпел существенных изменений. При этом порядок проведения публичных слушаний регулируется рамочно федеральным законодательством и законодательством штатов, при этом непосредственно сама процедура и перечень выносимых на обсуждение вопросов устанавливается на уровне муниципалитетов. В своде муниципального права штатов (Municipal Home Rule Law) имеются отсылки к общим вопросам

проведения публичных слушаний, которые затем детализируются в каждом муниципалитете [6].

Американская модель общественной демократии знает также такие формы выражения общественного мнения, как «открытые собрания» («public meeting»), которые несколько отличны от публичных слушаний. Например, в штате Вашингтон публичные собрания проводятся как открытая процедура обсуждения тех или иных важных вопросов управления муниципальным образованием, участие в котором принимается только местными жителями. При этом, в отличие от слушаний, в собраниях принимают участие также депутаты и представители исполнительных органов власти. И итоговая цель собраний — это открытый диалог и, прежде всего, социальный контроль за властью со стороны населения.

Публичные слушания представляют собой механизм, аналогичный по форме открытым собраниям, который также предусматривает допуск граждан к обсуждению вопросов местного управления. Однако по сути своей, публичные слушания принципиально отличаются от собраний тем, что направлены (в соответствии с американской практикой) не столько на удовлетворение потребности жителей участвовать в местных делах и контролировать работу чиновников, сколько на повышение качества муниципального управления.

Еще одной особенностью публичных слушаний в США является проведение их в двух видах: это в целях обсуждения законопроектов, а также для разрешения спорных вопросов, возникших на местном уровне, — квазисудебные слушания («Quasi-judicial public hearings»), которые также называются «жюри граждан». Особенностью последнего вида слушаний

является ограниченное участие в них граждан — до 14 человек наиболее уважаемых, мнение которых учитывалось при разрешении того или иного спорного вопроса по населению [5].

Законодательство штатов Нью-Йорк, Вашингтон, Техас, а также канадского города Барнаби, регулирует порядок проведения публичных слушаний так же, как и в России — то есть федеральное законодательство устанавливает рамочно основные положения о порядке их проведения, детализация законодательства производится применительно к каждому муниципалитету местным законом.

В европейских государствах публичные слушания используются, в основном, для градостроительного планирования. При принятии решения о том или ином проекте градостроительной застройки выясняется мнение жителей населенного пункта о том или ином планируемом объекте.

В Германии публичные слушания проводятся также при принятии решения об изъятии земель для различных нужд, а также при перераспределении федеральных земель.

Как указано в Конституции ФРГ, мероприятия, связанные с перераспределением территорий федеральных земель, регулируются нормами федерального закона, который утверждается на референдуме. При этом обязательно учитывается мнение заинтересованных земель. Целью народного опроса является измерение одобрения населением предлагаемых в законе изменений принадлежности территории к конкретной федеральной земле. Если предложение народом одобряется, то в течение двух лет после проведения опроса издается федеральный закон об образовании предлагаемой земли. Решения референдума легитимны, если за них отдано простое большинство участников референдума; если число голосовавших не меньше четверти имеющих право голоса на выборах в Бундестаг.

Отличительной особенностью Германии является существование на уровне субъектов Федерации специального органа по изъятию. Он решает вопросы изъятия земли как для федеральных, так и для муниципальных нужд. Правительство федеральной земли такими полномочиями на определенную территорию наделяет конкретного госслужащего, чаще всего обладающего большим юридическим опытом работы в сфере недвижимости. Большое внимание уделяется стадии общественного обсуждения, когда проводится оповещение граждан, предоставление материалов для ознакомления. Застройку регламентирует план использования территории.

Таким образом, историческая традиция применения референдума в качестве инструмента всенародного волеизъявления по важнейшим вопросам государственного управления тесно связана со стабильностью и устойчивостью федеративных отношений.

Во Франции аналогичным образом публичные слушания проводятся при градостроительных проектах, перераспределении земельных участков и выводе их под различные значимые, особенно промышленные объекты. Результаты публичных слушаний во Франции обязательны для учета местными властями. В публичных слушаниях могут принимать участие только местное гражданское население, то есть многочис-

ленные мигранты отстранены от участия в жизни гражданского общества в этой части, что иногда вызывает социальные недостатки в этой стране [5].

Рассмотрим правовые основы публичных слушаний по законодательству Республики Казахстан. В той стране публичные слушания упоминаются в законодательстве о естественных монополиях и о местном самоуправлении. В части естественных монополий публичные слушания проводятся при принятии решений в части ценообразования и иных вопросах, от решения которых может зависеть уровень благосостояния всего населения.

В работе местных органов власти в Казахстане публичные слушания являются организационной формой работы постоянных комиссий маслихатов (местных парламентов). В законодательстве Республики Казахстан определена цель проведения публичных слушаний, а также их общие организационные вопросы. Детальная регламентация порядка проведения публичных слушаний производится на уровне каждого конкретного маслихата. Регулирование порядка и организации публичных слушаний, в такого рода документах, определяет их как форму деятельности этих органов [5].

Однако при детальном анализе регламентов ряда маслихатов различных уровней (областей, городов республиканского значения Астаны и Алматы, городских и районных) специальных норм, регламентирующих порядок организации и проведения публичных слушаний, в них не обнаруживается.

Интересен опыт проведения публичных слушаний в Республике Беларусь, поскольку эта страна особым образом выстраивает взаимоотношения между гражданским обществом и государством. Публичные слушания здесь отчасти представляют собой инструмент контроля предпринимательского сектора. Так, публичные слушания проводятся при принятии решений в области деятельности естественных монополий, для отчетности в работе социально-ответственных компаний. Так, например, в конце ноября 2019 года были проведены публичные слушания компаний, которые работают в социальном секторе, однако, в отличие от российских практик, на белорусских публичных слушаниях участвуют представители власти и бизнеса, менеджеры крупных компаний, — то есть профессиональное сообщество, которое сообща принимает решение по определенному вопросу.

В качестве российской практики можно привести практику проведения публичных слушаний на территории муниципального образования Северо-Енисейский район Красноярского края Российской Федерации. Северо-Енисейский район наделен статусом муниципального района без наделения поселений, находящихся в границах территории района, статусом городского или сельского поселения.

Правовую основу публичных слушаний в районе составляют нормативно-правовые акты, такие как Конституция Российской Федерации, Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Устав Северо-Енисейского района Красноярского края, принятый населением Северо-Енисейского района на референдуме 08.12.1996 и иные муниципальные правовые акты.

В соответствии со статьей 28 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], статьей 45 Устава Северо-Енисейского района публичные слушания в Северо-Енисейском районе проводятся по инициативе Главы Северо-Енисейского района, Северо-Енисейского районного Совета депутатов, а также по инициативе населения района.

Практические проблемы публичных слушаний на территории района связаны, во-первых, с низкой правовой и гражданской активностью граждан, во-вторых, с некоторыми проблемами в законодательстве об их проведении. Так, в законе отсутствует единый перечень оснований для проведения публичных слушаний в обязательном порядке. Отсутствует минимальное пороговое значение численности жителей муниципального образования для признания публичных слушаний состоявшимися, что для района имело бы огромное значение. Отсутствует порядок определения состава участников публичных слушаний. Эти и иные проблемы актуализируют направление дальнейшего совершенствования института публичных слушаний.

Итак, сравнительно-правовой анализ проведения публичных слушаний в зарубежных странах позволяет сделать общий вывод о том, что классическое его назначение — это вы-

ражение мнение населения по социально значимому вопросу. Публичные слушания проводятся по вопросам, отнесенным к компетенции местных властей. В США обнаружена интересная практика разрешения споров посредством проведения ограниченных публичных слушаний. Во всех федеративных государствах основы проведения публичных слушаний закреплены в федеральном законодательстве, на уровне регионов оно также достаточно рамочно и повторяет положения федерального законодателя. Непосредственно сама процедура публичных слушаний регулируется на местном уровне.

При этом проведение публичных слушаний в практике местного самоуправления сопряжено с рядом проблем теоретического и практического характера. К проблемам теории публичных слушаний следует отнести, во-первых, отсутствие легального их определения, во-вторых, отсутствие единого подхода к тому, являются ли публичные слушания формой непосредственной демократии или нет. Для решения этой проблемы рекомендуется дать легальное определение публичных слушаний в тексте Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» с указанием на правовую природу публичных слушаний как формы консультативного участия граждан в отправлении местного самоуправления.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.
3. Ахметова К. С. Институт публичных слушаний: правовая природа, проблемы правового регулирования и реализации в Республике Казахстан // Конституционное и муниципальное право. — 2017. — № 1. — С. 66–70.
4. Медведев И. Р. Общественные обсуждения градостроительных проектов в свете Закона N455-ФЗ // Закон. — 2018. — № 3. — С. 126–137.
5. Медведев И. Р. Разрешение городских конфликтов: монография. — М.: Инфотропик Медиа, 2017. — 372 с.
6. Очеретина М. А. Понятие и типология института публичных слушаний // Антиномии — 2018. — № 2. — С. 172–176.

Актуальные проблемы гражданско-правового регулирования цифровых финансовых активов

Батчаев Шамиль Абрекович, студент магистратуры

Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия (г. Черкесск)

Развитие цифровой экономики началось с цифровой революции. Цифровая революция — это переход от механической и аналоговой электронной технологии к цифровой электронике, которая появилась в конце 1950-х годов. После послания Владимира Путина Федеральному собранию 1 декабря 2016 года, когда президент указал на необходимость сформировать новую веб-экономику для повышения эффективности отраслей за счёт информационных технологий, начали развивать цифровую экономику России на правительственном уровне.

8 декабря 2016 года Дмитрий Медведев дал указания исполнить поручения Путина, согласно которым правительство должно было подготовить программу «Цифровая экономика Российской Федерации» до 11 мая 2017 года. На основании Распоряжения № 1632-р от 28 июля 2017 года данная программа была утверждена Правительством РФ.

Программа направлена на создание условий для развития общества знаний в Российской Федерации, повышение благосостояния и качества жизни граждан нашей страны путем

повышения доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий, повышения степени информированности и цифровой грамотности, улучшения доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами. Ориентируясь на Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Программа исходит из того, что цифровая экономика представляет собой хозяйственную деятельность, ключевым фактором производства в которой являются *данные в цифровой форме*, и способствует формированию информационного пространства с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений, развитию информационной инфраструктуры Российской Федерации, созданию и применению российских информационно-телекоммуникационных технологий, а также формированию новой технологической основы для социальной и экономической сферы. Все большее число граждан Российской Федерации признает необходимость обладания цифровыми компетенциями, однако уровень использования персональных компьютеров и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее — сеть «Интернет») в России все еще ниже, чем в Европе, и существует серьезный разрыв в цифровых навыках между отдельными группами населения.

Согласно международному индексу сетевой готовности, представленному в докладе «Глобальные информационные технологии за 2016 году» на Всемирно экономическом форуме, Российская Федерация занимает 41-е место по готовности к цифровой экономике со значительным отрывом от десятки лидирующих стран, таких, как Сингапур, Финляндия, Швеция, Норвегия, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды, Швейцария, Великобритания, Люксембург и Япония. С точки зрения экономических и инновационных результатов использования цифровых технологий, Российская Федерация занимает 38-е место с большим отставанием от стран-лидеров, таких, как Финляндия, Швейцария, Швеция, Израиль, Сингапур, Нидерланды, Соединенные Штаты Америки, Норвегия, Люксембург и Германия. Такое значительное отставание в развитии цифровой экономики от мировых лидеров объясняется *пробелами нормативной базы для цифровой экономики* и недостаточно благоприятной средой для ведения бизнеса и инноваций и, как следствие, низким уровнем применения цифровых технологий бизнес-структурами.

В рамках нормативного регулирования Минфином РФ летом 2017 года подготовлен совершенно новый проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». В связи с этим предусматривается внесение соответствующих поправок в уголовный, налоговый, гражданский кодексы и кодекс об административных правонарушениях. Поправки коснутся и целого ряда федеральных законов, таких как: «О валютном регулировании и валютном контроле», «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», «О банках и банковской деятельности», «О национальной платежной системе», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, по-

лученных преступным путем, и финансированию терроризма», «О бухгалтерском учете».

Закон «О цифровых финансовых активах» прошел первое чтение в Государственной Думе 22 мая 2018 года.

В октябре президент Российской ассоциации криптоиндустрии и блокчейна Юрий Припачкин заявил, что законопроект о цифровых активах, находящийся на рассмотрении в Госдуме, не сможет решить проблему эффективного построения цифровой экономики в России. В ходе заседания президентского Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 29 октября было решено внести существенные изменения в проект закона и вернуть подготовленный финансовым комитетом Госдумы ко второму чтению документ «О цифровых финансовых активах» в стадию первого чтения.

Как сообщается, необходимость правки законопроекта продиктована недостатками последнего, не связанными с криптовалютами и токенами. Основные замечания юристов касаются конфликта норм о цифровых активах с действующим корпоративным законодательством России и регулированием оборота «классических» финансовых активов — акций и долей в ООО.

Критику в отношении закона высказывала Российская ассоциация криптоиндустрии и блокчейна (РАКИБ), а также Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), который 22 октября направили в правительство РФ письмо с просьбой пересмотреть законопроекты о цифровых финансовых активах. По законопроекту были также замечания ФСБ, касающиеся вопросов использования криптовалют для отмывания преступных капиталов и финансирования преступной деятельности. ФСБ также называла проблемой законопроекта «излишнюю технологическую привязку» к одной определенной информационной системе, где обращаются цифровые финансовые активы, — блокчейну (blockchain). Законопроект регулирует существующие системы, а той которая создается государством, он не касается, говорил сотрудник ФСБ Максим Медведев.

Представители АНО «Цифровая экономика» также заявили в ноябре, что «принятие данного законопроекта приведет к снижению конкурентоспособности российских компаний за счет ограничения их доступа к глобальному рынку криптокапитала».

Второе чтение было запланировано на 20 марта 2019 года, но Госдума РФ неожиданно перенесла второе чтение законопроекта о цифровых финансовых активах на апрель, по просьбе разработчиков документа. Один из авторов законопроекта глава комитета Госдумы по финансовым рынкам Анатолий Аксаков сказал Рейтер, что потребовалось учесть поправки администрации президента. Замечания ФСБ в тексте закона также не были урегулированы ко второму чтению, но депутаты собирались в течение 2019 года прописать отношение к криптовалютам в отдельном законе (представители комиссии FATF, прибывшие в страну с проверками, потребовали принять отдельный закон, который будет регулировать выпуск и оборот криптовалют).

В редакции законопроекта ко второму чтению был внесены следующие поправки:

№ статьи ФЗ	Федеральный закон «О цифровых финансовых активах»	
	В первом чтении	Во втором чтении
1	Предмет регулирования и сфера действия настоящего Федерального закона	
2	Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе	Выпуск цифровых финансовых активов
3	Особенности выпуска токенов	Решение о выпуске цифровых финансовых активов
4	Особенности обращения цифровых финансовых активов	Учет и обращение цифровых финансовых активов
5	Порядок вступления в силу настоящего Федерального закона	Оператор информационной системы, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов
6	X	Ведение оператором информационной системы, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра пользователей информационной системы
7	X	Ответственность оператора информационной системы, в рамках которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов
8	X	Оператор обмена цифровых финансовых активов
9	X	Особенности обращения цифровых финансовых активов, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг
10	X	Особенности выпуска и обращения цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале хозяйственного общества
11	X	О внесении изменений в Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»
12	X	О внесении изменений в Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»
13	X	О внесении изменений в Федеральный закон от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»
14	X	О внесении изменений в Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»
15	X	О внесении изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»
16	X	Порядок вступления в силу настоящего Федерального закона

В тексте были исключены ряд основных понятий: токен, криптовалюта, смарт-контракт, майнинг. Дается определение цифровых финансовых активов. Вводится понятие цифровых операционных знаков. Законопроект предусматривает понятие «оператор обмена цифровых финансовых активов».

Согласно поручению президента РФ (Пр-294, п.За-2) Правительству РФ совместно с Государственной Думой Федерального Собрания РФ необходимо было обеспечить принятие в весеннюю сессию 2019 года федеральных законов, направленных на развитие цифровой экономики, в том числе определяющих порядок совершения гражданско-правовых сделок в электронной форме, а также предусматривающих регулирование цифровых финансовых активов и привлечение финансовых ресурсов с использованием цифровых технологий. Срок исполнения — 1 июля 2019 года. Ответственные: Медведев Д. А., Володин В. В. В случае принятия законопроекта Федеральный закон вступил бы в действие 01 октября 2019 года.

23 апреля 2020 года Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) обратился к премьер-мини-

стру РФ Михаилу Мишустину с просьбой рассмотреть возможность поддержки принятия законопроекта «О цифровых финансовых активах» Госдумой в весенней сессии 2020 года. Ранее у РСПП были замечания к пакету «цифровых» законопроектов («О цифровых финансовых активах (ЦФА)», «О краудфандинге» и соответствующие изменения в ГК), принятому в первом чтении Госдумой в мае 2018 года, но сейчас многие предложения бизнес-сообщества учтены, следует из письма.

Глава комитета Госдумы по финансовому рынку Анатолий Аксаков сообщил, что законопроект по ЦФО находится в «высокой степени готовности для второго чтения, дошлифовываются детали и формулировки». По его оценкам, документ будет разослан по ведомствам для голосования во втором чтении до майских праздников.

Каким образом Программа повлияет на цифровую экономику России — сказать однозначно сложно, считают эксперты. Предварительный бюджет данной программы — 1 триллион 200 миллиардов рублей. Эта сумма не окончательная, а лишь рас-

считанная на первый этап проведения программы до 2021 года. Сегодня доля цифровой экономики в ВВП страны составляет 3,9%. Согласно исследованию консалтинговой компании McKinsey,

цифровизация экономики может увеличить ВВП России на 4,1–8,9 трлн руб. Удастся ли цифровым технологиям сделать экономику страны сильнее — покажет время.

Литература:

1. www.kremlin.ru
2. static.government.ru
3. www.rbc.ru
4. www.mckinsey.com
5. www.tadviser.ru
6. ru.reuters.com
7. fomag.ru
8. www.news24-7.ru
9. news.rambler.ru
10. cryptonews.net
11. smart-lab.ru
12. INTERFAX.RU

Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, посредством использования информационных технологий

Беланова Галина Олеговна, кандидат юридических наук, доцент;

Ярошенко Анастасия Фёдоровна, студент

Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

В статье исследуется порядок извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве, с использованием информационных технологий, а также проблемы, возникающие при использовании таких способов извещения.

Ключевые слова: извещение, способ извещения, гражданское судопроизводство, участники процесса.

На практике весьма распространённой является ситуация, когда дело рассматривается без участника судопроизводства, потому что он не был уведомлен о времени и месте судебного заседания. В дальнейшем это становится основанием для отмены или изменения решения в апелляционной инстанции.

Чтобы извещение было признано надлежащим, необходимо соблюдение двух условий:

- фиксирование факта отправки судебного извещения;
- фиксирование факта вручения судебного извещения адресату.

Если установление факта отправки извещения не вызывает особых проблем, то установление второго факта более затруднительно. Тяжело определить действительно ли участник судопроизводства не был уведомлён о судебном заседании по объективным причинам или же намеренно уклоняется от получения извещения. Данная проблема существенно затягивает процесс.

Статья 113 ГПК РФ предусматривает основные способы надлежащего извещения участников гражданского судопроизводства. В силу нормы закона, лица оповещаются или приглашаются в суд заказным письмом, судебной повесткой, для которых обязательно уведомление о вручении, а также теле-

фонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки. То есть перечень способов извещения не является закрытым [1]. Это объясняется тем, что общество стремительно развивается и традиционные способы извещения становятся не такими эффективными в современных условиях, как прежде. Появляются новые способы передачи информации, использование которых обусловлено развитием информационных технологий.

Внедрение средств научного прогресса в судопроизводство выступает одной из основных задач на пути реформирования гражданского процесса. Стоит отметить, что дальнейшая цифровизация правосудия выступает эффективным способом повышения оперативности судопроизводства. Такая цифровизация наблюдается в большинстве развитых стран мира. Например, в Сингапуре с 2011 г. судопроизводство полностью автоматизировано [4, с. 21]. Несмотря на это, применение информационных технологий при извещении участников процесса не должно становиться самоцелью, а должно выполнять задачу по совершенствованию механизма извещения.

На практике в качестве способов извещения участников процесса с использованием информационных технологий выступают СМС — извещения e-mail-извещения.

Более распространённым способом оповещения является СМС-сообщение. По своей природе такой способ близок с почтовым извещением, что даёт повод предположить о возможной замене в ближайшем будущем почтового уведомления на СМС-уведомление, но для этого потребуется более подробная правовая регламентация.

Использование данного способа допустимо только на добровольной основе. Подтверждение согласия лица оформляется распиской, в которой указывается номер телефона.

Главной проблемой данного способа является то, что номер может быть изменён, совершена ошибка при написании расписки или намеренно указан неверный номер для затягивания процесса [2, с. 191]. Относительно этого А. П. Рыжаков говорит о возможности указания в расписке участника гражданского судопроизводства, не своего номера, а, например родственника, члена семьи или другого абонента, на номер которого удобнее получить сообщения [5, с. 80]. Ещё одним минусом является то, что невозможна отправка СМС-сообщений при необходимости направления участнику процесса документов или материалов

Отправка СМС-сообщений осуществляется в порядке, предусмотренном приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений». Благодаря СМС-извещениям значительно ускоряется работа аппарата суда. Так, сообщения формируются автоматически, а их отправка происходит за секунды. Сведения отчетов о доставке сообщений в автоматическом режиме импортируются в базу данных. Также в качестве плюса можно отметить экономию средств бюджета, а также возможность получения извещения участником не зависимо от нахождения по месту регистрации.

Следующим способом извещения с использованием информационных технологий выступает отправка электронных писем. Так же, как и СМС-извещения, данный вид имеет добровольный характер и необходимо согласие участника судопроизводства в форме расписки, в которой непосредственно указывается адрес электронной почты. Согласие выясняется или при подаче искового заявления (для истца), или при первой явке в судебное заседание. Если отсутствует согласие на извещение посредством электронной почты, но участнику процесса судом на электронный адрес отправляются какие-либо документы или материалы, то в электронном письме может быть сообщено о месте и времени судебного заседания, однако такое извещение

должно быть дополнением к другим способам судебного извещения, не требующим согласия участника [3, с. 16].

Извещения путем отправки электронных писем имеют ряд минусов. Участник процесса может не увидеть извещение из-за большого потока рассылки, отправляемой на его электронный почтовый ящик или потому что письмо попало в «Спам». Также лицо может потерять логин и пароль от своей электронной почты, а ещё почтовый адрес могут взломать. Существует вероятность прочтения извещения не адресатом. А также отсутствия у определённых слоёв населения технической возможности, а именно ввиду отсутствия технического устройства или интернет-соединения в малонаселённой местности. К плюсам можно отнести то, что такой способ извещения весьма прост в использовании и не требует особых затрат.

Стоит обратить внимание, на разработку проекта Процессуального кодекса об административных правонарушениях. Министерство юстиции Российской Федерации опубликовало свой отчет о проведении оценки регулирующего воздействия проекта Процессуального кодекса об административных правонарушениях. Законопроектом установлена возможность направления и доставки извещений и уведомлений участников производства по делам об административных правонарушениях с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг [6].

Полагаем эффективным внедрение извещения участников судопроизводства через портал Госуслуги. Его использование позволит избежать большинство тех проблем, которые возникают при СМС-извещениях или извещениях через электронную почту. Данный портал является надёжным способом получения информации, а если у участников отсутствует личный кабинет на сайте госуслуг и возникли трудности при регистрации, они вправе обратиться за помощью в МФЦ

Таким образом, судебные извещения с использованием информационных технологий играют важную роль в современных условиях развития общества и укрепляют своё положение относительно традиционных способов извещения. Поэтому правовое регулирование института извещения в гражданском процессе требует дальнейшей конкретизации. Но не все проблемы удастся предотвратить лишь законодательным урегулированием механизма их применения. Основной задачей законодателя должно стать нахождение максимально эффективного, надёжного, а главное, оптимального механизма извещения участников гражданского процесса.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 24.04.2020)// «СПС Консультант Плюс».
2. Лошкарев, А. В. проблема извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве / А. В. Лошкарев, А. В. Фадеев, А. Г. Федякина. — Текст: непосредственный // международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2020. — № 1–2. — С. 190–193.
3. Молева, Г. В. Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве / Г. В. Молева, Д. А. Гуськов. — Текст: непосредственный // Сборник научных трудов по материалам XIII международной научной конференции. — Санкт-Петербург: Международная Объединенная Академия Наук, 2018. — С. 14–17.
4. Решетняк, В. И. Информационные технологии в судебной системе Сингапура / В. И. Решетняк. — Текст: непосредственный // Информационное право. — 2012. — № 2(29). — С. 21–24.

5. Рыжаков А. П. SMS-извещение // Юрист — практик. Газета для руководителя, юриста, бухгалтера. 2012. № 4. — С. 80.
6. Российская Газета — Федеральный выпуск № 74(8128) от 06.04.2020// извещение и наказание.

Увольнение работника АПК в связи с ликвидацией организации

Бобровский Андрей Алексеевич, студент
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье кратко рассмотрено такое основание для расторжения трудового договора по инициативе работодателя с работниками агропромышленного комплекса, как ликвидация организации либо прекращение деятельности индивидуальным предпринимателем. Отмечены основные проблемы применения п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

Ключевые слова: работник, работодатель, трудовой договор, ликвидация организации, увольнение.

The dismissal of an agricultural worker in connection with the liquidation of the organization

Bobrovskij Andrej Alekseevich, student
Kuban State Agrarian University named after I.Trubilin (Krasnodar)

This article discusses the dismissal of agricultural workers during the liquidation of an organization. Based on the analysis of the literature, the author identifies the main problems in applying paragraph 1 of Part 1 of Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: employee, dismissal, employer, organization, liquidation

Как известно, труд работников аграрного сектора имеет ряд особенностей, связанных со спецификой деятельности. Несмотря на вышеотмеченное, трудовое законодательство не выделяет работников сельского хозяйства в специальную группу, правовое регулирование труда которых имеет особенности [1]. Работодателями в АПК могут выступить как физические, так и юридические лица. Основания для расторжения трудового договора по инициативе работодателя определены статьей 81 ТК РФ, одно из которых — ликвидация организации либо прекращение деятельности индивидуальным предпринимателем (п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ [3]).

Пункт 1 ч. 1 ст. 81 в качестве самостоятельного основания расторжения трудового договора является новеллой в современном трудовом законодательстве России [2]. Ранее, в Кодексе законов о труде Российской Федерации оно совмещалось с сокращением численности или штата работников (ныне п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Для правомерного увольнения по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ необходимо предусмотренное п. 2 ст. 61 ГК РФ решение о ликвидации юридического лица

Действующее законодательство предусматривает, что работники предупреждаются о предстоящей ликвидации персонально и под роспись не менее чем за 2 месяца до увольнения в соответствии (ч. 2 ст. 180 ТК РФ). Есть и особые сроки уведомления (применимые в том числе и для некоторых категорий работников АПК), предусмотренные ст.ст. 292, 296 ТК РФ. Кроме того, на работодателя возложено требование уведомить профсоюзный орган о предстоящем массовом увольнении работников в срок не менее 3 месяцев до такового. Также законом установлены в качестве гарантий прав уво-

ленных: выплата выходного пособия в размере среднемесячного заработка; сохранение среднемесячного заработка (не более 2-х месяцев с момента прекращения трудового договора). В случае, если потерявший работу обратится в центр занятости не позднее 14 дней с даты увольнения, выплата среднемесячного заработка может быть распространена и на 3-й месяц.

Одной из правовых проблем, возникающих при увольнении в связи с ликвидацией организации — соблюдение прав работников, их надлежащее уведомление. В условиях ликвидации зачастую работодатели игнорируют обязанность по уведомлению работников. Кроме того, в место п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ не редко работодателями иницируется обход закона и прекращение трудовых отношений по ст. 80 ТК РФ.

По-прежнему в трудовом законодательстве не нашло закрепление положение, согласно которому будет определено на какой стадии ликвидации организации работодатель будет обладать правом расторгнуть трудовые договора с работниками по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ.

В соответствии с абз. 2 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» для правомерного увольнения по рассматриваемому основанию является решение для ликвидации юридического лица. Несмотря на данную позицию в определении от 11 июля 2008 г. по делу № 10-В08-2 Верховным Судом указано, что само открытие конкурсного производства — еще не основание для увольнения работников по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, а ликвидация будет завершена при внесении соответствующей записи в ЕГРЮЛ.

На наш взгляд для совершенствования трудового законодательства необходимо четко урегулировать вопрос о временном аспекте для правомерного увольнения работников по рассматриваемому основанию. Возможно, следует официально наделять работодателя правом расторгать договоры на любых стадиях ликвидации.

Проблемными вопросами на практике также являются увольнения работников в связи с ликвидацией филиалов орга-

низаций. Так, структурные подразделения, не являющиеся работодателями, а выступают в правоотношениях отношения от имени создавшего их юридического лица. Следовательно, при «закрытии» филиалов, «материнские» организации должны прекращать трудовые отношения со штатом работников подчиненных структурных подразделений не по п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, а по сокращению численности (штата) (т.е по п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Литература:

1. Бобровский А. А. Об увольнении работника АПК в связи с появлением на работе в состоянии опьянения // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2019. № 2 (33). С. 66–68
2. Бобровский А. А., Макарова В. А. Об увольнении в связи с ликвидацией организации и сопутствующих проблемах // Новая наука: проблемы и перспективы: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (26 июля 2016 г, г. Стерлитамак). / в 2 ч. Ч. 1 — Стерлитамак: АМИ. 2016. — С.162–168.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — N1 (ч. 1). Ст. 3.

Акцизы на алкогольную продукцию как инструмент государственного регулирования рынка и инструмент профилактики алкоголизма среди населения России

Богомолов Владимир Владимирович, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье раскрываются механизмы распределения акцизов на алкогольную продукцию, объемная доля этилового спирта в котором свыше 9%, в качестве инструмента государственного регулирования рынка. Несмотря на вводимые меры, а меры, принимаемые органами государственной власти РФ по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, недобросовестные предприниматели продолжают осуществлять розничную продажу контрафактной алкогольной продукции несовершеннолетним. Рассмотрен пример привлечения инспектора ПДН к ответственности при осуществлении контроля за соблюдением законодательства по регулированию производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции.

Ключевые слова: алкогольные изделия, акцизы, подакцизные товары, ЕГАИС, административная ответственность.

Производство алкогольных изделий и их продажа в первой половине XV века в России становится важнейшим источником пополнения доходов казны в связи с введением государственной монополии. С 1992 года в России вводится акцизное налогообложение, в том числе — и на алкогольную продукцию, а акцизные поступления активно зачисляются как в федеральный, так и в региональные бюджеты (регулирующий налог).

Алкогольные напитки как подакцизные товары на территории Российской Федерации подлежат обязательной маркировке, что является способом идентификации легального производителя, либо ввоза товара на территорию РФ. Ставка налогообложения алкогольной продукции в соответствии со ст. 193 Налогового кодекса РФ является твердой и устанавливается в абсолютном значении на единицу налоговой базы [1]. Предусмотрена индексация акцизов как один из механизмов, направленный на ограничение потребления алкоголя как потенциально опасного товара.

По данным Росстата [2], потребление алкоголя на душу населения — более 11,6 литров в год! Смертность от отравлений спиртным составляет 8,9% на 100 тысяч человек (в 2018 году — 9,7%). В поисках новых стимулов регионального развития Федеральными органами власти не раз ставился вопрос об изменении механизмов распределения акцизов на алкогольную продукцию, объемная доля этилового спирта в котором свыше 9%, в качестве инструмента государственного регулирования рынка. В результате скоординированных действий Правительства и региональных властей выработан механизм зачисления доходов от данного вида алкогольной продукции в бюджеты субъектов РФ по месту производства подакцизной продукции.

Согласно данным Министерства финансов России объем фактического поступления акцизов на данный вид алкогольной продукции превысил 58 млрд.рублей [3]. Тем не менее, существует еще один механизм — перераспределение из суммы общероссийского поступления доходов пропорционально численности населения региона, а также — зачисление 100%

акцизов на крепкую алкогольную продукцию в федеральный бюджет с дальнейшим распределением между субъектами РФ пропорционально объему розничной реализации алкогольной продукции.

В случае применения последней схемы образуются выпадающие доходы в 25 субъектах, а дополнительные доходы — в 60 регионах, произойдет перераспределение доходов между регионами в общем объеме более 26 млрд.рублей. Однако, при введении новых механизмов перераспределения акцизов остается неясным финансовый источник выпадающих доходов бюджетов субъектов, возложение на федеральный бюджет дополнительной нагрузки; потребуются новые механизмы расходования субъектами дополнительного дохода, поскольку в нынешней ситуации, когда высок риск возврата мер, направленных на предотвращение чрезвычайной ситуации, связанной с распространением коронавируса, дополнительные финансы регионы направят на погашение как внутренних долгов, так и на социальную поддержку населения.

Таким образом, наиболее перспективным представляется механизм «дорожных карт» как комплекса мероприятий по совершенствованию механизмов государственного регулирования производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, который направлен на повышение эффективности государственного регулирования и конкуренции на алкогольном рынке, снижения масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактики алкоголизма среди населения России.

Полагаем, данный механизм весьма действенен как инструмент реализации программно-целевого подхода социально-экономического развития страны и как вектор мер антикризисного реагирования и недопущения погони за увеличением розничного объема продаж алкогольной продукции. Так, с 01 января 2016 г. были значительно увеличены акцизные ставки на определенные категории алкогольной продукции, а на алкоголь крепостью свыше 9% ставки акцизные остались на уровне прежнего года. Значительный рост цен на алкогольную продукцию, в том числе — за счет увеличения акцизных ставок и их роста приводит к потоку нелегального импорта дешевого алкоголя из стран Евразийского экономического союза.

Данные Федеральной таможенной службы России показывают, что ввоз легальной продукции продолжает сокращаться, что связано также и с нестабильностью российской валюты. В нелегальном обороте за январь-февраль 2016 г. выявлено более 51,3 тыс.декалитров этилового спирта и алкогольной продукции [4]. То есть, государственным бюджетом недополучено из-за нелегальной продукции около 120 млрд рублей только за короткий период 2016 г., что, безусловно, негативно отразилось на экономике страны.

С 01 января 2016 г. введена Единая государственная автоматизированная информационная система ЕГАИС, которая представляет собой кассовый аппарат, планшет с выходом в сеть Интернет и сканер. Данная система применяется во всех местах, где продается алкоголь и выполняет функции обеспечения полноты и достоверности учета производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, ведение учета импорта спирта и алкогольной продукции с контролем

правильности начисления акциза, обеспечение учета акцизных и специальных федеральных марок, анализ роста производства и оборота спиртосодержащей продукции, затруднение сбыта контрафактной алкогольной продукции путем контроля и проверок сопроводительной документации, удостоверяющей законность производства и оборота алкогольной продукции [5].

В ч. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ предусмотрена ответственность за нарушение розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции. Согласно ФЗ № 182 от 29.06.2015 года все организации розничной торговли, включая ИП, должны подключиться к ЕГАИС-РОЗНИЦА в части подтверждения факта закупки. Для подключения к ЕГАИС на официальном сайте необходимо: Приобрести и использовать компьютер; Приобрести аппаратный крипто-ключ; записать на аппаратный крипто-ключ сертификат электронной подписи; войти в личный кабинет на портал.

Законодательная основа ЕГАИС зафиксирована также в следующих нормативно-правовых документах:

1) Федеральном законе «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» от 22.11.1995 N171-ФЗ (ред. от 24.04.2020 г.)

2) Постановлении Правительства РФ от 25.05.2006 № 522.

3) Приказе Росалкогольрегулирования от 01.08.2013 № 193.

В соответствии с письмом федеральной службы по регулированию алкогольного рынка от 01.09.2014 года № 1714/03 «О порядке заполнения журнала учета объема спиртосодержащей продукции» предприниматель обязан вести журнал учета объема розничной продажи пива. Журнал должен заполняться ежедневно. Форма журнала и порядок его заполнения утвержден Приказом Росалкогольрегулирование от 19.06.2015 г. № 164.

По итогам каждого квартала не позднее 20 числа следующего месяца предприниматель обязан подготовить в Росалкогольрегулирование декларацию по обороту пива по форме № 12. Бланк декларации и правила ее заполнения утверждены постановлением Правительства от 06.08.2012 г. № 815.

Тем не менее, несмотря на вводимые меры, а меры, принимаемые органами государственной власти РФ по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, недобросовестные предприниматели продолжают осуществлять розничную продажу контрафактной алкогольной продукции несовершеннолетним.

15.02.2017 г. в период времени примерно с 16 часов 00 минут до 17 часов 45 минут инспектор ПДН ОП по Озерскому району МО МВД России «Гусевский» Л-ва Н. В., осуществляя функции представителя власти, руководствуясь ложно понятыми интересами службы, умышленно, в целях повышения показателей своей работы, незаконно, при отсутствии события административного правонарушения, с целью привлечения индивидуального предпринимателя Ш-н К. А. к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ,

направила в магазин «Солнышко», расположенный в д. 1А по ул. Центральной в пос. Лужки Озерского района Калининградской области несовершеннолетних З-ну Н. Е. и О-ва Е. В. с целью приобретения последними 2 бутылок алкогольного пива на личные денежные средства сотрудника полиции. После отказа Ш-н К. А. продать спиртосодержащую продукцию, несовершеннолетние З-на Н. Е. и О-ов Е. В. сообщили об этом Л-ой Н. В.

Л-ва Н. В., достоверно зная об отказе Ш-н К. А. продавать спиртосодержащие напитки несовершеннолетним, вновь направила несовершеннолетних З-ну Н. Е. и О-ва Е. В. в магазин «Солнышко» с целью приобретения последними спиртосодержащей продукции, при этом осуществила звонок на мобильный телефон несовершеннолетней З-ну Н. Е., где с помощью громкой связи высказала адресованную Ш-н К. А. просьбу реализовать спиртное З-ной Н. Е. и О-ву Е. В., по сути, спровоцировав Ш-н К. А. на реализацию алкогольной продукции несовершеннолетним.

После этого, 15.02.2017 г. примерно в 17 часов 45 минут инспектор ПДН ОП по Озерскому району МО МВД России «Гусевский» Л-ва Н. В., находясь в помещении магазина «Солнышко», действуя умышленно, совершая действия, которые могла совершить только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте, собственноручно составила в отношении индивидуального предпринимателя Ш-н К. А. протокол об административном правонарушении серии КН № 0876543 по ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, осознавая при этом, что совершение Ш-н К. А. данного административного правонарушения было по сути спровоцировано, после чего административный материал в отношении Ш-н К. А. был направлен в мировой суд для рассмотрения по существу.

Согласно сопроводительному письму от 16.02.2017 г. материал об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.16 ч. 2.1. КоАП РФ в отношении Ш-н К. А. направлен в мировой суд Озерского судебного участка для принятия решения в соответствии с действующим законодательством.

Согласно постановлению мирового судьи Озерского судебного участка Калининградской области от 28.04.2017 г. производство по делу об административном правонарушении в отношении Ш-н К. А. прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ, в связи с отсутствием в ее действиях состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ. Но было возбуждено уголовное дело № 117022700083903880, возбужденное по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УПК РФ в отношении Л-вой Н. В.

Как видно из материала, поводом для возбуждения уголовного дела послужили постановление прокурора Озерского района о направлении материалов проверки органа предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, а также материал доследственной проверки, зарегистрированные в книге регистрации сообщений о преступлениях (КРСОП) № 444–320пр-17 от 07.06.2017 г. Далее из постановления суда вытекает, что фактически поводом и основанием для возбуждения уголовного дела послужили постановление мирового судьи Озерского судебного участка Н-вой

И. В. от 27.04.2017 г. и материалы по делу об административном правонарушении № 5–112/2017 г., что свидетельствует о несоблюдении порядка рассмотрения сообщения о преступлении, предусмотренного ст. 144 УПК РФ, следователем О-вым Н. А. в ходе доследственной проверки.

С точки зрения суда довод жалобы о том, что Л-ва Н. В. не является субъектом предусмотренного ч. 1 ст. 286 УПК РФ преступления подлежит проверке в ходе расследования, кроме того, в судебном заседании из пояснений Л-вой Н. В. следует, что она на момент производства по административному делу в отношении ИП Ш-н К. А. являлась должностным лицом — инспектором ПДН ОП по Озерскому району МО МВД России «Гусевский». Выяснение наличия либо отсутствия у инспектора Л-вой Н. В. таковых полномочий, как право составлять протоколы по ч. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ, а также выяснение конкретных обстоятельств дела возможно в ходе предварительного расследования.

При превышении должностных полномочий по ч. 1 ст. 286 УК РФ следовательно, до возбуждения уголовного дела, необходимо точно установить объем должностных полномочий, предоставленных должностному лицу и определиться, является ли должностное лицо — инспектор ПДН Л-ва Н. В. в отношении которой возбуждено уголовное дело по факту превышения должностных полномочий, субъектом преступления, совершившим действия, явно выходящие за пределы его полномочий. В связи с этим отметим, что с позиции закона и практики правоприменения она не является ни субъектом рассматриваемого должностного преступления, ни сотрудником, совершившим действия, явно выходящие за пределы его компетенции.

Для этого рассмотрим объем полномочий, предоставленных инспектору ПДН Л-вой Н. В. Руководствуясь законом (КоАП РФ) составление протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ не входит в его должностные полномочия, по основаниям, которые нами изложены в жалобе на постановление о возбуждении уголовного дела.

Приказ МВД РФ № 403 от 05 мая 2012 года «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях, изданный, как указывается, в его преамбуле, в соответствии с ч. 4 ст. 28.3 КоАП РФ, тем не менее, вступает в противоречие с указанной нормой и с п. 5 ч. 2 ст. 14 ФЗ № 3 «О полиции», утверждает перечень должностных лиц системы МВД РФ, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, министр этим приказом уполномочивает, согласно п. 3.5., инспекторов ПДН составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренные ч. 2.1. ст. 14.16 КоАП РФ. Указанная норма приказа МВД РФ № 403 вступает в противоречие с ч. 4 ст. 28.3 КоАП РФ и не соответствует ч. 1 и ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ.

С позиции закона должностным преступлением могут быть признаны такие действия должностного лица, которые вытекли из его служебных полномочий и были связаны с осуществлением прав и обязанностей, которыми это лицо наделено законом в силу занимаемой должности. В п. 14 Постановления

Пленума ВС РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблениях должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъясняется, что не могут быть признаны преступными деяния должностного лица, связанные с использованием служебных полномочий, повлекшие причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам, если они были совершены во исполнение обязательного для него приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ).

О том, что не было превышения должностных полномочий и совершения действий, не указанных в законе или подзаконном акте, со стороны Л-вой Н. В. свидетельствует и должностной регламент (должностная инструкция), согласно которому инспектор ПДН Л-ва Н. В. в своей деятельности руководствуется Конституцией РФ и другими нормативно-правовыми актами.

Так, в п. 23 должностного регламента указывается, что для выполнения возложенных на инспектора ПДН Л-ву Н. В. обязанностей, он обладает правами, предусмотренными ст.ст.13, 28 ФЗ РФ от 07.02.2011 г. № 3 «О полиции». Иные права предоставляются инспектору ПДН в соответствии с законодательством РФ.

П. 26 должностной инструкции обязывает ее участвовать в проведении операций по выявлению несовершеннолетних, допускающих употребление спиртных напитков, а также лиц, нарушающих правила торговли спиртными напитками в отношении несовершеннолетних.

Из п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 24.10.1996 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении особенной части КоАП РФ» следует, что доказательством, подтверждающим факт реализации товаров является акт контрольной закупки, а выставленные в местах продажи (например, на прилавках, витринах, холодильниках) товары, продажа которых является незаконной, образует состав административного правонарушения при условии отсутствия явного обозначения, что эти товары не предназначены для продажи (п. 2 ст. 494 ГК РФ).

Учитывая, что ИП Ш-н К. А. осуществляет незаконную торговлю пивом по основаниям, изложенным в жалобе на постановление о возбуждении уголовного дела, то сам факт наличия в холодильнике спиртосодержащей продукции образует состав административного правонарушения.

Субъективной стороной при превышении должностных полномочий и является вина, в форме прямого умысла, то есть когда лицо осознает, что совершаемые им действия явно выходят за пределы предоставленных ему полномочий, предвидит последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов, что не имеет никакого отношения к действиям Л-вой Н. В., полагающей, что она выполнила свои должностные обязанности в соответствии с предоставленными ей законом, должностным регламентом, иными нормативно-правовыми актами, правами.

Для раскрытия существа ложных понятий интересов службы также необходимо установить, что входит в интерес инспектора ПДН Л-вой Н. В.

П. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 г. № 19 разъясняет, что под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы (относя этот квалифицирующий признак к ст. 285 УПК РФ) следует

понимать совершение таких действий, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими полномочиями.

Интересы службы инспектора ПДН, их содержание указано и раскрыто в перечисленных ранее нормативно-правовых актах и должностной инструкции инспектора ПДН. Если должностное лицо добросовестно заблуждалось относительно ответственности своих действий интересам службы и это объективно обусловлено противоречиями, разночтениями в нормативных документах, регламентирующих права и обязанности должностного лица, состав должностного преступления отсутствует.

Необходимо понимать, что когда субъект действует из ложно понятых интересов службы, у него отсутствует антисоциальный интерес, а, собственно, и мотив заинтересованности, в нашем случае с точки зрения следствия — действия в целях повышения показателей своей работы. Следовательно, уголовная ответственность должна исключаться.

Исходя из данной аргументации при возбуждении уголовного дела должен быть конкретно указан мотив личного характера, которым руководствовалась Л-ва Н. В., но этим не является, как указано в постановлении о возбуждении уголовного дела, цель привлечения ИП к административной ответственности за совершение административного правонарушения — это ее обязанность.

В п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 16.10.2009 г. № 19 разъясняется, что в отличие от предусмотренной ст. 285 УК РФ ответственности за совершения действия (бездействия) в пределах своей компетенции вопреки интересам службы, ответственность за превышение должностных полномочий наступает в случае совершения должностным лицом активных действий, явно выходящим за пределы его полномочий, которые повлекли существенные нарушения прав и законных интересов граждан и организаций, либо охраняемых законом интересов общества или государства, если при этом должностное лицо осознавало что действует за пределами возложенных на него полномочий.

Отмечается, что исходя из диспозиций ст. 286 УК РФ для квалификации содеянного как превышение должностных полномочий мотив преступления значения не имеет.

Таким образом, инспектор ПДН Л-ва Н. В., не являясь в соответствии с законом субъектом инкриминируемого ей должностного преступления, не совершала действий, явно выходящих за пределы ее полномочий, а выполняла свои должностные обязанности в пределах прав, представленных ей нормативно-правовыми актами, а также согласно должностной инструкции, в ходе исполнения которых был установлен и задокументирован факт продажи пива несовершеннолетним, выявлена незаконная торговля спиртосодержащей продукцией. Следовательно, своими действиями Л-ва Н. В. не допустила существенного нарушения прав и законных интересов ИП Ш-н К. А., ее чести, доброго имени, подрыва авторитета органов внутренних дел.

В соответствии с п. 34 ч. 1 ст. 13 ФЗ от 07.02.2011 г. № 3 ФЗ «О полиции» полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется право привлекать граждан с их согласия к внештатному сотрудничеству; устанавливать негласное сотрудничество с гражданами, изъявившими желание конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной или возмездной основе; объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, и выплачивать его гражданам; поощрять граждан, оказавших помощь полиции в выполнении иных возложенных на нее обязанностей; привлекать для консультаций в установленном порядке специалистов государственных и муниципальных органов, организаций с сохранением за ними заработной платы (денежного содержания) по основному месту работы (службы).

Из указанной нормы следует, что сотрудники полиции вправе привлекать для выполнения возложенных на нее обязанностей граждан с их согласия, при этом возраст участника в случае безвозмездной помощи законодательно не определен.

Необходимо отметить, что в пункте 1 статьи 17 Федерального закона Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об

оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об оперативно-розыскной деятельности) указано, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту. В данном пункте также нет ограничения по возрасту лиц, привлекаемых к оказанию помощи органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Более того, в нашем случае спорные противоречия возникли в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, а не в рамках уголовно-процессуальных правоотношений, поэтому Закон об ОРД, регулирующий специальные полномочия субъектов ОРД, применению не подлежит.

С учетом изложенного, полагаем, что при осуществлении контроля за соблюдением законодательства по регулированию производства и оборота алкогольной и спиртосодержащей продукции сотрудниками полиции не было допущено нарушений законодательства. Объективная оценка действиям Л-вой Н. В. дана, вопрос о прекращении в отношении Л-вой Н. В. уголовного дела решен положительно.

Литература:

1. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 05.08.2000 N117-ФЗ (ред. от 23.04.2020)
2. Федеральная служба государственной статистики <http://www.gks.ru/>
3. Министерство финансов Российской Федерации <https://www.minfin.ru/ru/>
4. Федеральная таможенная служба России <http://customs.ru/>
5. Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка <http://www.fsrar.ru/>
6. Федеральный закон от 24.07.1998 N124-ФЗ (ред. от 27.12.2019 г.) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» //Собрание законодательства Российской Федерации от 3 августа 1998 г., N31, ст. 3802

Презумпция добросовестности приобретателя в делах, связанных с самовольным строительством

Бурлак Алина Евгеньевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Важно обратить внимание на абз. 2 п. 1 ст. 222 ГК РФ, где закрепляется «презумпция защиты добросовестного создателя самовольного объекта», а именно введено исключение, по которому не является самовольной постройкой здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, если собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка [1].

Таким образом, законодатель защищает права и законные интересы добросовестных застройщиков и закрепляет правовую позицию Конституционного суда Российской Федерации, который неоднократно подчеркивал, что осуществление самовольной постройки является виновным действием [5].

Введение такой нормы, как указано в пояснительной записке к законопроекту № 301924–7, было обусловлено отсутствием публичного доступа к сведениям о зонах с особыми условиями использования территории, их границах, ограничениях в использовании земельных участков в таких зонах [4].

В частности, подобная мысль ранее уже была отмечена Президиумом ВАС РФ в п. 10 Информационного письма № 143, согласно которому для того чтобы признать объект в качестве самовольного недостаточно отсутствия (или признания незаконным) разрешения на строительство, так как в первую очередь будет оцениваться добросовестность застройщика, который предполагал, что выполнил все необходимые подготовительные действия к строительству [3].

Однако Президиум ВАС РФ привел не совсем удачный пример. В споре о сносе автомайки добросовестность застройщика не защитила его. Снос постройки был признан законным, несмотря на то, что ответчиком были предприняты все необходимые действия для получения разрешения на строительство от уполномоченных органов, поскольку она мешала нормальной эксплуатации аэропорта и противоречила публичным ограничениям использования земельного участка на приаэродромных территориях. В связи с этим такая позиция Президиума ВАС РФ не часто использовалась судами [3].

Теперь конструкция добросовестности получила свое место в Гражданском кодексе РФ и в практике судов теперь стоит вопрос в границах ее использования.

По мнению В. С. Петрищева, А. С. Подмарковой, область применения этого послабления видится небольшой, так как ограничения использования земельного участка для строительства в большинстве своем содержатся в нормативном регулировании, а именно в федеральном законодательстве, подзаконных актах, генеральных планах и правилах землепользования и застройки. Такие акты публикуются в официальных изданиях и, соответственно, собственник объекта, если не знал, то должен был знать, поскольку имеет такую возможность, об этих ограничениях, так как эта информация находится в свободном доступе. В связи с чем предполагается, что абз. 2 п. 1 ст. 222 ГК РФ будет применяться в исключительных случаях, а ситуация в этой части мало изменится [6].

Профессор Ф. П. Румянцев считает, что данное нововведение следовало бы сформулировать более корректно, поскольку его содержание можно квалифицировать как частный случай общего правила: «закон обратной силы не имеет», т. е. по сути, новая норма направлена на обеспечение возможности легализовать те здания, строения, сооружения, возведение которых началось в период после получения заявителем одобрения (до 3 августа 2018 года — разрешения) от органов местного самоуправления на осуществление постройки. И в случаях если до завершения строительства и ввода объекта в эксплуатацию в отношении данного вида разрешенного использования земельных участков будут приняты новые ограничительные нормы по их использованию (например, законодатель устанавливает новую нормативную регламентацию зонирования с особыми условиями использования территорий), то для подобных ситуаций законодательная новелла усиливает защиту имущественных прав лица, построившего

тот или иной объект недвижимости, но не успевшего зарегистрировать право на него [7].

Но, наряду с позитивной стороной, редакция данной новеллы, по его мнению, не безупречна, и в процессе практики ее применения будет формироваться противоречивость толкования ее содержания, поскольку новое условие о том, что лицо, осуществляющее возведение постройки, не знало и не могло знать о произошедшем существенном изменении условий использования принадлежащего ему земельного участка, означает возникновение помимо его воли нарушений требований к объекту строительства со всеми вытекающими для застройщика последствиями, включая возникновение целого ряда правовых проблем по осуществлению сделок с такой возведенной постройкой, хотя и с гарантированной возможностью ее легализации. То есть введение новых ограничений по использованию земельного участка, на котором возводится постройка, означает возникновение таких же ограничений по ее оборотоспособности [7].

Следует отметить, что судебная практика идет по пути незащищенности права собственности. Сама по себе регистрация права собственности на объект недвижимости не исключает того, что в дальнейшем данный объект будет снесен.

В такой ситуации нельзя априори защищать приобретателя самовольного объекта, который понадеялся на данные ЕГРН.

Представляется, что в подобной ситуации приобретатель может предъявить иск о взыскании причиненного вреда (убытков) с самовольного застройщика.

В связи с чем предлагается расширить положения в части защиты добросовестного приобретателя и изложить абз. 2 п. 1 ст. 222 ГК РФ в следующей редакции: «не является самовольной постройкой здание, сооружение или другое строение, возведенные или созданные:

- с нарушением установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка;
- с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, если сохранение такой постройки не нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц и не создает угрозу жизни и здоровью граждан,

при условии, что собственник данного объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка, а также о нарушении градостроительных и строительных норм и правил, существовавших до приобретения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10 / 22. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09 декабря 2010 г. № 143. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Пояснительная записка «К проекту федерального закона» «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (в части уточнения положений о самовольных постройках)». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 1175-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Петрищев В. С., Подмаркова А. С. Очередная реформа норм о самовольном строительстве: оценка новелл//«Закон», 2019, № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Румянцев Ф.П. Самовольная постройка — административный снос или легализация: новеллы регулирования. 2019. С. 75–78.

К вопросу о классификации прав человека

Буртовенко Алексей Иванович, студент;
Погорелый Илья Сергеевич, студент;
Якубович Лилия Сергеевна, студент
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

В статье рассматривается проблема классификации прав человека в контексте с защитой социально уязвимых слоев населения. Особое внимание уделяется генерационной классификации. Авторами подчеркивается, что права человека второго поколения, или же позитивные права человека позволяют в большей степени защитить права социально уязвимых слоев населения.

Ключевые слова: права человека первого поколения, права человека второго поколения, позитивные права человека, негативные права человека, социально уязвимые слои населения.

Проблема гарантии прав человека является одной из наиболее важных в юриспруденции. Известно, что данному вопросу посвящены многочисленные монографии и учебники, ежегодно в нашей стране защищаются десятки диссертаций по обозначенной нами теме.

Для полного понимания сути прав человека, как нам видится, необходимо детально рассмотреть проблему их классификации. Классификация означает подразделение однородных или родовых явлений на группы по определенному принципу. Как справедливо констатируют российские исследователи, «цель всякой научной классификации прав человека — раскрыть их общественную значимость, выделить тот или иной коренной их признак, более глубоко изучить и проникнуть в их содержание» [1, с. 7]. Действительно, классификация служит для упорядочения определенной суммы знаний о правах человека в целом и о каждом праве в отдельности, которыми человечество располагает в настоящий момент. Трудности классификации прав человека обусловлены неоднородностью их конкретного содержания, рассредоточением по разным статьям Конституции РФ [1, с. 7].

Среди наиболее распространенных классификаций прав человека, думается, есть необходимость остановиться на двух из них. Первая — так называемая генерационная классификация прав человека. В основе данной системы лежит принцип историчности. Это означает, что каждая группа прав человека актуализировалась в соответствии с теми вызовами, с которыми сталкивалось человечество в какой-то отрезок времени. Ученые выделяют от пяти до семи генераций. О правах человека *первого* и, особенно, *второго поколения* мы остановимся чуть ниже. Вторая классификация прав человека апеллирует к механизму взаимодействия гражданского общества с государством. Есть так называемые *негативные* права человека, суть которых заключается в негативном отношении к государству, как инструменту подавления прав и свобод граждан. *Позитивные* права человека, наоборот, подразумевают поддержку или содействие государства в их реализации.

Известно, что впервые о правах человека начали размышлять интеллектуалы Древней Греции. Как подчеркивают российские специалисты, «зарождение идеи прав человека в V–VI вв. до н.э. в древних полисах стало крупным шагом на пути движения человечества к свободе и прогрессу. Неравномерность распределения прав человека между различными классовыми и сословными структурами, а то и полное их лишение (если говорить о рабах) было неизбежным в тех исторических условиях» [2, с. 168]. В трудах Сократа (469–399 до н.э.), Платона (427–347 до н.э.), Аристотеля (384–322 до н.э.) в той или иной степени затрагивается вопрос о естественных притязаниях как правах человека. Так, например, Платон в своих трудах, посвященных проекту идеального государства, говорит о равенстве мужчин и женщин, что в условиях того времени выглядело как своего рода интеллектуальное бунтарство. Однако, необходимо это признать, в трактатах данных мыслителей мы пока еще не находим полное понимание этих «естественных притязаний». Концептуализация прав человека произойдет намного позднее — в эпоху Нового времени.

Эпоха нового времени была ознаменована рядом буржуазных революций, разразившимися в Западной Европе. К подобным событиям следует, на наш взгляд, причислить революцию в Нидерландах (1566–1609 гг.), Английскую буржуазную революцию (1640–1660 гг.), Великую французскую революцию (1789–1794 гг.). Суть данных общественных явлений такова. На авансцену выходит новый класс — класс капиталистов, предприимчивых людей, которые отныне сами желают править государством, активно участвовать в политической и экономической жизни общества. Зарождению класса капиталистов, или, как его иначе именуют, классу буржуазии, предшествовало важнейшее событие в интеллектуальной жизни Западной Европы — распространение реформаторских учений, которые впоследствии легли в основу протестантских религиозных концепций. Реформационное движение порождает две основные идеи, лежащие в основании современного правового государства: ин-

дивидуализм — сознание собственной исключительности, самоценности собственного бытия, и идею плюрализма — уважительного отношения к другой личности, признание ее прав и свобод. «Формирование этих принципов повлекло за собой появление идеи правового государства с признанием государством индивида важнейшей величиной, с равенством прав и свобод всех граждан, с доминантой закона» [3, с. 51].

В основе капиталистических отношений, свободного рынка, либеральной идеологии лежат права человека первого поколения, они же негативные права. Слово «негативное» сопряжено с отрицательным отношением к государству, как инструменту подавления гражданских прав и свобод. В рамках негативных прав человека обычно выделяют четыре базовые права:

1) Право на жизнь. Данное положение означает, что суверен, он же король, отныне не вправе лишать человека жизни без судебного вердикта.

2) Право на частную собственность, оно же — принцип неприкосновенности частной собственности. Данное положение означает, что частная собственность не может быть конфискована у владельца без решения суда.

3) Право на личную жизнь. Данное положение означает крушение принципа сословности в построении супружеских отношений, которое было свойственно эпохе феодализма.

4) Право участвовать в политической жизни общества. Данное положение означает ограничение власти монарха.

По мере развития общественных отношений примерно к началу XIX в. становится понятно, что сложившаяся капиталистическая система не безупречна. Безусловно, быстро развивающиеся страны, становящиеся по-настоящему индустриальными, смогли обеспечить собственных граждан важными видами прав и свобод. Капиталист, он же предприимчивый человек, стал чувствовать себя комфортно в новом обществе. Новое время принесло ему уверенность в завтрашнем дне. Он понимал, что отныне правовая система подчиняется общеизвестным законам, никто не может его лишить его жизни, имущества, иных благ без судебного вердикта.

Однако в недрах общества индустриальных стран постепенно возникали новые противоречия. Эти противоречия объяснимы невозможностью определенных слоев населения стать полноценными участниками капиталистических отношений. Речь идет о социально уязвимых слоях населения, которые в силу тех или иных причин, были неконкурентоспособны.

Среди интеллигенции XIX в. стали распространяться идеи о необходимости пересмотра базовых постулатов прав человека и правового государства. На повестку дня пришел вопрос о формировании так называемого социального государства, которое бы гарантировало соблюдение совершенно новых прав человека. Данную группу прав человека стали именовать положительными или правами человека второго поколения. Смысл выражения положительными права человека означал, что отныне гражданское общество обращивается лицом к государству с требованием о поддержки. Действительно, такие виды прав человека, как, например, право на труд, право на бесплатное образование, право на пенсионное обеспечение и др. были реализованы в мировом масштабе уже в эпоху Новейшей истории.

В настоящее время к правам человека рассматриваемой нами группы относятся:

- защита детства и материнства (весь комплекс социальной поддержки, в том числе и многодетных семей);
- право на труд и минимальную заработную плату;
- право на жилье (сегодня данное право претерпело существенные изменения в содержательной части, гарантируется не столько жилье как таковое, сколько защиту жилья как разновидности имущества);
- право на пенсионное обеспечение;
- право на льготы для социально уязвимых слоев населения;
- право на бесплатное среднее образование и др.

По мере общественного развития права человека неоднократно пересматривались. Так, в эпоху крушения колониальной системы, которая пришла на середину прошлого столетия, были концептуализированы так называемые права человека третьего поколения. Данная группа прав человека отчетливо апеллировала к общественным правам, таким, как право на мирное шествие, на свободу слова и т.д. Мы не будем рассматривать все группы прав человека из категории генерационных, так как все последующие поколения уже в значительно меньшей степени защищали интересы социально уязвимых слоев населения. Для нас принципиально важным является выявить вопрос защиты прав человека в контексте поддержки социально уязвимых слоев населения.

Несколько отдельно стоит вопрос о том, какие именно слои населения могли выступать в качестве субъекта данного вида правоотношений. Данный вопрос также до настоящего времени остается открытым. Тем не менее, общепринятая точка зрения гласит, что поддержкой государства могут пользоваться следующие социальные группы:

- люди преклонного возраста;
- инвалиды;
- дети, в том числе дети-сироты;
- женщины (данный вопрос является одним из наиболее дискуссионных в теории прав человека);
- многодетные семьи;
- молодежь (не во всех государствах данная точка зрения находит поддержку);
- отдельные группы людей, пострадавших в силу непредвиденных обстоятельств, либо в силу выполнения профессионального долга.

Также следует добавить, что в различных государствах обозначенная нами проблема решается по-разному. В тех странах, где провозглашен принцип социальности государственного устройства, защита прав социально уязвимых слоев населения решается более тщательно. Так, например, в этих государствах наблюдается достаточно большой пласт нормативно-правовых актов, где зафиксированы методы защиты прав данных групп населения. Напомним, что согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации, наша страна является социальным государством. Несколько иная ситуация исторически сложилась в странах англо-саксонской правовой семьи, где активное вмешательство государства видится избыточным. Но даже там в условиях сегодняшнего дня оказывается значительная поддержка социально уязвимым группам.

Итак, как мы видим, проблема защиты прав социально уязвимых слоев населения носит всеобъемлющий характер и зани-

мает одно из центральных мест в социальной политике практически любого государства.

Литература:

1. Стемоухов А.В. Основания классификации прав и свобод человека // Ленинградский юридический журнал.— 2012.— № 1.— С. 7–17.
2. Волков Н. А. Человек и его права в концепциях античных представителей философской и правовой мысли // Историческая и социально-образовательная мысль.— 2015.— № 6.— С. 167–172.
3. Костина Н. П. Протестантизм и формирование принципов правового государства // Омский научный вестник.— 2001.— № 6.— С. 49–51.

Следы крови на месте преступления

Васильева Анна Дмитриевна, студент магистратуры
Петрозаводский государственный университет

В данной статье кратко рассмотрена, изложена и обобщена в систематизированном виде основная информация об исторических предпосылках к изучению и последующему использованию следов крови при расследовании преступлений и изобличении виновного. Описываются возможности возникновения следов крови на местах происшествия, а также их значение для расследования дела. Раскрыты тактика и порядок работы криминалиста со следами крови. Последовательность действий при их обнаружении, фиксации, изъятии, представлены различные классификации видов и форм следов крови. Раскрыта проблематика работы с такими следами.

Ключевые слова: классификация следов крови, следы крови, судебно-медицинская практика, криминалистика, вещественные доказательства, судебная медицина, судебно-медицинское исследование, свойства следовоспринимающей поверхности, свойства слеодообразующего предмета, виды.

Науке уже издавна известно, насколько эффективными для расследования и изобличения преступника могут быть обнаруженные на месте преступления следы крови, такие следы на месте преступления могут послужить доказательством к изобличению виновного и предъявлению обвинения. По даже самой небольшой капле крови возможно установить многое о том человеке, которому она принадлежала: где он находился, куда и с какой скоростью он перемещался, куда и чем был ранен, как долго после этого оставался живым, какого он был пола и возраста.

Одной и вероятно самой основной задачей при осмотре места происшествия представляется обнаружение, фиксация и изъятие вещественных доказательств биологического происхождения. Как показывает практика, в момент совершения преступления против жизни и здоровья, почти всегда на месте преступления остаются биологические следы.

Еще задолго до появления науки о крови людям была известна ее роль в расследовании и изобличении виновного. Так, в конце XII в Гуанчжоу был убит обеспеченный китаец, а обстоятельства его смерти были определены следователем Гуанчжоу Сун Цы в результате научного эксперимента. Было выяснено, что жертва была заколота и выброшена возле дороги, как позднее стало известно, орудием преступления послужил серп. Следователем было решено вызвать для проведения эксперимента всех местных жителей, у которых был серп. Собралось около семидесяти человек. Участвующим в эксперименте было

предложено поднять на вытянутой руке серп в небо. Вскоре лишь на один из них стали прилетать мухи. Как известно, насекомые ощущают запах крови лучше людей. Убийца во всем сознался и ему некого было обвинять в своем провале никого, кроме насекомых. Именно такие исследования положили начало к изучению следов крови как доказательств. Лишь через семь веков появятся сложные приборы и индикаторы, такие как гидропирит, реактив Воскобойникова, люминол. Позднее крови, а в том числе и ее следам, отдали должное внимание, и появилась наука гематология.

В середине XX века вопросы классификации следов крови поднимались выдающимися отечественными судебными медиками:

1. Классификации Ю. Кратера (1928), Н.С. Бокариуса (1929), М.А. Бронниковой (1947) предусматривали деление всех следов крови по морфологическим признакам [1].
2. Классификации Ю.П. Эделя (1968), М.В. Кисина, А.К. Туманова (1972) различали следы крови в зависимости от условий и обстоятельств травмирования [2].
3. Классификации Э.Кноблоха (1959), Х.М. Тахо-Годи (1970), Т.Н. Шамовой (2008) подразделяли следы крови в зависимости от механизма их образования [3].
4. Классификации Л.В. Станиславского (1977), Т. Bevel и М. Ross (2008) предусматривали разделение следов крови по морфологическим признакам с учетом условий образования и свойств следовоспринимающей поверхности [4].

Можно заметить, что каждая из классификаций, представленных разными учеными, в большей части раскрывала всю суть вопросов классификации следов по тому или иному признаку, ни одна из предложенных классификаций не смогла объединить в себе весь комплекс классификационных признаков. В настоящее время принято классифицировать следы крови по двум признакам, которые включают в себя отдельные виды и разновидности видов, — это элементарные следы крови и сложные следы крови. Основные отличия двух видов заключаются в физических факторах, таких как, тяжесть капли крови, капиллярность, трение, давление и т.д.; поверхности, например: впитывающая/ не впитывающая, вертикальная/ с большим наклоном и так далее, и по условиям возникновения следа, истечение крови без иных воздействий на нее, удары по луже, скольжение окровавленного предмета и т.д.

Подводя итог классификации следов крови и суммируя литературные данные о морфологических признаках следов крови (форме, контуре следа, интенсивности окраски, наличии вторичного разбрызгивания, направлении (ориентации), размере, объеме, консистенции) в судебно-медицинской классификации принято и необходимо выделять следующие: капли, пятна от пропитывания, брызги, потеки, затеки, мазки, отпечатки, лужи.

Сейчас же, во время прогрессивно развивающейся науки, имеется огромное количество способов и технологий обнаружения следов крови, однако по сей день экспертами и криминалистами допускаются ошибки в работе по обнаружению, фиксации и изъятию таких следов, вследствие чего эти следы более не представляют никакой ценности для следствия в виду их непригодности к дальнейшему использованию.

Так как биологические следы являются хрупким материалом, то и работа с такими следами на всех стадиях — обнаружения, фиксации и изъятия, требует особых, специальных знаний, чтобы не «травмировать» такие следы и сохранить их для дальнейшего исследования. Криминалист, работающий на месте преступления со следами крови, должен считаться с тем, что работа с такими следами представляет трудности. Преступники могут замывать такие следы, избавляться от улик, и вообще следы крови могут быть незаметны на поверхности, например — земля/ грунт. Кроме того у следов крови есть особенность со временем изменять свой цвет, вплоть до зеленоватого. Поэтому для обнаружения таких следов необходимы специальные знания.

Главное отличие крови от других следов биологического происхождения заключается в наибольшем наличии в исследуемом материале гемоглобина или его производных. Выявление наличия гемоглобина в следах биологического происхождения происходит за счет криминалистических методов, как правило, таких как спектроскопический и люминесцентный метод, хроматография и электрофорез.

Следующим шагом, после обнаружения следов крови, является фиксация. Фиксация производится путем фотографирования таких следов, причем фотография должна содержать как общий план местности, где была обнаружена кровь, так и крупный план самого следа, путем подробного описания в протоколе осмотра, измерения и нанесения на план.

Описывать след необходимо, начав с его точной локализации, только затем описать его форму, размер, цвет, наличие выраженности краев и так далее. В протоколе осмотра необходимо зафиксировать месторасположение следа, следовоспринимающую поверхность, метод обнаружения, характеристику следа, его вид, размер, форму, цвет, состояние, способ фиксации, изъятия и упаковки.

Заключительный шаг при осмотре места преступления — это изъятие следов. Следы крови, по возможности, изымаются вместе с предметом — носителем или его частью. Если это затруднительно или невозможно, то высохшие следы крови необходимо соскоблить и поместить в чистый пакет из белой бумаги. Стоит обращать особое внимание на проблемы, которые возникают при изъятии следов с предметов, с которых нельзя изъять участки, не повредив их (например, такие как картины, мраморные статуи и т.д.).

Пятна, расположенные на стене, покрытой штукатуркой, нужно изымать, вырезая из стены кусок штукатурки с этими пятнами. Когда по каким-либо причинам вырезать из стены кусок штукатурки не представляется возможным, то делается соскоб пятна. Пятна крови, находящиеся на земле, песке и т.д. изымаются совком. Грунт изымают на всю глубину проникновения крови и только те участки, которые пропитаны кровью. Пробы тщательно заворачивают в бумагу или в какой-либо другой упаковочный материал. Для контроля в лабораторию также направляются рядом лежащие участки грунта, не пропитанные кровью.

При изъятии пятна крови, находящегося на снегу, его помещают по возможности с наименьшим количеством снега без крови на тарелку или какой-либо иной сосуд, на дно которого кладут в несколько раз сложенную марлю. После переноски сосуда со снегом в тепло снег тает, и кровь пропитывает марлю, которая высушивается при комнатной температуре и направляется затем для исследования. Просто изъять окровавленный снег, положить его в сосуд и направить на экспертизу нельзя, так как в этом случае кровь будет сильно разбавлена водой от растаявшего снега, что затруднит исследование. Кроме того, кровь в таком состоянии быстро гнивет, со всеми вытекающими от этого негативными последствиями. При направлении на исследование крови, собранной на марлю со снега, необходимо для контроля направить в лабораторию образец этой марли, но уже без следов крови [5].

Однако, несмотря на то, что техника обнаружения, фиксации и изъятия следов крови описана в строгой последовательности, бывают случаи, когда обнаруженные следы, по каким-либо причинам и недочётам работы криминалиста бывают испорчены или утеряны.

В настоящее время все чаще поднимается вопрос о возможности отказа от использования раствора люминола (который используется для подсвечивания невыраженных следов, похожих на кровь) при обнаружении следов крови, так как данный раствор, при его неправильном использовании, может только навредить следам, и они более не будут иметь никакого доказательственного значения. Следователи должны иметь в виду, что реакция с раствором люминола (голубое свечение обработанных объектов) специфична не только для крови,

а наблюдается и при воздействии на соли некоторых металлов, соков, некоторых фруктов и овощей. Поэтому реакция хемоллюминисценции, не подтверждая наличие следов крови, дает возможность локализовать при осмотре определенные участки, на которых затем необходимо сосредоточить поиски невидимых следов крови, брать пробы для судебных экспертиз. Также эксперты часто отмечают, что имеют место ошибки, связанные с неправильной транспортировкой следов, что впоследствии также препятствует их детальному изучению, либо вообще делает его невозможным.

С каждым годом криминалистика развивается, так же, как и развивается преступность и изощренность самих преступников. Сравнительный анализ опыта зарубежных стран показывает, что с каждым годом все чаще возникает необходимость в изобретении новых тактик и техник для обнаружению, фиксации и изъятию доказательств. В то же время анализ научной литературы свидетельствует о том, что во многих странах существуют довольно интересные криминалистические разработки, имеющие прикладное значение. Проанализируем основные из них на примере России и США.

Так, в Американской криминалистической системе присутствует такой инструмент, как анализ брызг крови, этот анализ широко используется детективами и криминалистами. Чтобы понять, в чем суть такого инструмента, необходимо представить такую картину — в комнате произошло убийство, и на полу присутствует кровь, а на стенах остались брызги крови.

Основная задача, для начала, по меркам криминалиста, проста — установить точное местоположение в пространстве раны, из которой брызнула кровь для дальнейшей визуализации и воспроизведения событий преступления. Каждая капля крови оставляет эллиптический след. Чтобы в точности локализовать источник капли, для начала по форме эллипса довольно легко определить направление полета каждой капли. Затем необходимо соединить эти направления, и в месте, в котором они сойдутся, будет находиться вертикальная ось нашей искомой точки расположения раны. Осталось лишь понять, на какой высоте от пола она расположена. Конечно, сам характер брызг не способен дать на это однозначного ответа; для каждого случая существует, как минимум, несколько подходящих вариантов — рана могла располагаться невысоко, но кровь выбрасывалась с большой силой, либо рана могла быть выше, но и кровотечение было не таким мощным. Впрочем, вскоре их арсенал может пополниться новым надежным методом, предложенным командой профессора Фреда Джиттса

(Fred Gittes), и основанным на знакомых законах тригонометрии [6].

Сравнительный анализ опыта зарубежных стран показывает, что в настоящее время присутствует необходимость в обмене опытом между криминалистами и судебными медиками разных стран, как это происходит, например, между США и Великобританией. В настоящее время отсутствие такой интеграции знаний является, по моему мнению, одной из насущных криминалистических проблем в современной криминалистической науке в России. Так как криминалистика является прикладной наукой, то криминалистические знания, накопленные в разных странах, а возможно, и совместное проведение некоторых научных исследований, было бы более чем достаточно для обмена опытом для дальнейшей проработки тактических приемов.

Такая тенденция наблюдается в Европейской криминалистике. Хотя стоит отметить, что и в России был опыт совместной работы с криминалистами из других стран. Так российскими и литовскими учеными-криминалистами были рассмотрены проблемы незаконного оборота янтаря в Балтийском регионе и были предложены тактики противодействия и предупреждения подобных явлений в будущем. Однако стоит отметить, что это единичные случаи, а не система.

Совместный подход приобретает особую значимость с учетом нынешних мировых событий и существенных негативных изменений в социально-экономической и политической сферах. Необходима интеграция научного знания, и первые шаги в этом направлении уже сделаны: эта проблема поднимается в зарубежной научной криминалистической литературе, кроме того, российскими и украинскими авторами был издан учебник криминалистики на английском языке [7]. Вероятно, что с учетом прикладного характера криминалистической науки наибольшее значение имеет именно процесс внедрения научных рекомендаций в практику и непосредственный обмен опытом.

Таким образом, в данном исследовании обобщены основные сведения об исторических предпосылках использования следов крови в расследовании преступлений, о возникновении следов крови на месте происшествия, раскрыты их значения в следствии, описана работа криминалиста, работу судебного медицинского эксперта со следами крови, раскрыт механизм слеодообразования, описана классификация видов и форм следов крови, а также выявлена проблематика работы с такими следами.

Литература:

1. Бокариус Н. С. Наружный осмотр трупа на месте происшествия или обнаружения его. Харьков: Юрид. изд-во НЮ УССР; 1929: 188.
2. Кисин М. В., Туманов А. К. Следы крови. М.: ВНИИ МВД СССР; 1972: 86.
3. Тахо-Годи Х. М. Трасологическое исследование следов крови на одежде: методическое письмо. М.; 1970:25.
4. Bevel T. and Ross M. Gardner Bloodstain Pattern Analysis. CRC Press; 2008:440.
5. Назаров Г. Н., Пашинян Г. А. Медико-криминалистическое исследование следов крови: Практическое руководство. Н. Новгород: Изд-во НГМА. 2003. — С. 102–111.
6. Volonino L., Anzaldúa R., Godwin J. Computer forensics: principles and practices. New Jersey: Pearson / PrenticeHall, 2017 534 p
7. Textbook of criminalistics / ed. H. Malevski, V. Shepitko. Kharkiv: Апостіль, 2016 Vol. 1: General Theory. 474 c.

Особенности квалификации присвоения и растраты на примере судебной практики

Вершинина Юлия Александровна, студент магистратуры

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье автор пытается определить проблемы квалификации состава преступления, предусмотренного статьей 160 УК РФ.

Ключевые слова: хищение, присвоение, растрата, уголовная квалификация.

Известно, что вопрос состава присвоения или растраты чужого имущества, вверенного виновному, в научной литературе достаточно разработан, а также многие спорные моменты поясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [1] (далее — Постановление Пленума), однако, в правоприменительной деятельности по настоящее время существуют проблемные вопросы квалификации ст. 160 УК РФ, что приводит к вынесению неоднозначных, а иногда и ошибочных судебных решений.

Особенности квалификации присвоения или растраты связаны со следующими обстоятельствами.

1. Предмет преступления, которым исходя из буквального толкования диспозиции ст. 160 УК РФ, выступает имущество, вверенное виновному. Конкретизация указанного признака прослеживается в п. 23 Постановления Пленума.

Таким образом, вверенность имущества означает его правомерное нахождение у виновного лица в силу:

1) занимаемой должности (например, в силу занимаемой должности — директора): Мосягиным Е. С., И. В. и Т. М. совместно было учреждено ООО, размер доли Мосягина Е. С. в уставном капитале которого составлял 40%, размер долей И. В. и Т. М. составлял у каждого 30%. Согласно протокола общего собрания учредителей ООО Мосягин Е. С. назначен на должность директора. Согласно приказу на Мосягина Е. С. возложены обязанности по осуществлению оперативного руководства текущей деятельностью организации; подписание любых документов от имени организации и ряд других. Судом установлено, что Мосягин Е. С. являясь директором ООО, используя свое служебное положение, в начале путем обмана похитил деньги предприятия, а затем, находясь в той же должности, присвоил вверенные ему денежные средства предприятия. Суд признал Мосягина Е. С. виновным в совершении преступлений предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ [2].

2) выполняемой работы (например, менеджер): Иванова Н. Н. совершила 6 фактов растраты, чужого имущества, вверенного виновному, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, при следующих обстоятельствах. На основании Приказа (распоряжения) о приеме работника на работу она была принята на должность специалиста по обслуживанию частных лиц в дополнительный офис ОАО «Сбербанк России». Между Работодателем и работником — Ивановой Н. Н. был заключен договор о полной индивидуальной материальной ответственности. Иванова Н. Н. имея возможность распоряжаться вверенными ей наличными и безналичными денежными средствами банка, умышленно, осознавая преступный характер своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде причинения материального ущерба, присвоила денежные средства клиентов, при помощи рабочего компьютера, через автоматизированную систему «Филиал-Сбербанк», распорядившись ими по своему усмотрению [3].

3) по договору: Пак А. А., исполняя по договору обязанности торгового представителя по продаже строительных материалов, обязанности по получению денежных средств за поставленный товар, имея умысел на присвоение, похитил вверенные ему денежные средства, вырученные от продажи строительных материалов, принадлежащие индивидуальному предпринимателю, которыми распорядился по своему усмотрению, причинив ущерб индивидуальному предпринимателю [4].

4) по специальному поручению: гр. В. находился в офисе ООО, где неофициально подрабатывал разнорабочим от главного бухгалтера ООО получил отбойный молоток с 2-мя насадками для выполнения поставленных задач управляющего компании. После чего у гр. В. возник умысел на хищение данного отбойного молотка — он продал данное имущество ранее неизвестному [5].

Как нам представляется, понятие специального поручения применимо только в сфере трудовых отношений, и заключается в предоставлении вышестоящим руководителем нижестоящему лицу каких-либо полномочий в отношении определенного имущества.

Анализ вышеприведенных примеров правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что основу вверения имущества составляют гражданско-правовые или трудовые (служебные) отношения.

Если говорить о бытовом уровне, то когда потерпевший обращается к виновному с просьбой «присмотреть» за имуществом (например, в аэропорте, поездке и пр.) либо предоставляет имущество для пользования (например, сотовый телефон), а последний с имуществом скрывается, следует содеянное виновного квалифицировать по ст. 158 УК РФ «Кража».

В этой связи мы солидарны с мнением О. В. Ермаковой [6, с. 6], согласно которому в приведенном ею примере, нельзя признать правильной квалификацию действий гр. А. по ч. 1 ст. 160 УК РФ, совершенные при следующих обстоятельствах. Гр. Ф. вверил гр. А. угловую шлифовальную машинку для работ на участке своего дома. Гр. Ф. имея умысел на хищение вверенной ему шлифовальной машинки, забрал ее с участка и реализовал в своих интересах [7].

По нашему мнению, понятие вверенного имущества предполагает не просто техническую передачу, а предоставление лицу в отношении этого имущества определенных полномочий по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или

хранению. При этом даже устное оформление факта предоставления подлежит квалификации как присвоение или растрата.

Материалы судебной практики это подтверждают: так, гр. Т. по устной договоренности с гр. М. был принят на работу, на должность рабочего со сдельной формой оплаты труда. Согласно устной договоренности гр. Т. должен был производить строительные работы при помощи специализированного инструмента. Желая улучшить свое материальное положение гр. Т. из корыстных побуждений похитил путем присвоения строительный инструмент, обращая похищенное в свою пользу [8].

Мы считаем, что путем документального оформления факта вверенности имущества будет происходить чрезмерное ограничение области применения ст. 160 УК РФ.

2. Объективная сторона рассматриваемого состава преступления, представлена двумя самостоятельными альтернативными действиями, то есть установлена уголовная ответственность за два преступления: присвоение и растрата.

Присвоение и растрата, будучи формами хищения чужого имущества, должны отвечать признакам, присущим хищению:

1) действия должны иметь противоправный характер. По мнению Е. В. Кузововой и С. М. Фоминых, противоправность, применительно к квалификации присвоения или растраты означает изымание виновным лицом чужого имущества, на которое у него отсутствует как действительное, т.е. основанное на законе, иных нормативных актах право на получение данного имущества, так и предполагаемое право, возникающее при неправильном толковании, неправильной оценке определенных положений закона со стороны лица, совершающего изъятие [9, с. 180].

2) действия носят безвозмездный для собственника характер, то есть осуществляются без представления эквивалентного стоимостного возмещения собственнику [10, с. 43];

3) действия при присвоении или растрате представляют собой обращение вверенного имущества в пользу виновного или других лиц.

Таким образом, присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника.

С. О. Романцов указывает, что выделению подлежат три основные разновидности присвоения [11, с. 160]:

1) изъятие имущества, в результате которого происходит лишение собственника или законного владельца, принадлежащего ему имущества, вверенного ранее виновному лицу: гр. М., работая по трудовому договору на тракторах, находясь на своем рабочем месте, получил дизельное топливо. Впоследствии, обладая правом распоряжаться вверенным ему дизельным топливом, у него возник умысел на присвоение, то есть хищение чужого имущества. Так, гр. М., действуя умышленно, единолично, с корыстной целью безвозмездного и противоправного обращения чужого имущества в свою пользу совершил присвоение дизельного топлива [12].

2) невозвращение имущества по истечению срока владения вверенным имуществом: между гр. В. и продавцом магазина заключен договор о прокате велосипеда, принадлежащего ИП гр. Ф. Гр. В., получив в пользование вверенный ему велосипед

на период 6 часов, совершил на нем поездку, после чего у него возник умысел, направленный на хищение вверенного ему имущества. Реализуя свой преступный корыстный умысел, действуя умышленно, гр. В. незаконно присвоил вверенный ему велосипед и распорядился похищенным имуществом по своему усмотрению [13].

3) удержание имущества, когда собственник не передает заранее виновному конкретное имущество из своего владения, а наделяет виновное лицо полномочиями по получению имущества, которое должно быть далее передано собственнику.

По нашему мнению, во всех выше приведенных случаях происходит переход правомерного владения имуществом в неправомерное владение.

Например, гр. С. обвиняется в совершении присвоения чужого имущества, вверенного виновному, совершенного с использованием своего служебного положения. На основании агентского договора она принимала в интересах ООО «Росгосстрах» денежные средства в рамках заключенных договоров. Виновная, умышленно, безвозмездно изъела и обратила денежные средства, принадлежащие ООО «Росгосстрах», в свою пользу, из корыстных побуждений, имея в своем распоряжении бланки строгой отчетности, полученные для выполнения своих обязанностей. Совершенно 17 эпизодов присвоения денежных средств, принадлежащих ООО «Росгосстрах», не поместив их в банк на счет собственника, тем самым, обратив в свою пользу, и, в последствии, распорядилась ими по своему усмотрению [14].

Резюмируя, выше сказанное, в качестве растраты следует квалифицировать противоправные действия лица, истратившего корыстных целях вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления данного имущества, его расходования или передачи другим лицам.

Указанные формы хищения являются самостоятельными, т.е. их применение не зависит друг от друга.

При растрате лицо владеет вверенным имуществом правомерно. В этом заключается отличие растраты от присвоения, при котором всегда существует переход от правомерного владения вверенным имуществом к неправомерному. При растрате отсутствует какой-либо временной промежуток между правомерным владением и незаконным распоряжением вверенным имуществом, в течение которого виновный незаконно владеет чужим имуществом как своим собственным. При совершении указанного преступления виновное лицо непосредственно сразу же отчуждает, расходует, потребляет вверенное ему имущество.

Так, Лапин Н. Д., работая водителем-экспедитором на основании трудового договора в ООО, имея умысел на хищение чужого имущества путем присвоения из корыстных побуждений, с целью получения материальной выгоды и личного обогащения, осознавая, что действует против воли собственника в отношении вверенного ему имущества, предвидя неизбежность причинения в результате этого реального материального ущерба собственнику и, желая наступления этих последствий, имея свободный доступ к топливной карте, принадлежащей ООО, путем заправки на АЗС, совершил 6 эпизодов хищения на общую сумму 125000 рублей. Суд признал Лапина Н. Д. ви-

новным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УК РФ [15].

В части определения окончания присвоения пункт 24 Постановления Пленума представляется нам недостаточно конкретным, позволяющим точно определить указанный момент. Такой вывод мы сделали исходя из указания на то, что преступление окончено с того момента, когда законное владение вверенным имуществом стало противоправным. По нашему мнению, представляется неопределенным, когда же законное владение становится противоправным. Так же нам представляется не совсем правильным положение о моменте окончания данного преступления, где речь идет о начале совершения действий, направленных на обращение виновным вверенного имущества в свою пользу. Рассмотренный нами ранее Приговор Кезского районного суда [14] противоречит этому положению потому, что неисполнение лицом обязанности поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства — это не действие, а бездействие. В рассмотренном нами ранее Приговоре Судебного участка № 40 Новоаннинского района [15] лицо никакого подлога для сокрытия факта нахождения у него вверенного имущества не совершило, но при этом не собирается возвращать имущество собственнику. Такое хищение, по нашему мнению, неоконченным считать нельзя. В этом примере тоже наблюдается противоречие положениям п. 24 указанного постановления.

Здесь, мы солидарны с мнением О. В. Ермаковой о том, что в Постановлении Пленума важно дать разъяснение следующего содержания: «Присвоение является окончательным с момента неисполнения виновным обязанности передать вверенное имущество собственнику или законному владельцу в установленный последним срок (например, с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства или возвратить имущество по требованию собственника или иного владельца), а в случаях, когда лицо до момента истечения срока исполнения такой обязанности совершало действия, направленные на обращение вверенного имущества в свою пользу (например, осуществило подлог для сокрытия наличия у него такого имущества), — с момента совершения таких действий» [16, с. 108].

Моментом окончания растраты является момент противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения) (п. 24 Постановления Пленума).

Анализируемые преступления имеют материальный состав, предполагающий в качестве обязательного признака причинение имущественного ущерба в виде уменьшения имущественной массы собственника, без учета упущенной выгоды [17, с. 74–80]. Сумма ущерба определяется рыночной стоимостью похищенного имущества.

Для квалификации анализируемых преступлений размер причиненного имущественного ущерба имеет важное значение. Установлена административная ответственность в ст. 7.27 КоАП РФ за хищение путем кражи, мошенничества, присвоения и растраты при отсутствии квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 158–160 УК РФ при условии, что оно явля-

ется мелким, т.е. стоимость похищенного имущества не превышает 1 000 руб., но не более 2 500 руб. [18].

3. Субъект преступления специальный — это исключительно лицо, которому вверено имущество в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения с осуществлением им полномочий по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества. Наличие у лица вышеуказанных полномочий подлежит установлению в суде (п. 23 Постановления Пленума).

4. Субъективная сторона присвоения или растраты выражается в прямом умысле и корыстной цели.

Разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц (п. 25 Постановления Пленума).

Направленность умысла в каждом подобном случае подлежит определению судом с учетом конкретных обстоятельств дела, например таких, как наличие у лица реальной возможности возвратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия.

Например, Ленинским районным судом г. Курска гр. Шестакин осужден по п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ. Гр. Шестакин не имел намерения изъять вверенное ему имущество и обратить его в свою пользу, а вынужден был реализовывать приобретенные им товары в связи с тем, что директор столовой гр. Токарева отказалась у него их принять. Сами по себе обстоятельства, связанные с нарушениями гр. Шестакиным финансовой дисциплины и уклонением его от возмещения ущерба, в данной конкретной ситуации не могут свидетельствовать о присвоении им вверенного имущества. Поэтому в действиях гр. Шестакина отсутствует состав преступления, предусмотренный п. «в» ч. 2 ст. 160 УК РФ [19, с. 18–19].

При этом судам необходимо учитывать, что частичное возмещение ущерба потерпевшему само по себе не может свидетельствовать об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества.

Резюмируя, выше сказанное, мы пришли к следующим выводам:

1. Вверенность имущества означает его правомерное нахождение у виновного лица в силу: 1) занимаемой должности (например, директор предприятия); 2) выполняемой работы (например, менеджер); 3) по договору; 4) по специальному поручению. При этом основу вверения имущества составляют гражданско-правовые или трудовые (служебные) отношения.

2. Понятие вверенного имущества предполагает не просто техническую передачу, а предоставление лицу определенных полномочий по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении этого имущества. При этом даже устное оформление факта предоставления подлежит квалификации как присвоение или растрата.

3. Как присвоение подлежат квалификации противоправные действия лица, которое безвозмездно, с корыстной

целью, противоправно обратило вверенное ему имущество в свою пользу против воли собственника.

4. Как растрата подлежат квалификации противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем по-

требления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам.

5. Только наличие особого предмета преступления в виде вверенного имущества и специального субъекта является основанием для квалификации действий как присвоение или растрата.

Литература:

1. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 N48 // Российская газета, N280, 11.12.2017.
2. Приговор Кировского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) № 1–11/2015 1–552/2014 от 10.03.2015 г. по делу № 1–11/2015 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/u6nR9m0fxFZ5/> (дата обращения 20.12.2019).
3. Приговор Ясногорского районного суда (Тульская область) № 1–7/2016 от 1 февраля 2016 г. по делу № 1–7/2016 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/OUNYdOYnot1S/> (дата обращения 20.12.2019).
4. Постановление Советского районного суда г. Астрахани (Астраханская область) от 10 июля 2013 г. по делу 1–407/2013 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/zkUuaG05jvYX/> (дата обращения 20.12.2019).
5. Апелляционное постановление по уголовному делу № 10–8/2010. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-norilskij-gorodskoj-sud-krasnoyarskij-krajs/act-453855121/> (дата обращения 20.12.2019)
6. Ермакова, О. В. Проблемы квалификации присвоения или растраты: учебное пособие. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. — 32 с.
7. Уголовное дело № 1–51/2015 // РосПравосудие [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyuchastok-1-promyshlennovskogo-rajona-s/act-224393581/> — (дата обращения 20.12.2019).
8. Уголовное дело № 1–37/2015 // РосПравосудие [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://rospravosudie.com/vidprugolovnoe/category-160-ch-1-s/section-acts/page-4/> — (дата обращения 20.12.2019).
9. Кузорова, Е. В., Фоминых, С. М. Понятие и особенности квалификации присвоения или растраты // Интерактивная наука. — 2017. — № 4 (14). — С. 179–180.
10. Ермакова, О. В. Преступления против собственности: научно-практический комментарий. — Барнаул: ФГКОУ ВПО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2015. — 158 с.
11. Романцов, С. О. Присвоение и растрата: сравнительно — правовой анализ / Современные условия взаимодействия науки и техники: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: ООО «ОМЕГА САЙНС», 2019. — 208 с.
12. Уголовное дело № 1–30/2015 / РосПравосудие [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyuchastok-314-mirovogo-sudi-serebryano-prudskogo-sudebnogo-rajona-moskovskoj-oblasti-s/act-224388182/> (дата обращения 20.12.2019).
13. Уголовное дело № 1–106/2015 / РосПравосудие [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-tentyukovskij-sudebnyuchastok-g-syktvykara-s/act-224182593/> (дата обращения 20.12.2019).
14. Приговор Кезского районного суда (Удмуртская Республика) № 1–93/2017 от 23 июня 2017 г. по делу № 1–93/2017 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/OuStGHZCczUJ/> (дата обращения 20.12.2019).
15. Приговор Судебного участка № 40 Новоаннинского района (Волгоградская область) от 26 сентября 2014 г. по делу № 1–52/2014 [Электронный ресурс] / Судебные и нормативные акты РФ — Режим доступа: <https://sudact.ru/magistrate/doc/1BU9rYxl1F5K/> (дата обращения 20.12.2019).
16. Ермакова, О. В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика. — М.: Издательство «Юрлитинформ», 2013. — 208 с.
17. Тогайбаева, Ш. С., Тогайбаев, А. И. Присвоение или растрата вверенного имущества // Вестник Омского регионального института. — 2018. № 3. — С. 74–80.
18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // СЗ РФ. 2002, N1 (ч. 1), ст. 1; Российская газета, N92, 28.04.2020.
19. Бюллетень ВС РФ. 2002. № 6.

Актуальные вопросы реформирования главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации

Волобуев Богдан Игоревич, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В данной статье исследованы актуальные проблемы разграничения положений главы 48 Гражданского кодекса Российской Федерации и действующего наряду с этими положениями закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации».

Ключевые слова: страхование, страховой риск, страховой случай, страховая сумма, франшиза.

Исторические обстоятельства, которые легли в основу действующей на данный момент многоуровневой системы правового регулирования страховых отношений, связаны с тем, что в 1992 году после развала Советского Союза, началась реформа всего законодательства. Одним из результатов реформы в области страхования стало появление закона РФ «О страховании» (далее — Закона), который после внесенных в него изменений в 1997 году, приобрел свое существующее на сегодняшний момент название «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [1]. Законодатель исключал из Закона нормы частного-правового характера, заменяя их на публично-правовые, так как они дублировали существующие нормы, в том числе, по договору страхования, которые были закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2]. Предполагалось, что в Законе должны будут остаться только административно-правовые нормы, что на наш взгляд, является логичным. Однако, несмотря на принятые законодателем попытки, цельной системы источников права в сфере страхования так и не сложилось.

За рубежом существует четкое разграничение частного и публичного элементов, по такому же пути следовало бы пойти и нашему законодателю, перенеся частно-правовые нормы о договоре страхования, о страхователе, объектах страхования, страховой сумме, страховой выплате и франшизе из Закона в ГК РФ.

В рамках проводимого реформирования ГК РФ, законодателем был предложен проект Концепции [3] (далее — Концепция), которая должна внести существенные изменения в главу 48 «Страхование» ГК РФ, в целях ее совершенствования.

Однако уместно заметить, что внесение изменений в указанную главу ГК РФ, повлечет пересмотр и внесение таких же изменений и в ряд законов. Например, предусмотренные Концепцией предложения по развитию взаимного страхования предполагают изменение Федерального закона «О взаимном страховании» [4]. Анализ Концепции показал, что изменения затронут десятки законов и кодексов, и еще большее количество ведомственных приказов и иных подзаконных актов.

В настоящее время в России всем договорам личного страхования придан публичный характер. По нашему мнению, это не верно, каждый личный страховой договор индивидуален, так как страхователи имеют разный возраст, здоровье и т.п. В силу сложившихся обстоятельств в мире, связанных с пандемией, наше утверждение видится весьма актуальным. В данном утверждении есть и исключения. Они касаются, в основном, во-

еннослужащих с которыми заключен публичный договор обязательного личного страхования.

В остальных случаях, изучив, впрочем, и зарубежный опыт, общим правилом должна являться обязательность договора для страхователя, но не для страховщика. Причем, страховщик не всегда согласен с условиями, заявленными страхователем. В данном случае договор не может считаться заключенным. Ситуации бывают разные и только страховщик должен определять экономическую целесообразность с учетом того риска, который может для него наступить. Опять же данное требование не должно касаться тех обязательных договоров, которые заключаются с военнослужащими и т.п. Кроме того, это требование также не относится к страхованию ответственности владельцев транспортных средств (ОСАГО).

Целесообразно отметить, что согласно пункту 1 статьи 927 ГК РФ все договора подразделяются на два вида:

- личные;
- имущественные.

На практике это часто вызывает сложности. Примером может служить страхование банком риска невозврата кредита заемщиком данного банка в виду его смерти или утраты трудоспособности. В этом случае страхование банком расценивается и как личное (объектом является жизнь и здоровье заемщика) и как имущественное (объект — предпринимательский риск банка из-за невозврата кредитов).

Данный принцип деления договоров страхования не применяется за рубежом. Он реализован в России органом страхового надзора. Такой принцип применяется при установлении требований к страховщику о порядке формирования резервов [5].

В статье 927 ГК РФ определены два вида страхования:

- обязательное;
- добровольное.

В данной связи, отсутствует необходимость выделения третьего вида — «вмененного» страхования, которое, по нашему мнению, относится к добровольному виду страхования. В данную статью 927 ГК РФ Концепция весьма целесообразно предлагает внести положение о том, что страхование, не соответствующее требованиям, предъявляемым к обязательному страхованию, считается добровольным.

В соответствии со статьями 927 и 935 ГК РФ объектами обязательного страхования могут быть жизнь, здоровье или имущество других лиц. Кроме того, таким объектом может быть также гражданская ответственность страхователя перед другими лицами.

Данный перечень, по нашему мнению, является исчерпывающим, хотя существует мнение, что данный перечень необходимо расширить.

Само понятие «страхование» в статье 927 ГК РФ не определено. Однако, опираясь на определения отдельных видов страхования (п. 1 ст. 929 и п. 1 ст. 934 ГК РФ), можно определить его следующим образом: «страхование — это отношение, в силу которого одна сторона (страхователь) уплачивает другой стороне (страховщику) обусловленное вознаграждение (страховую премию), а страховщик обязуется при наступлении определенного обстоятельства (страхового случая) произвести страховую выплату в пользу страхователя или назначенного им лица (выгодоприобретателя)».

В роли страхователя могут выступать гражданин или юридическое лицо. В статье 927 ГК РФ не упомянуты такие субъекты гражданского права, как Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования (гл. 5 ГК РФ). Однако это не означает, что они не могут выступать в качестве страхователей. Ведь согласно п. 1 ст. 124 ГК РФ они участвуют в гражданско-правовых отношениях наравне с гражданами и юридическими лицами. В России страховщиком выступает страховая организация, т.е. юридическое лицо.

Крупные страховые компании западных стран, например, AXA (Франция, Париж), Allianz (Германия, Мюнхен), MetLife (США, Нью-Йорк), Ping An Insurance (Китай, Шэньчжэнь), Legal & General Group (Великобритания, Лондон), Assicurazioni Generali (Италия, Триест), AEGON (Нидерланды, Гаага), Manulife Financial (Канада, Торонто), Zurich Insurance Group (Швейцария, Цюрих) и Dai-ichi Life Insurance (Япония, Токио) позволяют страхователям самостоятельно сформировать пакет страховых услуг. При этом им полностью гарантируется выплата возмещения и полная страховая защита.

Целесообразно отметить, что зарубежные компании не работают по системе централизованных, фиксированных тарифных ставок. Для каждого региона, ввиду его экономического и географического положения, индивидуальных особенностей, доли рискованной нагрузки и иных обстоятельств рассчитываются свои тарифы и ставки.

При этом зарубежные страховщики стран Запада уже как несколько лет перешли на систему минимальных франшиз — льгот, защищающих страховщиков от небольших убытков (согласно размеру франшизы).

Учитывая возможность применения законодательного опыта зарубежных стран в области страхования при развитии интеграционных процессов России важно отметить, что директивы, вводящие в общие стандарты в области страхования, обязывали стран-участниц к следованию определенным

целям при свободе выбора государствами средств их достижения. Как показала практика, в процессе унификации и гармонизации важно избежать непоследовательности, усложненности и зарегулирования страхового законодательства, больше уделяя внимания своевременному и точному внесению в национальные нормативные акты соответствующих изменений.

Страхователь по общему правилу уплачивает страховщику страховую премию, т.е. плату за страхование. Иными словами, страхование всегда возмездно. Страховщик обязуется произвести страховую выплату при наступлении определенного обстоятельства (страхового случая), в отношении которого заранее неизвестно, наступит оно или нет. Страховой случай характеризуется признаками случайности и вероятности наступления; он может и не наступить, и тогда страховщик не обязан производить страховую выплату. В этом случае страхование ограничивается несением страховщиком риска, а страховая премия остается у страховщика. Страховая премия зачисляется в фонды (резервы) страховщика. Как правило, за счет таких фондов производится страховая выплата. Как правило, такая выплата по размеру гораздо больше, чем премия. Если обязанность произвести страховую выплату не наступит, соответствующие фонды страховщик обращает в свою пользу. Поскольку заранее нельзя предсказать, как много выплат придется произвести страховщику, страхование носит рискованный (алеаторный) характер. Причем рискуют как страхователь, так и страховщик. Первый — потому что уплачивает премию, которая останется у страховщика в любом случае, даже если страховой случай не наступит, второй — потому что при наступлении страхового случая будет вынужден заплатить во много раз больше, чем получил. Страховая выплата производится в пользу страхователя или назначенного им лица — выгодоприобретателя. В данном случае важно исключить противоправный интерес, указанный в статье 928 ГК РФ.

Как представляется, на современном этапе развития статья 928 ГК РФ не нуждается в существенном изменении, поскольку основные проблемы правоприменения данной нормы должны разрешаться на уровне судебной практики.

Подводя итог, отметим, что актуальные вопросы реформирования главы 48 ГК РФ уже давно назрели. ГК РФ в части «страховой» главы оставался неизменным уже более двух десятков лет. При этом практика страхования за это время изменилась весьма существенно.

Проект Концепции важен и актуален, а замечания, которые в него внесут специалисты в области страхового дела, сделают его оптимально удобным как для страхователей, так и для страховщиков.

Литература:

1. Об организации страхового дела в Российской Федерации: закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 (в ред. от 02.12.2019) // СПС КонсультантПлюс, 2020.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СПС КонсультантПлюс, 2020.
3. Проект Концепции реформирования главы 48 ГК РФ (проект по состоянию на 23.12.2019) URL: <http://privlaw.ru/wp-content/uploads/2019/12.pdf> (дата обращения: 13.05.2020).

4. О взаимном страховании: Федеральный закон от 29.11.2007 № 286-ФЗ (в ред. от 29.07.2017) // СПС КонсультантПлюс, 2020.
5. Положение Банка России от 16.11.2016 № 558-П «О правилах формирования страховых резервов по страхованию иному, чем страхование жизни»; Положение Банка России от 16.11.2016 № 557-П «О правилах формирования страховых резервов по страхованию жизни» // СПС КонсультантПлюс, 2020.

История возникновения и развития института уголовной ответственности за бандитизм

Воронин Николай Алексеевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье на основе углубленного историко-правового анализа научной литературы и нормативно-правовых актов сформировано представление о том, как зародился и развивался институт уголовной ответственности за бандитизм в отечественном уголовном законодательстве. Принимая во внимание, что законодательное закрепление уголовно-правовой категории «банда» произошло только после Октябрьской революции, подчеркивается необходимость исследования и дореволюционного уголовного законодательства, поскольку подобного рода преступления были известны истории уже в этот период. Отмечается, что в дореволюционный период бандитизм следует анализировать, учитывая два ключевых аспекта: во-первых, бандитизм охватывался составом разбоя, во-вторых, бандитизм трансформировался в самостоятельную уголовно-правовую категорию из существовавшей ранее уголовно-правовой категории «шайка». На основе проведенного историко-правового анализа выделяются этапы возникновения и развития института уголовной ответственности за бандитизм и отмечаются ключевые особенности каждого этапа.

Ключевые слова: бандитизм, банда, скоп, толпа, шайка, уголовная ответственность за бандитизм, история уголовной ответственности за бандитизм.

History of the origin and development of the institute of criminal responsibility for banditism

Based on an in-depth historical and legal analysis of scientific literature and regulatory legal acts, an idea is formed on how the institution of criminal liability for banditry was born and developed in domestic criminal law. Considering that the legislative consolidation of the criminal law category «gang» occurred only after the October Revolution, the need for research and pre-revolutionary criminal legislation is emphasized, since such crimes were already known to history in this period. It is noted that in the pre-revolutionary period banditry should be analyzed, taking into account two key aspects: firstly, banditry was covered by the composition of robbery, and secondly, banditry was transformed into an independent criminal law category from the previously existing criminal law category «gang». Based on the historical and legal analysis, the stages of the emergence and development of the institution of criminal liability for banditry are highlighted and the key features of each stage are noted.

Keywords: banditry, gang, osprey, crowd, gang, criminal liability for banditry, history of criminal liability for banditry.

В настоящее время история возникновения и развития института уголовной ответственности за бандитизм в отечественном уголовном законодательстве, как показывает анализ научной литературы, является объектом пристального внимания со стороны представителей уголовно-правовой доктрины. В числе современных исследователей, занимающихся анализом истории уголовной ответственности за бандитизм, особо следует отметить таких авторов, как: Ю. В. Грачева, О. А. Кузнецова, Н. А. Лисенкова, А. А. Рощевский и др. Исследования обозначенных авторов составили теоретическую основу настоящей статьи.

В научной литературе отмечается, что еще древнерусские источники права содержали упоминания об ответственности за групповые преступления. К примеру, в ст. 31 и 40 Русской Правды устанавливалась более суровая мера наказания за совершение кражи волов, овец, свиней, коз группой преступников. В то же время закон устанавливал наказание в виде штрафа для каждого члена группы отдельно [4].

В более поздних источниках права стали употребляться такие правовые категории как «скоп», «заговор», «шайка». Понятием «скоп» охватывалось совокупное преступление, совершаемое группой лиц при отсутствии предварительного согласия на совершение одного и того же деяния. По «заговором» понималось совершение преступления группой лиц по предварительномуговору. «Шайка» представляла собой совершение группой лиц на постоянной основе преступлений. Иными словами, для шайки — совершение преступлений являлось своего рода ремеслом [2].

В целях борьбы с шайками предпринимались всевозможные законодательные меры. В частности, «Наказом о гражданском благочестии» 1649 года регулировалась охрана городов, в особенности в ночное время. В «Артикуле воинском» 1715 года устанавливались понятия соучастников в преступлении, такие как «исполнитель», «подстрекатель», «пособник», «укрывающий», «попуститель» и «недоноситель» [1].

Представляется важным отметить, что принятие названных законодательных актов имело большое значение, поскольку

выступало в качестве реакции государства на рост организованной преступности. Приведенные обстоятельства свидетельствуют о том, что современное понятие бандитизма, сформировалось задолго до советского периода.

«Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., а также «Уголовным Уложением» 1903 г. участие в шайке рассматривалось в качестве отягчающего обстоятельства. Несмотря на то, что понятие «шайка» существовало достаточно длительное время, дефиниция данного понятия не была сформулирована до 1904 года [3].

В уголовно-правовой доктрине под шайкой понималось «соглашение нескольких лиц на совершение нескольких определенных или неопределенных, однородных или разнородных преступных деяний» [5].

Сущность шайки состояла в присущем ей постоянном характере, а также в том, что ее деятельность для членов шайки являлась профессиональным ремеслом.

Произошедшие впоследствии изменения в законодательстве были обусловлены необходимостью подавить революционные настроения. На смену шайкам, городским и сельским, совершавшим квартирные кражи, уличные разбойные нападения и кражи скота, постепенно стали приходить более опасные контрреволюционные формирования, совершавшие нападения на граждан, организации, органы власти, которые впервые в 1918 г. в Декрете СНК РСФСР «О суде» стали официально именоваться «бандами». Легальная дефиниция понятия «бандитизм» была закреплена в Постановлении ВЦИК от 20 июня 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении». Бандитизмом признавалось участие в шайке, составившейся для убийства, разбоя и грабежей [4].

Причинами резкого всплеска бандитизма в первой четверти XX века являлся целый комплекс факторов: контрреволюционные настроения, амнистия большого количества осужденных, затянувшаяся война, последовавшая за этим гражданская война и т.д. Большое количество бандитских формирований было вооружено, что также имеет существенное значение для последующего понимания феномена бандитизма.

Принятие в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР явилось закономерным шагом в законодательном закреплении дефиниции понятия «бандитизм». Согласно ст. 76 Уголовного кодекса РСФСР под бандитизмом понималась «организация и участие в бандах и организуемых бандитами разбойных нападений и ограблениях, налетах на советские и частные учреждения и отдельных граждан, остановки поездов и разрушения железнодорожных путей, безразлично, сопровождалась ли эти убийствами и ограблениями или не сопровождалась» [6]. Аналогичная дефиниция понятия «бандитизм» была закреплена в ст. 59.4 УК РСФСР 1926 года [9].

В приведенных законодательных актах в качестве объектов преступления выступали порядок управления и государственная безопасность.

Подводя промежуточный итог проведенному историко-правовому анализу института уголовной ответственности за бандитизм, представляется важным отметить, что бандитизм

из крестьянских шайек, совершающих разбойное нападение, эволюционировал в устойчивые вооруженные группы, посягающие на государственную безопасность.

Несмотря на то, что СССР считался социалистическим государством, бандитизм был размещен в главе «государственные преступления» в отдельной части главы — «преступления против порядка управления». Подобное положение дел объясняется тем, что преступность во многом была обусловлена политическими причинами, а также тем, что во все времена, главным объектом охраны выступало государство. Имели место и проявления простого преступного беспредела, не преследовавшего целью захватить политическую власть. Вместе с тем, общеправовая тенденция позволяет утверждать, что бандитизм был преступлением против государства [2].

В Уголовном кодексе 1960 г. была закреплена следующая дефиниция понятия «бандитизм»: «организация вооруженных банд с целью нападения на предприятия, учреждения, организации либо на отдельных лиц, а равно участие в таких бандах и в совершаемых ими нападениях» [10].

В научной литературе подобный законодательный подход к определению понятия «бандитизм» оценивается как более лаконичный и уже менее отождествленный антисоветской деятельностью, в нем по-прежнему, содержится указание на такие признаки как вооруженный характер, а также на цель создания, но снова отсутствует указание на устойчивый характер данной группы [12]. Анализируемая правовая дефиниция понятия «банда» просуществовала до момента принятия в 1996 году нового Уголовного кодекса [11].

Как и в приведенных ранее случаях, исторические условия сыграли значительную роль в новой правовой регламентации бандитизма. Факторами всплеска преступности, в том числе бандитизма выступили перестройка, новые социальные потрясения, приватизация, развал СССР.

В связи с принятием нового Уголовного кодекса РФ 1996 г. в качестве объекта бандитизма стала выступать общественная безопасность, а также была закреплена дефиниция, сохранившаяся в настоящее время: «бандитизм — это устойчивая вооруженная группа, созданная в целях нападения на граждан или организации» [11].

Кроме того, состав бандитизма претерпел ряд значительных изменений:

1. В новой редакции статьи было закреплено три части, в которых дифференцировалась уголовная ответственность за создание (руководство) и участие в банде и совершаемых ей нападениях. Кроме того, появился ранее не известный уголовному законодательству квалифицирующий признак бандитизма — совершение деяния с использованием своего служебного положения.

2. Существенные изменения претерпели санкции, предусмотренные за бандитизм. Так, если до 1996 года за создание банды или участие в ней предусматривались лишение свободы от 3 до 15 лет с конфискацией имущества или смертная казнь с конфискацией имущества без разделения ответственности для организаторов и участников, то в новой редакции УК за создание банды и руководство ею предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы от 10 до 15 лет со

штрафом до одного миллиона рублей или в размере заработной платы осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы сроком от 1 года до 2 лет. А для участников банды и участников нападений, совершаемых бандой, предусматривалась уголовная ответственность в виде лишения свободы от 8 до 15 лет с теми же дальнейшими санкциями, за исключением ограничения свободы — только до 1 года. Совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 209 влекло за собой лишение свободы от 12 до 20 лет с теми же дополнительными санкциями, что и в ч. 1 указанной статьи.

3. Претерпели изменения и отдельные формулировки статей. К примеру, если УК РСФСР содержал понятие «вооруженная банда», то в УК РФ уже употреблялась категория «устойчивая вооруженная группа (банда)». В диспозиции статьи понятия «предприятия и учреждения» были заменены понятием «организация», а понятие «отдельные лица» было заменено понятием «граждане». Подобное положение дел во многом было обусловлено тем, что дефиниции, содержащиеся в УК 1960 г. не в полной мере отвечали реалиям современной, ставшей на путь капитализма и демократии России.

Анализ законодательства позволяет заключить, что состав бандитизма не претерпел существенных законодательных изменений с 1996 года. Вместе с тем до момента принятия нового существовало специальное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, принятое в 1993 г., в котором содержались разъяснения по ст. 77 УК РСФСР. В Постановлении 1993 г. раскрывалось понятие банды, в котором содержалось указание на ее устойчивый характер, вооруженность, раскрывались категории «нападение», «организация банды», «участие в банде» и т.д. Обозначенные разъяснения, практически в полной мере сохранились и в содержании Постановления Пленума Верховного Суда «О практике применения судами законодательства об уголовной ответственности за бандитизм». В новом Постановлении содержались уточнения, отграничение бандитизма

от иных преступлений, расширился перечень оружия, которым могла владеть банда [7, 8].

Анализируя в целом историю становления и развития института уголовной ответственности за бандитизм, представляется важным отметить следующее:

1. Преступления, схожие с современным понятием «бандитизм» существовали значительно ранее того момента, как на законодательном уровне была закреплена дефиниция понятия «бандитизм», при этом между ними и разбойными нападениями не проводилось разграничений.

2. Каждое изменение уголовно-правовой трактовки понятия «бандитизм» было продиктовано историческими факторами, преимущественно — радикальными веяниями в общественном сознании и усложнениями политической ситуации в государстве.

3. История становления и развития института уголовной ответственности за бандитизм может быть условно разделена на следующие этапы:

а) Дореволюционный этап. В этот исторический период бандитизм существовал только номинально, а на законодательном уровне, как правило, упоминался как «шайки».

б) Революционный этап. В этот исторический период произошло законодательное закрепление уголовной ответственности за бандитизм. Данный этап может быть назван революционным, в силу исторических предпосылок, оказавших существенное значение для закрепления уголовной ответственности за бандитизм и временные промежутки, близкие к Октябрьской Революции — 1918–1922 гг.

с) Постреволюционный этап, характеризовался тем, что понятие «бандитизм» было относительно стабильным в законодательстве — с 1926 по 1996 гг.

д) Современный этап характеризуется окончательным законодательным закреплением понятия бандитизм в современном Уголовном кодексе 1996 г.

Литература:

1. Грачева Ю.В. Уголовная ответственность за организационную деятельность: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. — 2018. — № 12. — С. 23–33.
2. Кузнецова О. А., Нестеров С.В. Исторические аспекты появления и развития уголовной ответственности за бандитизм в России // Вестник Тамбовского университета. — 2014. — № 12 (40). — С. 1–8.
3. Лисенкова Н. А. История развития бандитизма // Проблемы науки. — 2018. — С. 1–2.
4. Максимов П.В. Социально-правовая эволюция бандитизма как общественно опасного явления в контексте смены в России общественно-экономической формации (пореформенный период XIX — первая половина XX века // Правовая парадигма. — 2017. — Т. 16. — № 3. — С. 141–147.
5. Рощевский А. А. История становления и развития уголовного законодательства об ответственности за бандитизм // Наука и образование сегодня. — 2018. — С. 91–93.
6. Ткаченко И.В. Совершенствование уголовно-правового механизма борьбы с бандитизмом // Вестник Владимирского юридического института. — 2010. — № 3 (16). — С. 145–148.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 года № 9 «О судебной практике по делам о бандитизме» (утратило силу) // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, 1994.
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 года № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 3, 1997.
9. Постановление ВЦИК РСФСР от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года (утратило силу) // СУ РСФСР, 1926, № 80, ст. 600.
10. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (утратил силу) // Свод законов РСФСР, т. 8., с. 497.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02. 2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996 г.
12. Харзинова В. М. Уголовно-правовое регулирование бандитизма: история и современность // Пробелы в российском законодательстве.— М., 2018.— С. 330–332.

Актуальные проблемы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны

Воронина Дарья Олеговна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье на основе проведенного анализа научной литературы и правоприменительной практики выявляются актуальные проблемы уголовно-правовой квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны. Проводится отграничение убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны от иных составов преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны. Рассматриваются критерии правильной юридической оценки деяний, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны, в частности, такие как личность нападавшего и обороняющегося, обстоятельства и мотивы совершения противоправного деяния, обстановка его совершения. Обращается внимание на необходимость проводить отграничение убийства при превышении пределов необходимой обороны от убийства, совершенного в состоянии аффекта.

Ключевые слова: убийство, квалификация преступлений, необходимая оборона, превышение пределов необходимой обороны, эксцесс необходимой обороны, убийство в состоянии аффекта, отграничение от смежных составов.

Actual problems of qualification of the killing committed at exceeding the limits of necessary defense

Based on the analysis of scientific literature and law enforcement practice, the article identifies actual problems of the criminal legal qualification of a murder committed when the limits of the necessary defense are exceeded. The killing committed when exceeding the limits of necessary defense is distinguished from other corpus delicti committed when exceeding the limits of necessary defense. Criteria for the correct legal assessment of acts committed when exceeding the limits of necessary defense are examined, in particular, such as the identity of the attacker and the defender, circumstances and motives for committing an unlawful act, the situation of its commission. Attention is drawn to the need to distinguish between murders when exceeding the limits of necessary defense from murder committed in the state of passion.

Keywords: murder, qualification of crimes, necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, excess of necessary defense, murder in a state of passion, delimitation from adjacent personnel.

Оценивая фактические обстоятельства преступления при квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны суды, исходят из того, что предполагаемый результат при совершении оборонительных действий мог быть достигнут при меньшей степени активности. В подобной ситуации имеет место такое уголовно-правовое явление, как эксцесс необходимой обороны.

Часть 1 статьи 108 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны [11]. Данный состав преступления в уголовно-правовой доктрине именуется привилегированным видом убийства или убийством, совершенным при смягчающих обстоятельствах. Объективная сторона убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, характеризуется наличием внешних факторов, побуждающих к совершению противоправного деяния.

При этом несвоевременная оборона, под которой следует понимать оборону, предпринятую ранее или уже после возникшего посягательства, не может быть признана видом превышения обороны, поскольку сама по себе не является обороной. В данном случае, несвоевременная оборона от посягательства выступает в качестве умышленного причинения вреда при наличии смягчающих обстоятельств. Действующее уголовное законодательство устанавливает, что совершение лицом преступления, с нарушением условий правомерности применения необходимой обороны выступает в качестве одного из обстоятельств, смягчающих наказание.

В контексте исследуемой темы, представляется справедливой точка зрения И. В. Макеевой, относительно того, что при быстро развивающемся непредвиденном нападении, выражающемся в посягательстве на здоровье или жизнь человека, у обороняющегося отсутствует объективная возможность обдумать

свои последующие действия. Необходимая оборона характеризуется спонтанностью действий и неосознанностью последствий, которые они могут повлечь. Указанные обстоятельства, вызывают особые сложности в процессе уголовно-правовой квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны [8, С. 99].

Таким образом, при юридической оценке убийства при превышении пределов необходимой обороны, суды должны принимать во внимание, что обороняющийся вследствие сильного душевного волнения, обусловленного нападением на него, не всегда способен дать правильную оценку характеру и опасности посягательства и, как следствие, выбрать адекватные ситуации способы и средства защиты от него.

Как отмечает С. В. Бородин, «ввиду того, что при необходимой обороне и защита, и нападение заключаются в причинении вреда, то суду, прежде всего, необходимо установить соответствие причиненного вреда и предотвращенного вреда, принимая во внимание, что причиненный вред может превышать предотвращенный» [2, С. 154].

В целях установления наличия факта превышения пределов необходимой обороны, в каждой правовой ситуации, должен проводиться анализ и устанавливаться соотношение посягательства и оборонительных действий, с учётом всех обстоятельств, имеющих отношение к рассматриваемому делу.

Для качественной юридической оценки деяния судам надлежит проанализировать данные о личности нападавшего, личности обороняющегося, исследовать обстоятельства и мотивы противоправного деяния, обстановку, в которой оно произошло.

Принимая во внимание изложенное, представляется, что для принятия решения о том, имело ли место превышение пределов необходимой обороны обороняющимся, судам необходимо установить чрезмерность защиты, иными словами, явное несоответствие защиты характеру и степени общественной опасности посягательства. При этом юридическая оценка чрезмерности защиты подразумевает учет значительности, непредсказуемости нападения, а также физических возможностей нападающего.

Как отмечает В. А. Блинчиков, «при рассмотрении уголовных дел об убийствах, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, суды, как правило, оценивают эксцесс обороны как несоответствие мер защиты посягательству, заключающееся в несоответствии как средств защиты и нападения, так и интенсивности посягательства и защиты» [1, С. 59].

По мнению Е. Н. Лоторева, «необходимая оборона представляет собой право на отражение любого неправомерного нападения своими личными силами, при отсутствии объективной возможности обратиться за помощью к другим лицам» [7, С. 112].

Учитывая представленное в уголовно-правовой доктрине определение понятия необходимая оборона, представляется возможным заключить, что условия правомерности необходимой обороны могут быть условно поделены на две группы: условия, относящиеся к защите и условия, относящиеся к посягательству. В случае совершения убийства при превышении пределов необходимой обороны, констатируется эксцесс обороны, предусмотренный УК РФ.

При рассмотрении уголовных дел об убийствах, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, для правильной юридической оценки деяния, и, как следствие, правильного разрешения дела, судам необходимо принимать во внимание все объективные обстоятельства дела, а также учитывать, что уголовная ответственность за причинение вреда для оборонявшегося наступает только в ситуации, когда по делу будет установлено, что оборонявшийся осознавал, что причиняет вред, который не был необходим для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Зачастую в правоприменительной практике возникают вопросы разграничения убийств, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 105 УК РФ. Обозначенные составы преступлений соотносятся как общий и специальный, образуя тем самым, конкуренцию составов. В данном случае, общим является состав, предусмотренный ч. 1 ст. 105 УК РФ, а специальным — состав, предусмотренный ч. 1 ст. 108 УК РФ. Согласно разработанным в уголовно-правовой доктрине правилам квалификации преступлений, в случае установления необходимой совокупности признаков, характеризующих состав убийства при превышении пределов необходимой обороны, то есть признаков специальной нормы, подлежит применению ч. 1 ст. 108 УК РФ как специальная уголовно-правовая норма.

Как отмечал в своем исследовании, А. Н. Трайнин «специальный состав преобладает над родовым составом. При этом родовый состав, словно находится в резерве для случаев, не охватываемых специальными составами» [10, С. 234]. Представляется справедливой точка зрения Э. В. Кабурнеева, по мнению которого, в ситуации, когда субъект преступления, исходил из необходимости защититься от преступного посягательства, лишение жизни нападающего подлежит квалификации по ч. 1 ст. 108 УК РФ. При этом после того, как непосредственная угроза нападения была устранена либо посягательство предотвращено, но защищающийся, тем не менее, преднамеренно причинил смерть нападающему, то его действия при отсутствии отягчающих обстоятельств, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ, как общая норма. Таким образом, установление в процессе расследования и судебного разбирательства целей совершения преступления, названных в уголовном законодательстве в качестве обязательных (ч. 1 ст. 37 УК РФ), предопределяет квалификацию содеянного по ч. 1 ст. 108 УК РФ [5, С. 122].

Некоторые проблемы в правоприменительной практике возникают в процессе разграничения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 105 УК РФ, если убийство происходит в драке. Общеизвестно, что убийство, совершенное в драке, при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 105 УК РФ, квалифицируется как «простое» убийство, то есть по ч. 1 ст. 105 УК РФ. При этом анализ судебной практики указывает на то, что нередко возникают ситуации, в которых, убийство в драке совершается в рамках правомерной необходимой обороны или при превышении ее пределов. В подобных ситуациях суды нередко необоснованно расценивают предотвращение посягательства как обоюдную драку, при том, что на самом деле на стороне одного из участников драки имело место состояние необходимой обороны.

1. При превышении пределов необходимой обороны, и в состоянии физиологического аффекта причинение вреда обусловлено противоправными действиями потерпевшего;

2. Действующее уголовное законодательство устанавливает, что оба преступления могут совершаться другими лицами, а не только лицом, подвергшимся насилию;

3. Одинаков результат преступлений — причинение смерти или тяжкого вреда здоровью.

Говоря об отличиях рассматриваемых составов преступлений, представляется важным отметить, что в уголовно-правовой доктрине до настоящего времени не разработаны единые критерии. Относительно различий названных преступлений в юридической литературе не выработано единых критериев. К примеру, Г. А. Кригер отграничивает обозначенные составы преступлений друг от друга главным образом, исходя из характера действий потерпевшего, которыми было обусловлено причинение ему вреда [6, С. 34].

Не отрицая юридического значения характера насилия, И. С. Тишкевич напротив полагает, что при одном и том же характере насилия со стороны потерпевшего причинение ему вреда в данном случае может быть превышением пределов необходимой обороны, когда ответная реакция на насилие выражается в несвоевременных или чрезмерных оборонительных действиях, в другом — убийством или нанесением телесного повреждения в состоянии аффекта. Не исключены случаи, когда насилие, не опасное для жизни и здоровья, может обусловить возникновение права на необходимую оборону. А поскольку возможна необходимая оборона, то может иметь место и превышение её пределов [9, С. 152].

Подобная точка зрения представляется справедливой, поскольку лицо, в отношении которого применено насилие, опасное для жизни и здоровья, действует только желая защититься. В отдельных случаях, когда смерть причиняется лицу под влиянием злости, в состоянии внезапно возникшего душевного волнения, в этом случае ни необходимой обороны, ни её превышения не будет. Основное отличие между рассматриваемыми составами преступлений заключается в неодинаковом характере мотивов преступления. Аналогичной позиции придерживаются И. С. Тишкевич [9, С. 152] и Б. С. Волков [4, С. 65].

Разделяя в целом названный подход, Г. А. Кригер, отводит мотиву второстепенную роль в разграничении убийства в состоянии аффекта от эксцесса обороны и отмечает, что в этом есть доля истины, поскольку в отдельных случаях, мотив на самом деле, может способствовать разграничению указанных составов преступлений [6, С. 34].

Мотивы преступлений, совершаемых в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны, в действительности существенно отличаются друг от друга.

В первой ситуации, лицо наносит вред потерпевшему с целью удовлетворения чувства мести. Потребность в том, чтобы наказать обидчика обусловлена озлобленностью, появившейся вследствие противоправных действий потерпевшего, и при этом, в состоянии сильного душевного волнения. Подобное состояние оценивается в качестве обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность. При установлении физиологического аффекта, принимается во внимание способ-

ность объективно оценивать свои поступки и руководить ими, что не может не приниматься во внимание при установлении степени опасности деяния и субъекта, его совершающего, при том, что сам по себе мотив поведения человека заслуживает поощрения.

При превышении пределов необходимой обороны в качестве мотива служит стремление лица защитить свои права и законные интересы от общественно опасного посягательства, вследствие чего, данный мотив приобретает характер преступного, в случае превышения пределов необходимой обороны. Очевидно, что мотивы рассматриваемых преступлений отличаются друг от друга и это отличие должно быть положено в основу их отграничения.

В контексте анализируемого вопроса, представляется важным отметить, что в случаях, если вред, независимо от его последствий, наносится двум и более лицам, то подобное преступление обладает повышенной общественной опасностью и подлежит соответствующей юридической оценке. С учетом изложенного, представляется необходимым внести дополнения в ст. 108 УК РФ, дополнив ее частью 3, изложив следующим образом: «3. Убийство двух и более лиц, совершенное при превышении пределов необходимой обороны или превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, — наказывается лишением свободы на срок до четырех лет».

Вследствие неопределенности критериев насилия, присущего убийству, совершаемому в состоянии аффекта, и насилия, создающего право на необходимую оборону, разграничение указанных составов преступлений в следственной и судебной практике возникают значительные проблемы.

Полагаем, что в качестве критерия разграничения анализируемых составов преступлений выступает их субъективная сторона. Так, аффект выступает в качестве обязательного конструктивного признака субъективной стороны убийства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения, в то время как состояние аффекта, обусловленное насилием со стороны потерпевшего, при совершении убийства при эксцессе обороны, является факультативным признаком субъективной стороны данного состава преступления.

Как справедливо отмечает С. В. Винник, убийство при превышении пределов необходимой обороны, совершаемое в состоянии физиологического аффекта, возникшего вследствие противоправного или аморального поведения потерпевшего, что в соответствии с действующим уголовным законодательством, должно приниматься во внимание судом при юридической оценке деяния и назначении наказания, поскольку является обстоятельством, смягчающим наказание (п. «з» ст. 61 УК РФ) [3, С. 7]. Если в ходе судебного разбирательства судом будет установлено, что при осуществлении оборонительных действий, лицо превысило пределы необходимой обороны, вследствие внезапно возникшего сильного душевного волнения, то оно должно быть освобождено от уголовной ответственности.

В заключении, представляется важным отметить, что в процессе уголовно-правовой квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, судам

надлежит более детально исследовать объективные и субъективные факторы, способствующие причинению смерти посягающего. Представляется, что санкция за совершение убийства при превышении пределов необходимой обороны должна быть ниже санкции, предусмотренной для убийства, совершенного

в состоянии аффекта или причинения смерти по неосторожности. С учетом изложенного, считаем необходимым смягчить санкцию ч. 1 ст. 108 УК РФ, посредством снижения высшего предела лишения свободы до 1 года и одновременного расширения перечня менее строгих мер наказания.

Литература:

1. Блинников В. А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России. — Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2013. — 235с.
2. Бородин С. В. Квалификация преступлений против жизни. — СПб.: Изд-во Юридический центр Пресс, 2014. — 567с.
3. Винник С. В. Отдельные вопросы квалификации преступлений, совершаемых при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Московского университета МВД России, 2010. — С. 1–10.
4. Волков С. В. Проблема воли и уголовная ответственность / Под ред.: Левшин А. И. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. — 136с.
5. Кабурнеев Э. В. Ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: дис... канд. юрид. наук. — М., 2002. — 157с.
6. Кригер Г. А. К вопросу о разграничении убийства в состоянии аффекта и убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны // Вестник Московского государственного университета. — 1961. — С. 30–36.
7. Лоторев Е. Н. Институт федерального вмешательства как средство защиты принципов федеративного устройства Российского государства. — Монография. — Воронеж, 2010. — 135с.
8. Макеева И. В. Проблемы квалификации убийств и иных преступных деяний, совершенных при превышении пределов необходимой обороны // Современные тенденции развития науки и технологий. — 2017. — С. 98–100.
9. Тишкевич И. С. Уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны // Советская юстиция. — М., 1967. — С. 152–156.
10. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. — М., 1970. — 363с.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02. 2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17 июня 1996 г.

Обман и нарушение иных прав потребителей: формы и меры административной ответственности

Годовиков Арсений Вячеславович, студент;

Иванов Дмитрий Сергеевич, студент

Научный руководитель: Каляшин Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

В данной статье рассмотрены формы, виды обмана и нарушения иных прав потребителей в сфере предоставления товаров и услуг, а также меры ответственности за их совершение. На основе анализа авторы классифицировали формы обмана и нарушения иных прав потребителей, как одного из самых распространенных административных правонарушений.

Ключевые слова: права, обязанность, потребитель, обман, товар, продавец, ответственность.

Производство, распределение и потребление товаров и услуг определяют сущность экономики. Переход от плановой к рыночной модели построения экономических связей в России обусловила изменение развития правовой культуры и правосознания населения. В свою очередь отечественная нормативная база так же активно перестроилась под современные условия развития рынка и общественных отношений. Совокупность произошедших преобразований создала предпосылки для обмана и нарушения иных прав потребителей, как в сознательной, так и в неосознанной форме.

Согласно судебная статистика Российской Федерации за 2019 год показывает, что за совершение административных правонарушений в виде обмана потребителя (ст. 14.7 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях — далее: КоАП РФ) рассмотрено 137 дел. 75 виновных лица подвергнуто административной ответственности. Доля наказанных составила 54.0%, оправданных 7.0% (оправдание вынесено в 10 делах). Наказание в виде штрафа было назначено в 73 делах, средняя сумма штрафов составила 22000 рублей. Иные виды административного наказания не применялись [7].

Рассматривая показатели административных правонарушений в виде нарушения иных прав потребителей (ст. 14.8 КоАП РФ) на 2019 год, можно привести следующие данные: рассмотрено 47 дел; виновные лица подверглись административной ответственности в 22 делах. Доля наказанных составила 46.0%, оправданных 4.0% (оправдание вынесено в 2 делах). Наказание в виде штрафа было назначено в 18 делах, средняя сумма штрафов составила 9000 рублей. Иные виды административного наказания не применялись. [7]

Сфера потребления товаров и услуг позволяет человеку не только удовлетворять свои потребности, но и обеспечивает экономическую основу для нормального развития общественных отношений в условиях рыночной экономики. Посещая торговые точки и места по оказанию услуг, большинство граждан страны, не обладает необходимыми знаниями в области своих прав, как потребителя, что приводит не только к их нарушению, но и не соблюдению стандартов торговли и качества предоставляемых продукции или услуг.

Правовая защита потребителя и его свободы выбора в товарообороте, является одной из первостепенных задач, как для государства, так и для его органов. Уполномоченные органы государственной власти, наделенные полномочиями в области защиты прав потребителей, оперативно реагируют на заявления со стороны граждан о нарушении их потребительских прав.

Нормативная правовая основа регулирования прав потребителя содержит в себе множество правовых актов, к таким можно отнести: Конституцию Российской Федерации; КоАП РФ; Гражданский кодекс Российской Федерации; Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»; О принятии технического регламента Таможенного союза от 9 декабря 2011 года № 880 «О безопасности пищевой продукции».

Проанализируем обман потребителя в законодательстве об административных правонарушениях. Определяя характер и вид нарушения прав потребителя, можно выделить обман потребителя ст. 14.7 КоАП РФ, а также нарушение иных прав потребителя ст. 14.8 КоАП РФ. Согласно содержанию диспозиции ч. 1 ст. 14.7 КоАП РФ, обман потребителя может происходить в трех формах:

- 1) обмеривания;
- 2) обвешивания;
- 3) обсчета потребителя при реализации товара или оказании услуги.

Кроме этого, ч. 2 изучаемой статьи предусматривает такой вид обмана как введение потребителя в заблуждение относительно потребительских свойств товара или услуги, или иной обман потребителя, данная противоправная деятельность, совершаемая субъектами административной ответственности, влечет наложение административного штрафа в размере:

- от трех тысяч до пяти тысяч рублей — на граждан;
- от десяти тысяч до тридцати тысяч рублей — на должностных лиц;
- от двадцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей — на юридических лиц [2].

Нарушение прав потребителей может осуществляться и в иных формах. Так, в соответствии со ст. 14.8 КоАП РФ, права потребителя могут быть нарушены в виде: не получения досто-

верной информации о товаре или услуге (ч. 1), включении в договор таких условий, которые будут умолять права потребителя (ч. 2); в виде не предоставлении потребительских льгот, предусмотренных законодательством (ч. 3); неисполнение обязанности по обеспечению возможности оплаты товара или услуги (ч. 4); отказ потребителю в предоставлении товара или услуги на основании личностных качеств и состоянием здоровья потребителя (ч. 5). Ограничение прав потребителя на указанных выше основаниях влечет так же к наложению на юридическое лицо или индивидуального предпринимателя административного штрафа.

Обман и нарушение иных прав потребителей наиболее часто проявляется в виде нарушении стандартов маркировки пищевой продукции. В соответствии с техническим регламентом технического союза маркировка пищевой продукции включает в себя четкое определение даты производства товара, срока годности товара, адрес производства пищевой продукции, состав пищевой продукции. [4] В случае если пищевая продукция была расфасована, на товаре необходимо указать дату упаковки.

Исполнение указанных в техническом регламенте таможенного союза правила маркировки пищевой продукции исполняются большинством продуктовых сетей и продуктовых магазинов, однако, существуют и случаи нарушения стандартов маркировки. При приобретении товара, потребитель должен обращать внимание на наличие всех составляющих маркировки, при отсутствии хотя бы одного из них, данный товар можно считать потенциально не качественным, так как производитель скрывает полную характеристику о продукции (услуге), тем самым нарушает права потребителя на получение полной информации о товаре (услуге).

Не редки случаи, когда продавец пищевой продукции изменяет маркировку срока годности товара и выставляет его повторно на продажу. Данное нарушение закона может привести не только к обману или нарушению иных прав потребителя, но и может причинить физический или моральный вред здоровью потребителя.

Нарушение прав потребителя может осуществлять и в менее опасной форме, так, например различие цены товара на ценнике и цены товара при пробитии его на кассе продуктовой точки может ввести потребителя в заблуждение. В соответствии с разделом IV, главой 30, статьей 494 ГК РФ продавец обязан продать товар по той цене, которая указана на ценнике, однако в реалиях нашей действительности продавец отказывается продавать товар, ссылаясь на невнимательность при предоставлении ценников товара, что приводит к нарушению права потребителя. [3]

Рассматривая умышленное нарушение прав потребителей продавцами, не стоит забывать и о не умышленных нарушениях. Активная поддержка малого и среднего бизнеса в нашей стране дала возможность все большему количеству предпринимателей открывать свое дело. При реализации предпринимательской деятельности определенная часть предпринимателей вообще не знакома с нормами продажи и маркировки продукции, наиболее ярко такие случаи можно встретить в торговых точках, продающих пищевую продукцию на развес. Несмотря на неумышленный характер действия данных лиц, они

так же нарушают права потребителя, за что и могут привлекаться к административной ответственности в виде штрафа.

Обозначенные выше, возможные правонарушения со стороны продавца вынуждают потребителя быть более внимательным при приобретении продукции, рассматривая данную сферу товарооборота, нами могут быть предложенные следующие способы защиты собственных прав, как потребителя, а также не допустить их нарушение.

Для того, чтобы права потребителя не были нарушены, ему необходимо иметь представление: о правила маркировки; правилах публичной оферты и акцепта; об инстанции, в которые он может обратиться для восстановления нарушенного права; о формах сертификатов на продукцию.

В случае нарушения прав потребителя, в виде недостатка товара или услуги, потребитель имеет право предъявить претензию продавцу или изготовителю в письменной форме. В претензии к продавцу (производителю), потребитель может

указать на недостаток товара, а также потребовать возврат денежных средств, или обменять некачественный товар на качественный, или вернуть часть денежных средств.

Подводя итог к выше сказанному, можно сделать вывод о том, что права потребителя входят в круг экономических прав, которые закреплены в ряде нормативно-правовых актов и охраняются государством. Обман и нарушение иных прав потребителя является достаточно распространенным правонарушением в сфере товарооборота. Данная сфера экономической деятельности важна как для продавца, так и для потребителя, что определяет практическую значимость данной темы. Представленные в данной работе способы защиты прав потребителя, а также недопущение их нарушения, способны уменьшить количество правонарушений прав потребителя. Проводимые государственными органами контрольно-надзорные мероприятия по защите и соблюдению прав потребителя, способствуют их эффективной реализации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г.: с учетом поправок, внес. законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации.— 2020.— № 31, ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации.— 2002.— № 1, ч. 1, ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: [федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации.— 1996.— № 5, ст. 410.
4. О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности пищевой продукции»: [Решение Комиссии Таможенного союза 9 декаб. 2011 г. № 880] // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза.— URL: <http://www.tsouz.ru/>, 15.12.2011. Комиссия Таможенного союза — 2011.— 15 дек (дата обращения 15.05.2020).
5. Чмырев С. Н., Ефимова А. А. Соблюдение законности при назначении вида административного наказания за обман потребителя // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3). С. 261–265.
6. Сидорова Е. А. Актуальные проблемы защиты прав потребителей // Гражданин и право. 2010. № 4. С. 57–59.
7. Административные правонарушения. Показатели по отдельным правонарушениям // Судебную статистику РФ.— URL: <http://stat.api-пресс.рф/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения 15.05.2020).

К вопросу о совершенствовании признаков медицинских работников

Гончаров Андрей Эдуардович, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье автор на основании анализа российского права, судебной практики, законодательства стран СНГ обосновывает, что понятие медицинского работника должно раскрываться через такие признаки как медицинское образование, оказание медицинской помощи как на территории медицинской организации, так и в иных случаях вне места нахождения медицинской организации. На основании разработанных признаков автор формулирует новое понятие медицинского работника.

Ключевые слова: медицинский работник, медицинская помощь, медицинская деятельность, медицинская организация, медицинское образование.

Анализ понятия медицинского работника, закрепленного в ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ), позволяет сделать вывод о том, что между нормами медицинского и трудового

права имеют место противоречия при раскрытии сущности термина «медицинский работник». Медицинское законодательство термином «медицинский работник» охватывает, в том числе правоотношения по оказанию медицинской деятельности индивидуальным предпринимателем. Однако с точки

зрения трудового права индивидуальный предприниматель не может являться работником, а только может выступать в качестве работодателя. На указанное противоречие обращает внимание в одной из своих работ Головина С. Ю., которая отмечает, что «индивидуальный предприниматель не вступает в трудовые отношения в качестве работника и таковым не является по сути» [3]. На некорректность указанного определения указывают и другие исследователи (например, В. А. Лаптев [4], Боровых Л. В., Кирова Т. А. [2]).

При анализе понятия медицинского работника законодатель использует отсылочную систему раскрытия основных признаков медицинского работника. В частности, одним из признаков медицинского работника является осуществление медицинской деятельности. Однако и в указанном понятии медицинской деятельности можно заметить отсылку к новому признаку — оказание медицинской помощи. Затем законодатель продолжает раскрытие термина медицинской помощи через термин «здоровье».

Таким образом, с точки зрения законодательной техники существующее понятие медицинского работника нуждается в дальнейшем совершенствовании путем формулирования основных признаков в одном понятии. Итак, рассмотрим основные признаки медицинского работника (критерии допуска к медицинской деятельности).

Во-первых, наличие образовательного ценза. Законодатель установил, что для медицинского работника необходимо наличие медицинского или иного образования. В юридической литературе неоднозначно оценивается возможность осуществления функции медицинского работника без медицинского образования [5]. Но, обратившись к анализу Номенклатуры должностей медицинских работников [6] можно заметить, что к медицинским работникам относятся специалисты с высшим профессиональным немедицинским образованием, среди них: биолог; зоолог; инструктор-методист по лечебной физкультуре; медицинский психолог и др.

При этом вопрос об отнесении той или иной профессии к медицинскому образованию в российском законодательстве решается по-разному. В частности, если взять дефектологов, логопедов, то ещё в 1998 г. Минздрав РФ обратил внимание на то, что «организация специализированной помощи больным с нарушениями речи и других высших психических функций органического и функционального генеза, внедрение принципов комплексной системы лечения и реабилитации — неотложная задача здравоохранения» [7]. Но при этом законодатель оказался крайне не последовательным, включив дефектологов и логопедов в качестве лиц с педагогическим образованием. Данный подход признать нельзя верным. Он не учитывает, что от работы указанных специалистов на ранних этапах выявления нарушения речи (особенно — у детей) зависит их состояние здоровья. А на практике указанные специалисты оказались исключены из медицинских работников, а как следствие — невозможность воспользоваться всеми правами и льготы для данной категории работников.

В настоящее время правом на занятие медицинской деятельностью обладают также лица, получившие высшее немедицинское образование. Не считаем критическим допуск

к оказанию медицинской помощи лиц с иным образованием, поскольку вопрос определения отнесения образования к медицинскому или другому находится исключительно в плоскости образовательного законодательства. Именно нормами образовательного права утвержден перечень специальностей и направлений высшего образования [8], среднего профессионального образования [9]. В связи с этим термин «медицинское образование» не совсем корректно использовать. С учетом требований образовательного законодательства, целесообразно при определении образовательного ценза вместо термина «медицинское образование» использовать следующую формулировку «высшее образование, среднее профессиональное образование по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Здравоохранение и медицинские науки» или подготовки кадров высшей квалификации по программам аспирантуры, адъюнктуры, ординатуры по специальностям, входящим в укрупненную группу специальностей «Здравоохранение и медицинские науки», «Науки о здоровье и профилактическая медицина». Термин «иное образование» исключить из законодательства. Необходимость корректировки образовательных требований к медицинским работникам обусловлена тем, что в настоящее время к медицинским работникам отнесены категории должностей, к трудовым функциям которых не отнесено оказание медицинской помощи. Следует отметить, что требования по наличию только медицинского образования как условия допуска к профессии закреплены в Казахстане, Белоруссии, Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане. В Киргизии медицинские работники должны иметь медицинское или биологическое образование.

Таким образом, с учетом содержательного подхода к пониманию трудовой функции медицинских работников, зарубежного опыта, считаем необходимым закрепить в законодательстве положение о наличии только медицинского образования у медицинского работника. При этом такие профессии как логопеды и дефектологи должны быть отнесены законодателем не к педагогическому, а медицинскому образованию, поскольку последние осуществляют фактически медицинскую помощь.

Во-вторых, в соответствии с законодательством занятие медицинской деятельностью должно осуществляться в пределах медицинской организации. На практике нередки случаи, когда в штатном расписании не медицинской, а иной организации в силу специфики ее деятельности присутствует должность из Номенклатуры специальностей медицинских работников, например, медсестра в образовательном учреждении: детском саду или школе. Тогда может возникнуть вопрос: можно ли отнести медицинскую сестру детского сада, школы, образовательной организации к категории медицинских работников, ведь она осуществляет свою деятельность за рамками медицинской организации, что не соответствует понятию медицинского работника? Между тем, в соответствии с п. 11 ст. 2 Закона об охране здоровья граждан положения указанного Закона, регулирующие деятельность медицинских организаций, распространяются на иные юридические лица независимо от организационно-правовой формы, осуществляющие наряду с основной (уставной) деятельностью медицинскую деятельность,

и применяются к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности.

Иными словами, если школа или детский сад имеют в штате медицинских работников и осуществляют деятельность медицинского кабинета на основании лицензии на медицинскую деятельность, то на работников, замещающих соответствующие должности, распространяются все особенности правового регулирования деятельности медицинских работников, установленные законодательством.

Между тем не каждый работник медицинской организации является медицинским работником. В соответствии с примечанием 1 к Номенклатуре специальностей медицинских работников должности «главный врач», «заместитель главного врача» относятся к медицинским работникам только в случае, если в их трудовые (должностные) обязанности входит осуществление медицинской деятельности.

Анализ положений ст. 32 Федерального закона № 323-ФЗ допускает возможность осуществления медицинской помощи амбулаторно (в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения), в том числе на дому при вызове медицинского работника. Это означает, что фактически медицинская помощь не всегда привязана к адресам, указанным в лицензии на осуществление медицинской деятельности. Следовательно, указывать в понятии медицинского работника на осуществление медицинской деятельности только по месту ее нахождения является внутренним противоречием Федерального закона № 323-ФЗ, поэтому указание на занятие медицинской деятельностью только в пределах медицинской организации необходимо исключить из его содержания. В подтверждение заявленного нам тезиса можно привести примеры из судебной практики [10].

Таким образом, с учетом фактически сложившейся практики медицинская деятельность должна осуществляться как на территории медицинской организации, в том числе научных и образовательных организациях, так и вне места нахождения медицинской деятельности, если необходимость оказания медицинской помощи обусловлена спасением жизни и здоровья гражданина.

В-третьих, закон раскрывает понятие медицинского работника через осуществление им медицинской деятельности. В отношении данного признака медицинского работника ведется много споров. Спорность связана с тем, что ученые и практики не могут прийти к единому мнению относительно того, осуществляется ли медицинском работником медицинская деятельность или оказывается медицинская помощь. Обратившись к российскому законодательству не трудно заметить, что правосубъектность раскрывается именно через понятие оказания медицинской помощи. Итак, представим краткий анализ основных базовых документов в сфере здравоохранения, доказывающих наш тезис о медицинской помощи как признаке правового статуса медицинского работника.

1) ст. 41 Конституции РФ раскрывает право на охрану здоровья именно через оказание медицинской помощи;

2) законодатель раскрывает понятие пациента именно через получение им медицинской помощи;

3) заслуживает внимания изучение должностных обязанностей работников здравоохранения. В частности, в должностные обязанности врача-специалиста входит выполнение перечня работ и услуг для диагностики заболевания, оценки состояния больного и клинической ситуации в соответствии со стандартом медицинской помощи;

4) в систему источников регулирования правового статуса медицинского работника входят так называемые кодексы профессиональной этики врача [1]. Их изучение также позволяет сделать вывод, что деятельность врача раскрывается именно через оказание им медицинской помощи. Например, ст. 3 Кодекса профессиональной этики врача Российской Федерации закрепляет, что врач обязан оказать качественную, эффективную и безопасную медицинскую помощь. Аналогичный подход можно встретить при анализе кодексов профессиональной этики на территории Кировской области. В частности, Кодекс профессиональной этики медицинского работника КОГБУЗ «Кировская областная клиническая больница» [11], Кодекс профессиональной этики медицинского работника КОГБУЗ «Инфекционная клиническая больница» [12], КОГБУЗ Кировская городская больница № 2 [13], Кодекс профессиональной этики и служебного поведения работников медицинских организаций государственной системы здравоохранения, осуществляющих свою деятельность на территории Амурской области [14] и др. При этом в системе частного здравоохранения используется аналогичный подход к раскрытию деятельности врача через оказание им медицинской помощи (например, ООО «Ваш доктор» [15]);

5) анализ принятых профессиональных стандартов свидетельствует о том, что основной трудовой функцией медицинских работников являются различные формы оказания медицинской помощи. Например, врач-терапевт участковый оказывает первичную медико-санитарную помощь, врач-пульмонолог — оказание медицинской помощи пациентам при заболеваниях бронхолегочной системы, врач-невролог — оказание медицинской помощи пациентам при заболеваниях и (или) состояниях нервной системы и т.д.;

6) в международных актах и зарубежном законодательстве закреплён подход об оказании врачом именно медицинской помощи. В частности, международный кодекс медицинской этики 1949 г. закрепляет, что врач должен ставить во главу угла сострадание и уважение к человеческому достоинству пациента и полностью отвечать за все аспекты медицинской помощи, вне зависимости от собственной профессиональной специализации.

Таким образом, закреплённый в законодательстве признак осуществления медицинской деятельности необходимо исключить, заменив его на оказание медицинской помощи.

На основании вышеизложенного, понятие медицинского работника необходимо изложить в следующей редакции:

«медицинские работники — физические лица, имеющие высшее образование, среднее профессиональное образование по специальностям, входящим в укрупнённую группу специальностей »Здравоохранение и медицинские науки« или подготовки кадров высшей квалификации по программам аспирантуры, адъюнктуры, ординатуры по специальностям, входящим в укрупнённую группу специальностей »Здравоохранение и ме-

дицинские науки», «Науки о здоровье и профилактическая медицина», работающие в медицинской организации, в том числе образовательной, научной, у индивидуального предпринима-

теля и имеющие трудовые обязанности либо лица, работающие в иной медицинской организации (индивидуального предпринимателя), направленные для оказания медицинской помощи.

Литература:

1. Башанкаев, Б.Н. Актуальные проблемы правового регулирования управления медицинским персоналом и пути их решения в современных условиях: учебное пособие / Б. Н. Башанкаев, П. Е. Морозов, Е. Рустамов, и Б. — М: Проспект, 2020. — 160 с. — Текст: непосредственный.
2. Боровых, Л. В. Уголовно-правовой взгляд на профессиональный статус медицинских работников / Л. В. Боровых, Т. А. Кирова. — Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2018. — № 3. — С. 478–498.
3. Головина, С. Ю. Особенности трудоустройства медицинских работников / С. Ю. Головина. — Текст: непосредственный // Медицинское право. — 2013. — № 6. — С. 22–26.
4. Лаптев, В. А. Медицинская деятельность: правовая природа и источники правового регулирования / В. А. Лаптев. — Текст: непосредственный // Медицинское право. — 2013. — № 3. — С. 15–18.
5. Романовская, О. В. Особенности профессиональной деятельности медицинских работников в Российской Федерации / О. В. Романовская. — Текст: непосредственный // Трудовое право в России и за рубежом. — 2013. — № 3. — С. 38–41.
6. Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: [Приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. N1183н] // Российская газета. 2013. N65.
7. О специализированной помощи больным при нарушениях речи и других высших психических функций: [Приказ Минздрава РФ от 28.12.1998 N383] // Режим доступа [Консультант]. — Загл. с экрана. Документ не был опубликован.
8. Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования: [Приказ Минобрнауки России от 12.09.2013 N1061] // Режим доступа [Консультант]. — Загл. с экрана.
9. Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования: [Приказ Минобрнауки России от 29.10.2013 N1199] // Режим доступа [Консультант]. — Загл. с экрана.
10. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 15 февраля 2016 г. по делу № А32–46196/2015 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/HFZYtRoBipNп/> (дата обращения — 05.05.2020); Решение Арбитражного суда Приморского края от 26 июля 2016 г. по делу № А51–11488/2016 <https://sudact.ru/arbitral/doc/02dQECu9QZol/> (дата обращения — 05.05.2020).
11. Кодекс профессиональной этики медицинского работника КОГБУЗ «Кировская областная клиническая больница» // <https://kokbkkirov.ru/wp-content/uploads/2017/11/kodeks.pdf> (дата обращения — 10.04.2020).
12. Кодекс профессиональной этики медицинского работника когбуз «инфекционная клиническая больница: утверждено приказом главного врача КОГБУЗ «Инфекционная клиническая больница» от 17.04.2017 г. № 35 // <https://aids43.ru/about/kodeks/> (дата обращения — 10.04.2020).
13. Кодекс профессиональной этики медицинского работника: утвержден приказом от 01.07.2014 № 359/1 // <http://gb2.medkirov.ru/site/LSP8B0733> (дата обращения — 30.04.2020).
14. Об утверждении Кодекса профессиональной этики и служебного поведения работников медицинских организаций государственной системы здравоохранения, осуществляющих свою деятельность на территории Амурской области: [Приказ Министерства здравоохранения Амурской области от 05.02.2016 N120] // Азия-Экспресс. 2015. N51–52. 29 дек.
15. Кодекс профессиональной этики и служебного поведения работников ООО «Доктор Айболит» // <http://aibolit-kungur.ru/images/Docs/kodecs.pdf> (дата обращения — 30.04.2020).

Принципы разумности и добросовестности в корпоративных отношениях

Горбунов Денис Юрьевич, студент
Челябинский государственный университет

В статье автор рассматривает применение принципов добросовестности и разумности корпоративных отношений в действующем законодательстве и характер ответственности органов управления юридическим лицом, возникающей при нарушении этих принципов.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, правовой принцип.

Пункт 3 статьи 53 Гражданского Кодекса РФ (далее — ГК РФ) устанавливает, что лицо, действующее от имени организации должно действовать добросовестно и разумно [1]. Од-

нако, как отмечает Ю. А. Метелева, было неясно что понимать под «неразумными» и «недобросовестными» действиями [9, с. 31]. Эта неопределенность была устранена постановлением

Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в органы юридического лица» (далее — ПП ВАС РФ № 62), которым было дано развернутое толкование закрепленных в п. 3 ст. 53 ГК РФ понятий добросовестности и разумности действий лиц, уполномоченных выступать в интересах и от имени юридического лица [4].

Согласно п. 4. ПП ВАС № 62 добросовестность и разумность директора заключается в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, для которых создано юридическое лицо, включая надлежащее исполнение публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законом.

Рассмотрев пункт 2 ПП ВАС № 62, можно определить характерные черты добросовестности и разумности органа управления юридическим лицом.

Во-первых, это отсутствие конфликта интересов между органом управления и корпорацией.

Во-вторых, это открытость информации обо всех сделках, которые совершаются директором от имени юридического лица. Такая информация должна быть открыта не только для контролирующих государственных органов, но в первую очередь для участников общества.

В-третьих, о разумности и добросовестности свидетельствуют действия органа управления, свидетельствующие о получении разрешения на совершение сделки от компетентных органов управления корпорацией.

В-четвертых, стремление ввести в курс дела новый орган управления, подготовить его к хозяйственной деятельности путем своевременной передачи документации.

В-пятых, орган управления не знал или не должен был знать о том, что его действия (бездействие) на момент их совершения не отвечали интересам юридического лица, например, совершил сделку на заведомо невыгодных для юридического лица условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом.

Письмом Центрального Банка Российской Федерации от 10.04.2014 N06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» (далее — Письмо ЦБ РФ N06–52/2463 от 10.04.2014 г.), введены дополнительные критерии добросовестности и разумности. Кроме отсутствия личной заинтересованности, действий в интересах общества, проявления осмотрительности и заботливости которые следует ожидать от хорошего руководителя в аналогичной ситуации при аналогичных обстоятельствах были добавлены такие признаки добросовестности как: принятие решений с учетом всей имеющейся информации, в отсутствие конфликта интересов, с учетом равного отношения к акционерам общества, в рамках обычного предпринимательского риска (пункт 2.6.1), стремление добиваться устойчивого и успешного развития общества (пункт 126) [7, с. 33].

Федеральным законом от 26.12.1995 N208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — Закон об АО) устанавливаются аналогичные положения об органах управления акционерным обществом, согласно которым, лицо осуществляющее управление акционерным обществом должно действовать разумно и добросовестно (пункт 1 статьи 71 Закона об АО) [2]. Феде-

ральным законом от 08.02.1998 N14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) такие же требования накладываются на единоличный исполнительный орган, членов совета директоров и иные коллегиальные органы управления обществом с ограниченной ответственностью (пункт 2 статьи 44 Закона об ООО) [3].

Нарушение принципов «добросовестности» и «разумности» при управлении юридическим лицом является основанием для привлечения органа управления к корпоративной ответственности. Ю. А. Метелева отметила, что ученые-цивилисты сходятся во мнении о том, что ответственность органов управления является самостоятельным видом ответственности в рамках гражданско-правовой [9, с. 31]. Такого же мнения об уникальном характере корпоративной ответственности придерживается О. В. Гутников [8, с. 8]. По мнению автора, существование данного подхода к характеру ответственности органов управления является обоснованным, поскольку негативные последствия (например, причинение убытков), наступают для неопределенного круга лиц — самой корпорации, её участников, а также её контрагентов, то есть носят одновременно и относительный и абсолютный характер. В то же время, принципы добросовестности и разумности характерны и для других видов гражданско-правовой ответственности и предполагаются в силу закона (пункт 5 статьи 10 ГК РФ) [1]. Этим обусловлено применение принципов добросовестности и разумности в специальном гражданско-правовом режиме — несостоятельности (банкротстве). Положения о добросовестности и разумности можно отметить в пункте 4 статьи 20.3. Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Согласно указанной нормы, арбитражный управляющий должен действовать разумно и добросовестно, в интересах должника и кредиторов [8, с. 17].

Статьей 53.1. ГК РФ установлен перечень лиц, которые подлежат ответственности в случае причинения убытков обществу, следовательно, из этой нормы вытекают положения о лицах, которые обязаны действовать добросовестно, а именно: во-первых, лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа (директора); во-вторых, члены коллегиальных органов (совет директоров); в-третьих, лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания директорам и членам совета директоров (так называемые «теневые» директоры, то есть фактические бенефициары) [9, с. 31].

В качестве примера по применению судом норм о привлечении к ответственности органа управления юридического лица за неразумные и недобросовестные действия можно привести спор в Арбитражном суде Свердловской области по делу N А60–40982/2018. В нём возник вопрос о привлечении директора к ответственности за неразумные действия. В данном деле конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о взыскании с бывшего директора общества. Судами первой и апелляционной инстанций установлен факт снятия со счета должника бывшим директором денежных средств. Размер снятых денежных средств бывшим директором не оспаривался. В качестве назначения платежей бывшим директором указывалось:

«выдан заем», «пополнение карты», «гашение кредита по договору», «прочие выдачи», «на хоз. нужды».

Определением от 06.07.2019 по настоящему делу суд обязал бывшего директора передать конкурсному управляющему имущество, оригиналы бухгалтерской и иной документации должника.

В обоснование расходования наличных денежных средств на нужды общества бывший директор указал, что он приобретал материалы, а также производил оплату работ и услуг контрагентов должника — индивидуальных предпринимателей, которые не вели книги покупок и продаж и сдавали только отчетность по упрощенной системе налогообложения.

Суды критически отнеслись к выбранным бывшим директором контрагентам, у которых последний закупал товары, работы, услуги для нужд общества, поскольку большинство из них индивидуальные предприниматели, которые не вели книги покупок и продаж, и сдавали только отчетность по упрощенной системе налогообложения, что затрудняет возможность проверки реальности приобретения товаров, работ, услуг для нужд должника в ситуации нераскрытия руководителем экономического смысла приобретения товаров для нужд должника посредством неоднократного снятия наличных денежных средств со счета предприятия на протяжении длительного времени.

Совокупность названных обстоятельств не позволила судам с достоверностью установить тот факт, что все снятые с расчетного счета должника денежные средства были израсходованы исключительно на нужды должника, поскольку директор при выборе контрагентов действовал неразумно и не выстраивал с контрагентами отношения для деятельности посредством осуществления расчетов в безналичной форме. Определением Арбитражного суда Свердловской области от 11.10.2019 года по вышеуказанному делу требование о взыскании убытков с бывшего директора удовлетворено [5].

В качестве другого примера можно привести спор по делу N А40–293679/18, рассмотренный в Девятом Арбитражном Апелляционном суде. Согласно материалам дела, ООО «БАСФЛОТ» обратилось в суд с иском к Бережному Илье Дмитриевичу при участии третьего лица ООО «Дельфин-Авто» о взыскании убытков в размере 1 160 000 руб.

Между Обществом с ограниченной ответственностью «БАСФЛОТ» (Арендатор) и Обществом с ограниченной ответственностью «ДЕЛЬФИН-АВТО» (Арендодатель) заключен договор аренды автотранспортного средства от 01 июля 2017 года, предметом которого является предоставление арендодателем за плату во временное владение и пользование арендатора транспортного средства.

Указанный договор и дополнительное соглашение были подписаны со стороны ООО «ДЕЛЬФИН-АВТО» генеральным

директором Бережным Ильей Дмитриевичем, а также со стороны ООО «БАСФЛОТ» тем же лицом — Бережным Ильей Дмитриевичем, являющимся генеральным директором.

В ходе проведенной учредителем истца проверки, было обнаружено, что транспортное средство, являющееся микроавтобусом, за весь период аренды (8 мес.) фактически ни разу не использовалось в хозяйственной деятельности Общества, не эксплуатировалось, перевозку пассажиров не осуществляло, топливо не приобреталось и не списывалось. путевые листы не выдавались, страхование автогражданской ответственности, обязательное страхование гражданской ответственности перевозчика не выполнялось.

Судом был установлен факт, что спорное транспортное средство одновременно сдано в аренду Ответчиком дважды нескольким юридическим лицам, выступающими арендаторами: ООО «БАСФЛОТ» и ООО «МЕГАБАС», что подтверждает отсутствие добросовестности в действиях ответчика.

В материалы дела так же были представлены доказательства, что на балансе ООО «БАСФЛОТ» числилось 38 автомобилей, в то время как водителей, имеющих право на управление данными автомобилями, в штате ООО «БАСФЛОТ» числилось 29 человек.

Таким образом, суду представлены доказательства, свидетельствующие о неразумности и недобросовестности в действиях директора, выразившихся в аренде транспортного средства у принадлежавшей ему фирмы, в котором отсутствовала объективная необходимость и целесообразность, а также в ежемесячной оплате стоимости аренды ТС, тогда как Общество не пользовалось им в хозяйственной деятельности за весь период аренды ни разу. Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2019 N09АП-23990/2019 по делу N А40–293679/2018 требование истца о взыскании убытков с недобросовестного директора удовлетворено [6].

Таким образом, можно резюмировать следующее. В гражданском законодательстве установлена ответственность лиц, занимающих должности в органах управления юридического лица. Данная ответственность неразрывно связана с нарушением принципов добросовестности и разумности органами управления юридического лица. В настоящее время, суды успешно анализируют действия органов управления организацией с точки зрения добросовестности и разумности.

Приведённые точки зрения на характер ответственности органов управления организацией указывают на то, что научным сообществом сформулирована характеристика ответственности органов управления юридическим лицом, а именно выделение такой ответственности в разряд самостоятельного вида гражданско-правовой ответственности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.
2. Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 04.11.2019, с изм. от 07.04.2020) «Об акционерных обществах» с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020 // СПС КонсультантПлюс.
3. Федеральный закон от 08.02.1998 N14-ФЗ (ред. от 04.11.2019 с изм. От 07.04.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС КонсультантПлюс.

4. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 N62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС КонсультантПлюс.
5. Определение Арбитражного суда Свердловской области от 11.10.2019 года по делу N А60-40982/2018 // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.07.2019 N09АП-23990/2019 по делу N А40-293679/2018 // СПС КонсультантПлюс.
7. Письмо Банка России от 10.04.2014 N06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России, N40, 18.04.2014.
8. Гутников О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4–30.
9. Метелева Ю. А. Ответственность лиц, управляющих юридическим лицом // Lex Russica. 2019. № 10 (155).

Особенности привлечения должностных лиц таможенных органов в государствах — членах Евразийского экономического союза к дисциплинарной ответственности

Данкоглова Виктория Вадимовна, студент магистратуры
Российская таможенная академия (г. Люберцы)

Статья посвящена проблемам и особенностям привлечения к дисциплинарной ответственности должностных лиц таможенных органов государств-членов Евразийского экономического союза. Даны предложения по совершенствованию действующего законодательства о дисциплинарной ответственности и мерах наказаний за совершенный дисциплинарный проступок.

Ключевые слова: должностные лица, дисциплинарная ответственность, дисциплинарный проступок, дисциплинарное взыскание.

Деятельность таможенных органов привлекает к себе в настоящее время все большее внимание ввиду создания Евразийского экономического союза. По причине интеграционных процессов на евразийском пространстве становится нужным формирование общего образовательного пространства, а также дальнейшая гармонизация образования в таможенной сфере. За рамками ЕАЭС, для Российской Федерации как отдельной единицы внешнеэкономической деятельности, ввиду санкционных отношений с некоторыми странами мира, важна экономическая безопасность страны, а также ее репутация на мировой арене, которая зависит от компетентности, профессионализма и качества выполнения своих обязанностей таможенными органами, в лице их сотрудников.

Организация функционирования таможенных органов нуждается в постоянном мониторинге и совершенствовании деятельности, так как данное направление имеет высокий уровень эффективности в повышении качества предоставления услуг таможенных органов.

Система таможенных органов на всех ее уровнях имеет довольно сложную, многоступенчатую структуру. Таможня в своем составе может иметь около тридцати подразделений отделов, групп. В таких условиях управление таможенным органом становится затруднительным процессом, который требует большого промежутка времени от дачи распоряжения до его выполнения. Конечно, в условиях постоянного, плотного

потока внешнеэкономических операций запасов времени и его застоев быть не может.

При осуществлении своих должностных обязанностей должностные лица таможенных органов выполняют задачи, решение которых тесно взаимосвязано с особенностями несения государственной службы.

От четкого исполнения должностных обязанностей должностными лицами таможенных органов зависит эффективность работы таможенных служб.

В связи с чем, в настоящее время к должностным лицам таможенных органов законодательство предъявляет все более высокие требования касательно профессиональных навыков.

Однако имеются прецеденты игнорирования отдельными должностными лицами правовых требований, что неизбежно сопровождается распространением практики нарушений дисциплины таможенных органов. Негативными аспектами нарушений дисциплины должностными лицами таможенных органов являются, прежде всего, существенное затруднение эффективного выполнения социально значимых государственных задач, а также способствование развитию коррупции в таможенных органах.

В случае совершения различных дисциплинарных нарушений, которые связаны не только с исполнением должностными лицами своих должностных обязанностей, но и соблюдением дисциплины таможенных органов могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарная ответственность — это предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия.

К должностным лицам таможенных органов применяется специальная дисциплинарная ответственность, которая определяется в виде совокупности правовых норм, рассматривающих обязанность специальных субъектов понести меры дисциплинарного взыскания, предусмотренные в нормах законодательства (устав таможенного органа).

Привлечение к дисциплинарной ответственности представляет собой деятельность по разбирательству дисциплинарного проступка.

Такое разбирательство включает следующие элементы:

- проверка обстоятельств совершённого деяния;
- квалификация совершенных противоправных действий;
- выбор и анализ правовой нормы, подлежащей применению;
- принятие соответствующего решения;
- исполнение решения служебной проверки.

Дисциплинарные взыскания за правонарушения коррупционной направленности применяются представителем таможенной службы по результатам проверки, проведенной подразделением кадровой службы по профилактике коррупционных и иных правонарушений, а в случае, если доклад о результатах проверки направлялся в комиссию по урегулированию конфликтов интересов, то в соответствии с рекомендациями комиссии.

По общему правилу, применение дисциплинарного взыскания не освобождает работника, совершившего проступок, от иной ответственности, предусмотренной законодательством стран-участников ЕАЭС. Дисциплинарным уставом определено, что, если в результате служебной проверки будет обнаружено, что сотрудник допустил действия, указывающие на признаки преступления, руководитель таможенного органа обязан незамедлительно передать полученные материалы в органы дознания или предварительного следствия.

Нормативно-правовая регламентация дисциплинарной ответственности в административном праве осуществляется целой совокупностью актов, различных по юридической силе, содержанию, сфере применения. Дисциплинарная ответственность в России может быть общей, предусмотренной Трудовым кодексом Российской Федерации [1], и специальной, предусмотренной отдельными федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине. Основным актом, регламентирующим вопросы дисциплинарной ответственности в административном праве, является Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 25.11.2009) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2].

Вопросы дисциплинарной ответственности таможенной службы отражены в федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 09.02.2009) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» [3]. Сущность служебной дисциплины в таможенных органах, права и обязанности начальников, связанные с ее поддержанием, а также порядок применения поощрений и наложения дисциплинарных взысканий определяются Дисциплинарным уставом таможенной службы РФ [4].

В Ст. 29. Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ (ред. от 09.02.2009) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» за нарушение служебной дисциплины на сотрудников таможенных органов могут налагаться следующие дисциплинарные взыскания:

- замечание;
- выговор;
- строгий выговор;
- предупреждение о неполном служебном соответствии по результатам аттестации;
- увольнение из таможенных органов.

В ст. 23 Указа Президента Республики Беларусь от 09.03.2011 № 98 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенных органов Республики Беларусь» [5] к сотрудникам таможенных органов применяется только следующие дисциплинарные взыскания:

- замечание;
- выговор;
- понижение в персональном звании на одну ступень;
- увольнение.

В Республике Казахстан, кроме замечания и выговора, установлены также такие меры, как строгий выговор, и расторжение контракта по инициативе работодателя о чем гласят Правила и условия привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудника таможенного органа РК (Приложение 5 к приказу Министра Финансов Республики Казахстан от 23 октября 2012 г. № 468 [6], а именно:

- замечание;
- выговор;
- строгий выговор;
- предупреждение о неполном служебном соответствии;
- освобождение от занимаемой должности;
- понижение в специальном звании на одну ступень;
- увольнение из таможенных органов;
- увольнение из таможенных органов с лишением почетных званий, нагрудных знаков, присвоенных или награжденных руководителями или уполномоченными руководителями таможенных органов (далее — руководитель).

В ст. 44 Закон Республики Армения «О таможенной службе» [7], закреплен более широкий перечень мер дисциплинарной ответственности, применяемых к сотрудникам таможенных органов:

- замечание;
- выговор;
- строгий выговор;
- снижение в специальном звании, но не ниже двух ступеней;
- понижение в должности таможенной службы, но не ниже одной ступени;
- материальная ответственность;
- освобождение от должности таможенной службы.

Необходимо учитывать, что при проведении служебных проверок к сотрудникам таможенных органов в странах-членах ЕАЭС применяются также нормы Кодексов Профессиональной этики, направленные на сокращение совершения дисциплинарных нарушений в целом.

Дисциплинарный проступок нарушает трудовые и служебные отношения, однако законодатель не считает его опасным для общества. Характер противоправности является формальным признаком разграничения. Преступление запрещено нормами уголовного права.

Совершение дисциплинарного проступка влечет применение дисциплинарных взысканий, преимущественно выговора либо строгого выговора.

Таким образом, на практике привлечения сотрудников таможенных органов стран-членов ЕЭАС к дисциплинарной ответственности стоит отметить некоторые пробелы. Один из явных характерных недостатков — это отсутствие должного профессионализма.

В целом же процедура привлечения сотрудников таможенных органов стран-участниц ЕЭС равнозначна, отличительными особенностями является факт закрепления мер дисциплинарной ответственности. Для Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Армения и Республики Казахстан схожими мерами являются замечание и выговор. Остальные меры индивидуальны для каждой страны, в зависимости от действующего законодательства. Основанием для привлечения сотрудника таможенного органа к дисциплинарной ответственности является совершение им дисциплинарного проступка.

При привлечении сотрудников таможенных органов к дисциплинарной ответственности возникают различные проблемы, которые связаны с несовершенством процедуры проведения служебных проверок, а также действующего в данной области законодательства.

Система дисциплинарных взысканий, направленная на сотрудников таможенных органов стран — участниц ЕЭС должна быть усовершенствована на законодательном уровне. Следует изменить непосредственно сам подход к правовому регулированию отдельных видов дисциплинарных взысканий, применяемых к данной категории служащих.

Для совершенствования процедуры привлечения сотрудников таможенных органов, предлагается на законодательном уровне закрепить три вида дисциплинарных про-

ступков гражданских служащих, в зависимости от тяжести проступка:

1. Грубые проступки. Установлены в пп. 3 п. 1 статьи 37 Закона № 79-ФЗ и предусматривают за их совершение увольнение гражданского служащего.

2. Значительные проступки. Представляют собой неисполнение и/или ненадлежащее исполнение служащим своих обязанностей, что влечет за собой нарушение прав и интересов физических и юридических лиц, общества и/или государства и причинившие материальный вред государству. К значительным проступкам следует отнести те, которые совершаются повторно или при наличии уже у служащего, снятого или неснятого дисциплинарного взыскания.

3. Малозначительные проступки. Представляют собой неисполнение и/или ненадлежащее исполнение служащим своих обязанностей, что влечет за собой нарушение прав и интересов физических и юридических лиц, общества и/или государства и не причинившие материальный вред государству. Данные проступки совершаются внутри государственного органа и не имеют внешнего влияние на иных субъектов права. Также сюда следует включить проступки (за исключением грубых проступков), совершенные служащим впервые и не влекущие за собой какие-либо тяжкие последствия.

Указанная классификация, закрепленная на официальном и национальном уровне, позволит облегчить руководителям государственных органов привлечение гражданских служащих к дисциплинарной ответственности, мотивировать сотрудников, через осознание ответственности, не совершать дисциплинарные проступки, а также снизить риск возникновения судебных споров, связанных с данной сферой.

Моральный характер дисциплинарных взысканий следует заменить на материальный вид, для более эффективного осуществления государственными служащими своих полномочий и обязанностей. Ведь коррупционной составляющей подвержены чаще сотрудники государственных служб, в отличие от работников, регулирование труда которых и применение к ним дисциплинарной ответственности регламентировано трудовым законодательством.

Литература:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 10.11.2009) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. О службе в таможенных органах Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3586.
4. Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации: указ Президента РФ от 16 нояб. 1998 г. № 1396 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 47. Ст. 5742.
5. Указ Президента Республики Беларусь от 09.03.2011 № 98 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенных органов Республики Беларусь» Ст. 23
6. Правила и условия привлечения к дисциплинарной ответственности сотрудника таможенного органа РК (Приложение 5 к приказу Министра Финансов Республики Казахстан от 23 октября 2012 г. № 468
7. Закон Республики Армения «О таможенной службе» ст. 44

Формы предпринимательской деятельности (по мотивам школьного урока)

Евдокименко Сергей Сергеевич, юристконсульт
ООО «Южгеоцентр» (г. Сочи, Краснодарский край)

В статье анализируется учебный материал для российских школьников 10–11 классов о формах предпринимательства, а также обосновывается общедоступность применения понятия форм предпринимательской деятельности. Приводится расширенная классификация форм коммерческой деятельности с учетом их социально-экономических и юридических отличий, в частности выводится такая новая форма бизнеса, как коммерческое управление бизнесом (договор с управляющим).

Ключевые слова: формы предпринимательства, классификация форм организации бизнеса (капитала), организационно-правовой формы предпринимательской деятельности, управляющий.

Применяемые понятия (термины) и сокращения:

- Гражданский кодекс РФ — ГК РФ;
- Трудовой кодекс РФ — ТК РФ;
- Закон о благотворительности — Федеральный закон от 11.08.1995 N135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»;
- Договор ГПХ — Договор гражданско-правового характера или гражданско-правовой договор.
- Термин «ХС или хозяйствующий субъект» включает понятия организации (юридического лица /юрлица/ или корпорации) и индивидуального предпринимателя (предпринимателя или ИП).
- Термины: предпринимательская (хозяйственная, бизнес, коммерческая) деятельность, предпринимательство, бизнес или капитал — применяются как синонимы.
- Обособленный оборот: «как правило» применяется по тексту в случае, когда указываемое правило поведения (норма) может быть изменено соглашением сторон или иное правило закреплено в конкретизирующих статьях кодексов или специальных законов.
- ЕГРИП — единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей; ЮГРЮЛ — единый государственный реестр юридических лиц. Оба указанных реестра ведут налоговые органы РФ.
- ЕГРН — единый государственный реестр недвижимости, находящийся в ведении Росреестра.

В российском школьном учебнике для 11 классов Певцовой Е. А. «Право. Основы правовой культуры» 2005 г. часть 1 в Главе 1 «Гражданское право» имеется параграф 11 «Организационно-правовые формы предпринимательской деятельности». Указанный же подвопрос с опорой на означенный, а также другие учебники с аналогичным содержанием, присутствует в онлайн-материалах 11 класса Российской электронной школы (РЭШ), урока 4, учебного предмета «Право», а именно: «Предпринимательское право. Организационно-правовые формы предпринимательской деятельности» <https://resh.edu.ru/subject/lesson/5859/conspect/213241/>, автор Матвеева Л. М.

В анализируемом учебном материале указано, что распространёнными формами предпринимательства являются: индивидуальное, партнёрское и корпоративное.

Индивидуальным предпринимательством может заниматься обычный человек без юридического образования.

Партнёрское предпринимательство возникает в результате объединения физических лиц, имущества, что позволяет организовывать бизнес нескольким собственникам на основе взаимного согласия.

Корпоративное предпринимательство предполагает объединение большого количества людей и капиталов в сфере организации производства или предоставления услуг.

Далее по тексту урока в РЭШ изложен материал, не относящийся к теме занятия, а именно: о способах и формах (процедурах) защиты гражданских прав; об ограниченных вещных правах (хозяйственного ведения и оперативного управления) и о некоторых организационно-правовых формах (далее «ОПФ») коммерческих юридических лиц, таких как товарищества, общества, кооперативы и унитарные предприятия.

Перед изложением, предлагаемого нами учебного материала, полагаем необходимым сделать поясняющую оговорку о терминах.

Действующее российское законодательство и вузовские учебники по гражданскому (предпринимательскому) праву не содержат понятие: *организационно-правовой формы предпринимательской деятельности*. Научно-исследовательские же новеллы не следует вводить в курсе школьных правовых основ.

Термин «ОПФ» применим только к юридическому лицу, которое должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм (п. 2 ст. 48 ГК РФ), а также имеет право осуществлять защиту своих прав и (или) законных интересов, независимо от организационно-правовой формы (ст. 24 закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»), и как его частный случай — к разновидностям корпораций, а именно: к коммерческим и некоммерческим организациями (пункты 2 и 3 ст. 50 ГК РФ), хозяйственным товариществам и обществам (пункты 3 и 4 ст. 66 ГК РФ), некоммерческим и коммерческим корпоративным организациям (п. 2. ст. 123.1. ГК РФ, а так же п. 1 ст. 66 и п. 1 ст. 106.1 ГК РФ).

По смыслу классификации (в учебном материале Певцовой Е. А. и Матвеевой Л. М.) форм предпринимательства: индивидуального, партнерского и корпоративного, они не исчерпываются (не охватываются) понятием юрлица. Посему было бы вернее общедоступно применять не термин «организаци-

онно-правовые формы предпринимательской деятельности», а понятие «формы предпринимательской деятельности» и как его синонимы — формы предпринимательства (ФП), формы хозяйствования, формы коммерческой деятельности или формы организации бизнеса (капитал). При этом не исключается, а наоборот требует раскрытия организационная составляющая в рассматриваемом вопросе, понимаемая как внутренняя координация деятельности членов бизнес-структур. Однако же, учебную тему: «Организационно-правовые формы юридических лиц», следует раскрыть для учащихся отдельно, в том числе с целью исключения неоднозначности в понятиях и терминах.

Далее предлагаю научно-методический материал к уроку на тему «*Формы предпринимательской деятельности*».

Конституцией Российской Федерации гарантируются свобода экономической деятельности, составляющая одну из основ конституционного строя Российской Федерации (статья 8, часть 1), а также такие основные неотчуждаемые права и свободы человека, как право на свободное *использование своих способностей и имущества*, для предпринимательской и иной, не запрещенной законом, экономической деятельности (статья 34, часть 1), право иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им *как единолично, так и совместно* с другими лицами (статья 35, часть 2).

Мы разделяем логический тезис о том, что дать «определение» — это прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Поэтому перед тем, как проанализировать каким образом (в каких формах) может осуществляться пред-

принимательская деятельность в Российской Федерации, поясним, чем предпринимательство отличается от других видов легальной экономической деятельности граждан. Заметим, что любая человеческая деятельность — это процесс взаимодействия человека (субъекта) с окружающей средой (объектом), для достижения какой-либо цели (результата). Закон же устанавливает ряд признаков предпринимательской деятельности: самостоятельность, риск, систематическое получение прибыли, регистрация в качестве предпринимателя в установленном законом порядке (абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК).

Обратим внимание, что такой результат человеческой деятельности, как удовлетворение базовой потребности в еде может быть достигнут по-разному (различным способом или в разных правовых формах экономической активности). Часть граждан выращивают фрукты и овощи на своем подсобном хозяйстве. Они же могут обменять свои продукты на другие продукты у соседа-садовода; основная масса работающих по трудовому найму горожан покупают продукты в магазинах; некоторые товаропроизводители выращивают сельхозпродукцию на продажу в собственных тепличных комбинатах, но пищу так же получают нуждающиеся граждане и бесплатно, в том числе от тех же сельхозпроизводителей.

Как будет показано ниже в таблице, отличие видов экономической деятельности граждан (как деятельности по производству материальных и (или) духовных благ) проходит по следующим основным критериям: экономическая цель деятельности, способ ее осуществления, ответственность (объем, основание), налогообложение и другие.

Виды экономической деятельности граждан (по их правовым формам)

Виды деятельности ——— Отличия	Домохозяйство (личное хозяйство)	Деятельность в рамках гражданско-правового договора	Работа по трудовому договору (по найму)	Предпринимательство	Благотворительность
Экономическая цель деятельности?	Удовлетворение личных или семейных потребностей (нужд).	Вознаграждение по результатам выполнения договора.	Получение заработной платы, не ниже МРОТ.	Систематическое получение дохода (прибыли).	Бескорыстная (безвозмездная) поддержка нуждающихся
Посредством чего осуществляется (способ) деятельность?	Продукт труда (услуга, вещь, работа) производится и самостоятельно потребляется внутри обособленной ячейки общества, чаще семьи (натуральное производство, в отличие от товарного, где результат деятельности отчуждается).	Разовой продажи (обмен) товара, выполнения работы или оказания услуги на свой риск.	Выполнение, под управлением, контролем и в интересе работодателя определенной трудовой функции в штате, с соблюдением внутреннего трудового распорядка ХС и при социальных гарантиях.	Самостоятельной (за свой счет и на свой риск) систематической продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг и пользования имуществом, в том числе с привлечением наемного труда.	За счет добровольных взносов, пожертвований и труда волонтеров, бескорыстная передача товара (в том числе денег), выполнение работы и оказание услуг.

Виды деятельности — Отличия	Домохозяйство (личное хозяйство)	Деятельность в рамках гражданско-правового договора	Работа по трудовому договору (по найму)	Предпринимательство	Благотворительность
Ответственность?	Нет ответственности, так как не перед кем отвечать, нет контрагента.	Полная, если договором ГПХ не установлено иное.	Материальная ответственность работника ограничена трудовым законодательством, закрепившим, с другой стороны, его дисциплинарную ответственность.	Повышенная ответственность без вины, если не доказано, что надлежащее исполнение оказалось невозможным, вследствие непреодолимой силы. Допотворительность перед потребителями.	Самостоятельная ответственность за целевую деятельность, вплоть до принудительной ликвидации с направлением оставшегося имущества на благотворительность.
Каким законом определяется статус?	Конституция РФ (смотри ниже — ограничения в ст. 55).	ГК РФ.	ТК РФ.	ГК РФ.	Закон о благотворительности.
Налоги?	Отсутствуют.	Если договор между гражданами, уплачивается 13% подоходный налог. Если договор с ХС — подоходный и страховые взносы	Подоходный налог и страховые взносы.	Уплачиваются в зависимости от способа получения и размера дохода, а также имеющегося имущества.	Налоги (в зависимости от их вида, субъектно-объектного состава) отсутствуют или льготируются или взимаются на общих условиях.
Орган защиты прав?	Не требуется.	В суде общей юрисдикции.	В административном порядке — трудовая инспекция и (или) в суде общей юрисдикции.	Как правило в арбитражном суде, реже в третейском.	В суде общей юрисдикции, за исключением предпринимательских споров.

Задание 1: Какими легальными видами экономической деятельности и в каких правовых формах занимаются ваши родственники (близкие)? Каким видом деятельности и в какой форме (или их последовательности) хотели бы заниматься Вы?

Согласно п 3. ст. 55 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Любые из приведенных выше видов экономической деятельности граждан ограничиваются требованиями указанной нормы российской Конституции.

Ограничения касаются и домохозяйств, например путем закрепления в нормативно-правовых актах минимально требуемого расстояния отступления от соседнего земельного участка (забора) при посадке на своем садовом участке деревьев и ку-

старников. Так, в данном случае, защищаются права и законные интересы собственника земельного участка от деятельности соседнего домохозяйства.

Задание 2: Найдите (при помощи поисковых систем интернета) сколько метров следует отступить от забора, не нарушая права соседа, при посадке в своем личном подсобном хозяйстве яблони, смородины или картофеля?

Отметим, что для действующего законодательства (в частности, для юридической ответственности) безразлично оформлена или нет фактическая деятельность в рамках любой из указанных форм экономической деятельности (значимы только реальные обстоятельства). Так ст. 61 ТК РФ постулирует, что трудовой договор вступает в силу со дня его подписания работником и работодателем. Либо со дня фактического допущения работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. Закон в данном случае защищает работника от недобросовестного работодателя, скрывающего свой действительный штат сотрудников.

Каким же образом (в каких правовых формах) организуется осуществление предпринимательской деятельности по российскому законодательству?

Ученые экономисты-историки и психологи, а за ними и законодатели, при регулировании различных форм хозяйствования исходят из тезиса о том, что формы предпринимательства детерминированы, то есть predetermined социально — экономически. Выявить общественно-экономические предпосылки к дифференциации форм бизнесам можно в различных требованиях хозяйственной жизни предъявляемые к бизнесу, когда он, например, индивидуальный или коллективный, то есть организуется самостоятельно или с участием партнеров. Разные требования к форме коммерческой деятельности предъявляются так же в зависимости от того какой товар будет продаваться на рынке (материальный продукт, ценные бумаги, страховые услуги или иной товар); какой уровень материального производства нужен (оснащение и сложности орудий труда) и способ организации труда выбран (только личный труд предпринимателя или это бизнес с привлечением наемных работников, в том числе узких профессионалов-управленцев), а так же какова степень контроля государства за этим видом бизнеса (он свободен, подлежит госрегистрации, дополнительно лицензируется /допускается на основании разрешения/ или вообще запрещен).

Конституционный Суд РФ, оценивая конституционное право граждан на свободное использование своих способностей и имущества, обратил внимание на то, что в основе выбора форм хозяйствования лежит возможность граждан самостоятельно определять сферу деятельности, стратегию бизнеса и состав коллективного предпринимательства — бизнес-партнеров (п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 N3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы»).

Таким образом, под формами предпринимательской деятельности следует понимать комплексные правовые институты, регулирующие различные конструкции (статусы) бизнеса в зависимости от сочетания способностей граждан и вклада их имущества, как: ип, договор простого товарищества, юрлицо или договор с управляющим.

Ниже предлагается классификация форм предпринимательства с точки зрения специфики их:

А) юридической регламентации в законодательстве (основных отличий);

Б) социально-экономических оснований возникновения, проявляющихся в различных способах конфигурации способностей граждан и их имущества в бизнесе.

Формы предпринимательской (коммерческой) деятельности.

1. Индивидуальная (единоличная) форма предпринимательства.

А) По российскому законодательству гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без обра-

зования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (получает статус ИП). Исключение — это самозанятые, которые оплачивают налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве ИП, но с использованием мобильного приложения Федеральной налоговой службы «Мой налог». Самозанятые не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам. Согласно статье 23 ГК РФ (п. 3) к предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила Кодекса, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения. К примеру, ограничение, предусмотренное для отношений по дарению между коммерческими организациями, распространяется и на индивидуальных предпринимателей. В законодательстве так же устанавливается перечень видов деятельности, которыми нельзя заниматься в качестве ИП, например, страховая или банковская деятельность прерогатива только коммерческих организаций. Поскольку юридически имущество индивидуального предпринимателя, используемое им в личных целях, не обособлено от имущества, непосредственно используемого для осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности (как, к примеру, при создании коммерческой организации), он отвечает по обязательствам, в том числе связанным с предпринимательской деятельностью, всем своим имуществом, за исключением того, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание (пункт 1 статьи 23, статьи 24 и 25 ГК РФ).

Б) Социально-экономическое основание ИП — это полная самостоятельность гражданина с опорой на свободное и инициативное использование собственных способностей и имущества. Предприниматель использует свое имущество не только для занятия бизнесом, но и в качестве собственно личного имущества, необходимого для осуществления неотчуждаемых прав и свобод. Имущество и ответственность лично гражданина юридически не разграничены от его же имущества и ответственности как ИП (минус ФП).

2. Партнерская (договорная) форма предпринимательства.

А) По договору простого товарищества (договору о совместной деятельности) двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и совместно действовать без образования юридического лица для извлечения прибыли. Для осуществления предпринимательской деятельности простые товарищества могут образовывать только зарегистрированные ИП и (или) коммерческие организации. В отношениях с третьими лицами полномочие товарища совершать сделки от имени всех товарищей удостоверяется доверенностью, выданной ему остальными товарищами, или договором простого товарищества, совершенным в письменной форме. Как правило, решения, касающиеся общих дел товарищей, принимаются товарищами по общему согласию, и каждый товарищ несет расходы и убытки пропорционально стоимости его вклада в общее дело. Законом предусмотрены особенности в отношении негласного и инвестиционного простого товарищества.

Б) Договорное объединение усилий и имущественных вкладов хозяйствующих субъектов является следствием необходимости, или создания общего коммерческого объекта (к примеру рынка сельхозпродукции для сельхозпроизводителей или инвестиционного проекта, как то строительство капитального объекта с целью его последующего доходного использования или продажи), или совместного (ассоциированного) получения кредитных средств для финансирования индивидуального бизнеса с консолидацией дохода для обеспечения и возврата займа, или для проведения согласованной торговой политике на крупных рынках (вплоть до картельных объединений, например ОПЕК стран — экспортёров нефти). Но в любом случае, при договорной форме организации капитала не создается новый субъект права. Предпосылки партнерского бизнеса — недостаток собственных усилий и имущества для устойчивого развития хозяйства. Плюсы партнерств в снижении затрат и рисков, минусы — в необходимости согласования бизнес-процессов и в зависимости от не исполнительных партнеров.

3. Корпоративная (уставная) форма предпринимательства.

А) Юридическим лицом (корпорацией) признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Юридическое лицо должно быть зарегистрировано в едином государственном реестре юридических лиц в одной из организационно-правовых форм, предусмотренных ГК РФ. Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы (коллегиальные и /или/ единоличные). Юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (*коммерческие организации*) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (*некоммерческие организации*). По общему правилу коммерческие организации могут иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных законом. В случаях, предусмотренных законом, юридическое лицо может заниматься отдельными видами деятельности только на основании специального разрешения (лицензии), членства в саморегулируемой организации или выданного саморегулируемой организацией свидетельства о допуске к определенному виду работ. Некоммерческие организации, как правило, могут осуществлять приносящую доход, деятельность, если это предусмотрено их уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы, и если это соответствует таким целям.

Б) «Юридическое лицо» — это лицо созданное не другим физическим лицом (субъект, рожденный не естественно-природным способом), а придуманная и зафиксированная в документах юридическая конструкция (по иному фикция (от лат. *factio* — выдумка /идеальная конструкция/)), то есть лицо, которого в природе нет, но которое появляется из практики хозяйственного оборота.

Основными социально-экономическими предпосылками создания юридической конструкции (института) корпорации (юрлица, как нового субъекта права) и одновременно ее функциями являются:

- оформление коллективных интересов. Конструкция юридического лица позволяет определённым образом организовать, упорядочить внутренние отношения между участниками, преобразуя их волю в волю организации в целом, что даёт юридическому лицу возможность выступления в гражданском обороте от своего имени как единому целому (объединение лиц);
- необходимость инструмента гибкого управления имуществом и людьми через самостоятельные (отличные от участников корпораций) органы управления организации;
- объединение капиталов. Коммерческие организации являются удобной формой долговременной концентрации капиталов посредством оплаты учредителями-участниками вкладов (доли, пая или акции) различных ОПФ организаций для достижения бизнес целей;
- ограничение предпринимательского риска. Конструкция юридического лица позволяет вслед за разделением (обособлением) имущества, разделить и ответственность учредителей и организации, ограничив размер ответственности обычно размером суммы внесённого вклада. Отсюда самой распространённой ОПФ коммерческих организаций является общество с ограниченной ответственностью.

4. Коммерческое управление бизнесом (менеджерская или управленческая форма предпринимательства).

А) Коммерческая организация и индивидуальный предприниматель вправе передать по договору осуществление управленческих функций (в частности, полномочий единоличного исполнительного органа юрлица) управляющему. «Управляющим» может быть коммерческая организация (управляющая организация) или индивидуальный предприниматель. Хозяйствующий субъект, передавший управленческие функции профессиональному управляющему, осуществляет гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через управляющего. Если функции управляющего переданы юридическому лицу, по общему правилу, его единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор) приобретает право действовать без доверенности от управляемого юридического лица. Договор о передаче (разделении) полномочий является гражданско-правовой сделкой, в силу которой управляющая организация или предприниматель обязывается оказывать собственнику управленческие услуги, которые могут быть оформлены как договор комиссии, поручения, агентский договор, договор доверительного управления имуществом или другой смешанный договор.

Б) В законодательстве закреплены специальные требования (госрегистрация, допотответственность, баланс полномочий и др.) для выполнения особого рода профессиональной коммерческой деятельности по управлению бизнесом, которая предполагает наличие высокой квалификации управляющего (того, чье самостоятельное решение, определяет экономическую деятельность организации) и повышенного доверия к бизнесу со стороны потребителей товаров и услуг. Установление таких требований по отношению к управляющим направлено на обе-

спечение как публично-правовых интересов (требований государства к бизнесу), так и интересов граждан, основано на объективных критериях, в том числе сложности управленческой деятельности и ее общественной значимости.

Особый характер полномочий-ответственности коммерческого управления бизнесом, предполагает в качестве одного из необходимых условий успешного сотрудничества собственника и лица, управляющего его имуществом (характер и содержания и выполняемой ими решающей менеджерской функции,

прежде всего материально-финансовой и кадровой), наличие доверительности в отношениях между ними (предполагающее взаимное добросовестное и разумное действие в интересах бизнеса). Рынок и иные социально-экономические обстоятельства требуют разделения («расщепления») бизнеса на: капитал-принадлежность (персонифицирующемся в передающем имуществе собственнике, определяющим выгодоприобретателя) и капитал-функцию (в лице управляющего, ведущего бизнес к поступательному экономическому росту).

Формы предпринимательства — Признаки	Индивидуальный предприниматель (индивидуальная или лично трудовая форма)	Договорное товарищество (партнерская или договорная форма)	Юридическое лицо (корпоративная или уставная форма)	Коммерческое управление бизнесом (менеджерская или управленческая форма)
Характер внутренней организации и способ представительства во вне.	Самостоятельная деятельность от своего имени, по своей воле.	Совместная деятельность (согласование воли участников): или каждого товарища или уполномоченного по доверенность/договору от имени всех.	Создается новое лицо (отличное от учредителей), которое от своего имени, приобретает права и обязанности через свои органы. Согласование интересов через распределение полномочий между органами корпорации.	Управляющий — самостоятельный ХС, действует как правило от своего имени, отличном от собственника бизнеса. Согласование интересов управляющего и собственника фиксируется в условиях договора.
Принадлежность имущества (уровень обособленности собственности) и распределение прибыли.	ИП — собственник. Имущество гражданина личное и используемое как ИП не обособлено. Весь доход принадлежит ИП.	Объединение вкладов и совместных действий ведет к возникновению общей долевой собственности. Доход распределяется по долям, но может получаться товарищами за счет экономии от использования общих активов.	Учредители при создании формируют обособленное имущество организации. Прибыль, как правило, распределяется между участниками организации пропорционально размеру их вкладов в имущество юрлица.	Имущество передано собственником в управление по гражданскому договору, в котором фиксируется баланс прав на капитал, его «расщепление», в том числе распределение прибыли. Бенефициаром (выгодоприобретателем) может быть 3-е лицо.
Ответственность (риск в случае долгов и штрафов).	Полная, за исключением того имущества, на которое не может быть обращено взыскание (например, единственное пригодное жилье).	Как правило каждый товарищ несет расходы и убытки пропорционально стоимости его вклада в общее дело. Товарищи отвечают солидарно (каждый за всех) по всем общим обязательствам независимо от оснований их возникновения.	Участники несут убытки обычно ограничено, в зависимости от размера вклада (доли, акции или пая). В случае преднамеренного банкротства на его учредителей может быть возложена солидарно субсидиарная (дополнительно) ответственность.	Ответственность собственника и управляющего разделена, в зависимости от договорных условий. Для управляющих установлена дополнительная /субсидиарная/ ответственность по долгам бизнеса и административное наказание в виде дисквалификации.
Регистрация и учредительные документы.	Свидетельство ИП (позже лист записи о регистрации в ЕГРИП) или нет, для самозанятых.	Нет регистрации. Договор простого товарищества (ПТ).	Свидетельство о регистрации в ЕГРЮЛ и Устав.	Договор с управляющим подлежит регистрации в ЕГРЮЛ если передающая сторона — юрлицо. Договор доверительного управления регистрируется в ЕГРН, если по нему в том числе передаются права на недвижимость.

Формы предпринимательства — Признаки	Индивидуальный предприниматель (индивидуальная или личная трудовая форма)	Договорное товарищество (партнерская или договорная форма)	Юридическое лицо (корпоративная или уставная форма)	Коммерческое управление бизнесом (менеджерская или управленческая форма)
Учет, отчетность и налогообложение.	ИП вправе бухгалтерский учет не вести и применять специальные (упрощенные) режимы налогообложения.	Ведение бух учета общего имущества поручается одному из товарищей (если это юрлицо, то оно ведет отдельный баланс). Суммы вкладов в ПТ не облагаются налогом.	Формируется самостоятельный баланс организации и как правило применяется общий режим налогообложения. «Двойное» налогообложение — при распределении прибыли организации между участниками.	Раздельный учет, отчетность и налогообложение ХС.

Как мы видим из выше приведенных характеристик, формы организации бизнеса подразделились на 2 подгруппы: хозяйствующие субъекты (ИП и юрлица) и договорные конструкции (договор простого товарищества и договор с управляющим), где хозяйствующие субъекты первичны по отношению к договорным формам бизнеса (вторичные), которые могут создавать уже зарегистрированные ХС.

Для всех форм предпринимательства, так же как для форм экономической деятельности, действует правило о приоритете фактических (реальных), а не формальных (оформленных) отношений. Если, к примеру, гражданин осуществляет предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, то к сделкам, которые он совершает, суд может применить положения, установленные для предпринимателей (п. 4 ст. 23 ГК). В частности, к нему применяются правила об ответственности предпринимателя без вины за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств (п. 3 ст. 401 ГК), о недопущении ограничения ответственности перед потребителем (п. 2 ст. 400 ГК) и другие нормы, регламентирующие предпринимательскую деятельность.

В завершении анализа понятия ФП поясним, что согласно установленного в законе определения, субъекты малого и среднего предпринимательства — это хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели), отнесенные к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям, и средним предприятиям по количественным показателям, таким как среднесписочная численность работников (от 0 до 250 человек) и доход, полученный от осуществления предпринимательской деятельности (от 0 до 2 млрд рублей). Как видим, указанная классификация бизнеса никак прямо не зависит от выбранной формы его организации, то есть не относится к разновидностям ФП.

Итак, при продвижении к своей основной цели (устойчивому получению и росту прибыли) предприниматель может и обязан трансформировать (изменять) свою форму (статус) в зависимости от складывающихся социально-экономических обстоятельств. Сегодня он зарегистрировался в качестве ИП, а завтра нужно расширять бизнес, в том числе с привлечением партнеров-соучастников посредством договорных или

уставных форм предпринимательства, а может даже путем передачи коммерческой собственности профессиональному менеджеру. Или же наоборот, владелец средней сетевой коммерческой организацией решает ее ликвидировать и перейти к личному предоставлению эксклюзивных услуг клиентам в форме самозанятого.

Чтобы в подобных ситуациях делать оптимальный практический выбор, надо иметь четкие представления о впервые предложенном в научной литературе понятии форм предпринимательства и классификации всех формах предпринимательской деятельности, включая коммерческое управление бизнесом.

Задание 3: Определите (огласите учителю до начала занятий) вид (сферу) деятельности в бизнесе, которым Вы хотели бы заниматься? В какой форме предпринимательства Вам следует вести выбранный род деятельности? Зарегистрируйтесь на сайте ГОСУСЛУГИ и в разделе ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ согласно выбранному виду и формы бизнеса, пройдите тест КАК ОТКРЫТЬ СВОЕ ДЕЛО, составив План действий по открытию бизнеса, состоящий из граф: № п/п; действие; форма документа; цена вопроса; орган для обращения; срок и результат. Укажите минусы и плюсы (отрицательные и положительные черты) всех форм предпринимательства. Поделитесь мнением о работе на сайте ГОСУСЛУГИ в сфере бизнеса с преподавателем. По какому формальному признаку можно подразделить формы предпринимательства на первичные и вторичные? Какие предпринимательские споры имеются в виду при занятии «Благотворительностью» (см. таблицу «Виды экономической деятельности граждан (их правовые формы)» и в каком органе осуществляется защита прав в данном случае?

Практическое методическо-учебное предложение (рекомендация).

1. На период написания настоящей статьи СОДЕРЖАНИЕ И ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КУРСА программы курса «ПРАВО. ОСНОВЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ» ДЛЯ 10–11 КЛАССОВ в рассматриваемой части по Гражданскому праву 2020 г. автора-составителя Е. А. Певцовой включает следующий абзац:

«Предпринимательство и предпринимательское право. Организационно-правовые формы предпринимательской деятельности. Хозяйственные товарищества. Хозяйственные общества. Производственный кооператив (артель). Унитарное предприятие. Правовое регулирование защиты предпринимательской деятельности и прав предпринимателей».

С учетом наших замечаний и предложений предлагаем изменить и редакцию вышеозначенной части программы курса, а именно:

«Предпринимательство и предпринимательское право. Формы предпринимательской деятельности. Организационно-правовые формы юридических лиц, в частности коммерческих организаций. Правовое регулирование защиты предпринимательской деятельности и прав предпринимателей».

Был бы признателен откликам на статью, в первую очередь Певцовой Е. А. и Матвеевой Л. М. для улучшения учебного материала, возможно, добавления в него исторического аспекта. Контакты для связи: evdokimenko2007@gmail.com м. +79181023094

Литература:

1. Певцова Е.А «Право. Основы правовой культуры» часть 1 Глава 1 Гражданское право, М.: Русское слово, 2005. С. 101–112.;
2. Певцова Е. А. Право: основы правовой культуры: учебник для 10 классов общеобразовательных учреждений. Базовый и углубленный уровни в 2 ч. Ч. 2/ Е. А. Певцова — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2017. — 248с. — (Инновационная школа).
3. В. Д. Долинская «Организационно-правовые формы хозяйствования: система и новеллы» журнал «Право и политика» 2015, № 3.
4. Г. В. Цепов «Цивилистические начала деятельности руководителя» журнал «Закон» 2019, № 11.
5. Аюшеева И. З., Богданова Е.Е., Булаевский Б. А., Малеина М.Н., Микрюков В. А., Микрюкова Г. А., Моргунова Е. А., Соيفер Т. В., Соменков С. А., Суворов Е. Д., Тягай Е. Д. Гражданское право (учебник; в двух томах, том первый; под ред. д.ю.н., проф. Е. Е. Богдановой). — М.: «Проспект», 2020.
6. Скворцова Т. А., Смоленский М. Б. Предпринимательское право: учебное пособие (под ред. Т. А. Скворцовой). — М.: Юстицинформ, 2014.
7. Суханов Е. А. Правовая форма экономических отношений // Гражданское право России — частное право. М.: Статут, 2008. 588 с.
8. Губенко М. И. «Соотношение корпоративного и трудового законодательства при рассмотрении споров с участием единичного исполнительного органа юридического лица» // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление, 2012, № 7, С. 58.
9. Кузнецова Ю. И. «Какие налоговые последствия могут оказаться для благотворителя неприятным сюрпризом» Адвокатская газета от 07.05.2020 г. www.advgazeta.ru.
10. Письмо Минфина России от 28 мая 2018 г. N03–03–05/35934 «Об особенностях налогообложения деятельности благотворительного фонда»; Письмо Федеральной налоговой службы от 17 января 2019 г. N БС-3–11/222@ «О рассмотрении обращения»; Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 8 мая 2019 г. N03–03–06/1/33662; Письмо ПФР от 1 октября 2001 г. N ВП-09–25/–7938 «О существенных условиях договоров долевого участия в строительстве»; Информация Федеральной налоговой службы от 26 ноября 2019 г. «Гражданско-правовые договоры между работодателями и самозанятыми могут быть переключены в трудовые»; письмо Минфина России от 26.07.2012 N03–11–11/221.
11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 22 декабря 2016 г. N Ф10–5145/16 по делу N А64–69/2015;
12. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 ноября 2011 г. N ВАС-15225/11 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. N20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»;
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 марта 2005 г. N3-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 278 и статьи 279 Трудового кодекса Российской Федерации и абзаца второго пункта 4 статьи 69 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с запросами Волховского городского суда Ленинградской области, Октябрьского районного суда города Ставрополя и жалобами ряда граждан» Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 № 3-П;
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2018 г. N37-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 281 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О. А. Третьяковой»;
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 г. N14-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация».
17. Определение Конституционного Суда РФ от 15 мая 2001 г. N88-О «По жалобе гражданина С. Ю. Шилова на нарушение его конституционных прав статьей 1 Закона Российской Федерации «О применении контрольно-кассовых машин при осуществлении денежных расчетов с населением».

18. Энциклопедия решений Электронного периодического справочника «Система ГАРАНТ» «Передача полномочий единоличного исполнительного органа ООО управляющему». Материал приводится по состоянию на апрель 2020 г. При подготовке «Энциклопедии решений. Корпоративное право» использованы авторские материалы, предоставленные Л. Барковой, С. Борисовой, Е. Дмитриевой, П. Ериным, О. Ефимовой, А. Кузьминой, В. Павленко, В. Пенкиным, И. Разумовой, Е. Титовой, В. Тихонравовой, С. Широковым и др.
19. Правила предоставления микрозаймов субъектам малого и среднего предпринимательства унитарной некоммерческой организацией — микрокредитной компанией «Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края» утвержденные Наблюдательным советом унитарной некоммерческой организации — микрокредитной компании «Фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства Краснодарского края» протокол от 14 апреля 2020 г. № 5 <http://www.fmkk.ru/>;
20. Филатова, Н. И. Собственность и формы предпринимательской деятельности в условиях рынка / Н. И. Филатова, Т. Д. Канищева. — Текст: непосредственный, электронный // Инновационная экономика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2015 г.). — Казань: Бук, 2015. — С. 1–3. — URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/170/8741/> (дата обращения: 24.04.2020).

Международное сотрудничество в сфере уголовного процесса: проблемы экстрадиции киберпреступников

Жужгина Александра Андреевна, студент
Тюменский государственный университет

В работе описаны проблемы, связанные с экстрадицией киберпреступников в Российской Федерации и из неё, предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: экстрадиция, выдача преступников, международный уголовный процесс, киберпреступники, киберпреступления.

International cooperation in criminal proceedings: problems of extradition of cybercriminals

Zhuzhgina Aleksandra Andreevna, student
Tyumen State University

The work describes the problems associated with the extradition of cybercriminals in and out of the Russian Federation, and suggests possible ways to solve them.

Keywords: extradition, extradition of criminals, international criminal procedure, cybercriminals, cybercrime.

В настоящее время развитие информационные технологии развиваются довольно быстро. Благодаря сильному прогрессу за последние десять лет жизнь человечества изменилась в лучшую сторону: люди научились за секунды передавать килобайты информации, искусственный интеллект может выполнять функции целого отдела, а для совершения покупки теперь достаточно лишь приложить карту к терминалу. Многие вещи, казавшиеся нашим родителям недостижимым будущим, воплотились в жизнь за одно десятилетие. Вместе с появлением новых возможностей возросло и количество опасностей. Согласно пресс-службе Генпрокуратуры России за январь-апрель 2019 года наибольший рост преступлений зафиксирован в компьютерной сфере и с использованием Интернета. Преступления, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, обеспечили самый значительный рост: +55,2% или

77 109 случаев. Суммарный ущерб, понесённый киберпреступлениями составил 232,5 млрд рублей [1].

Преступления, такие как кража, распространение информации, мошенничество в цифровую эпоху сильно видоизменились, обрели международный формат. Преступники всё чаще не ограничиваются страной своего пребывания, а совершают преступления против интересов другой страны или даже стран. Например, если произошла утечка информации из одной социальной сети, то уголовное дело может быть сильно осложнено не только количеством пострадавших, но тем, что они будут являться гражданами разных государств. Так же возможна ситуация, когда преступник является гражданином одного государства, фактически он совершает преступление в другом, против интересов третьего. Подобные схемы сильно осложняют расследование уголовных дел, связанных с киберпреступлениями, как и вопрос дальнейшей экстрадиции подозреваемых. Для де-

монстрации актуальности своей работы мне бы хотелось затронуть три известных случая, связанных с экстрадицией киберпреступников.

В июне 2013 года Сноуден передал СМИ секретные материалы о программах слежки спецслужб США и Великобритании. Массовая слежка осуществлялась с помощью PRISM. Спецслужбы просматривали электронную почту, видео, фотографии, прослушивали переговоры миллиарда человек в 60 странах мира. После возбуждения генпрокурорами США уголовного дела против Сноудена, он был вынужден бежать из страны и попросил о временном убежище у двадцати стран мира, в том числе у России. 1 августа 2014 года Сноуден получил трехлетний вид на жительство в России. США добивались экстрадиции киберпреступника, на что получали отказ, ведь между Россией и США на данный момент нет соответствующего соглашения.

Менее радужно сложилась судьба Алексея Буркова, 29-летнего жителя Санкт-Петербурга. Власти США предъявили обвинение россиянину, экстрадированному из Израиля. 12 ноября Бурков прибыл в аэропорт Вашингтона и предстал перед судом в Вирджинии. Россиянина обвинили в мошенничестве, сговоре, краже личных данных и отмывании денег. Ему грозит до 80 лет тюрьмы и штраф в 21,4 миллиона долларов — по мнению американских прокуроров, россиянин получил такую сумму в результате незаконной деятельности. Подозреваемый был задержан 13 декабря 2015 года в аэропорту Тель-Авива по требованию США. Его обвинили во взломе компьютерных баз данных. Следующие годы россиянин находился в заключении в Израиле. После того, как его выдали США, посольство России в Вашингтоне направило в Госдепартамент протест в связи с экстрадицией. Российские власти предлагали обменять Алексея Буркова на 26-летнюю гражданку Израиля и США Нааму Иссахар, которую в октябре 2019 года приговорили в России к семи с половиной годам колонии по обвинению в контрабанде наркотиков. Власти Израиля отказались совершить обмен, поскольку уже решили выдать россиянина США. На мой субъективный взгляд, предложение Российской Федерации в сложившейся ситуации довольно странное: нельзя обменивать одних преступников на других, особенно, если у них так различается степень общественной опасности. Удивительным фактом является ещё и то, что Израильский суд не рассматривал заявления о выдаче Буркова российской стороне.

Ещё одного киберпреступника задержали не так давно, 11 марта 2020 года. В США задержан трэвел-блогер из России. ФБР считает, что Кирилл Фирсов помогал продавать взломанные аккаунты. Американские власти настаивают на его экстрадиции. В 2013 году трэвел-блогер и специалист по информационной безопасности основал платформу Deeg.io, на которой можно создать свой интернет-магазин. ФБР проверило 250 продавцов, работающих через Deeg.io. Все они занимались продажей доступа к чужим аккаунтам, взломанным серверам и личной информации: именам, адресам, датам рождения и номерам страховок.

Вопрос экстрадиции между Россией и США возникает довольно часто. Из-за отсутствия международного договора в данной сфере, каждый раз вопросы, связанные с выдачей

преступников для свершения над ними правосудия, вытекают в громкие политические процессы, которые касаются не только вопросов права.

Международное сотрудничество необходимо для борьбы над цифровой преступностью. Это обусловлено многими объективными факторами. В условиях глобализации преступности и всеобщего доступа к Интернету правоохранительные и судебные органы стран должны тесно взаимодействовать друг с другом, как никогда до этого, в целях обеспечения мировых правопорядка и безопасности. С такой позицией согласны, как сами государства, так и международные организации.

В России существуют три формы, в которых в настоящее время осуществляется международное сотрудничество: выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора и передача лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является и оказание правовой помощи [13].

Мне бы хотелось рассмотреть одну из форм международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства — экстрадицию в отношении лиц, связанных с цифровой преступностью.

В сфере экстрадиции есть множество проблем. Например, не определен процессуальный статус лиц, подлежащих выдаче. Сам по себе термин «выдача преступника» некорректен, так как он не соотносится с презумпцией невиновности. Для иностранного государства, обращающегося в Российскую Федерацию о выдаче преступника, это лицо находится в статусе обвиняемого или подозреваемого; при этом, экстрадированный может быть невиновным лицом. В нашем уголовно-процессуальном кодексе такой субъект, как «выдаваемое лицо» не упомянут, а значит, не определены его права и обязанности. Однако, фактически, данные лица участвуют в уголовном процессе. Из этого правового пробела вытекает много проблем, например, реализация такими лицами права на защиту. Напомним, что независимо от того, являются лица самостоятельными участниками уголовного процесса или нет, они имеют право на защиту, согласно Конституции, поскольку оно применимо ко всем лицам, участвующим в уголовно-процессуальном отношении. Другое дело, когда отсутствует ясность, в качестве кого лицо входит в процесс: обвиняемого, подозреваемого или иного, самостоятельного лица. К сожалению, законодатель до сих пор не ответил на данный вопрос, в отношении экстрадированных лиц. Если мы не будем распространять право на защиту на всех участников процесса, даже таких, чей статус находится под вопросом, то это приведёт к нарушению международных стандартов в области правосудия [3].

Такая неопределенность статуса лица, подлежащего выдаче, создаёт проблемы при избрании меры пресечения. Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) регламентирует порядок заключения под стражу только подозреваемого и обвиняемого, а также условия и основания применения данной меры пресечения, но не регулирует те же вопросы, в отношении лиц, подлежащих выдаче.

Есть мнение, что статус лица, подлежащего выдаче, отличается от правового статуса подозреваемого, обвиняемого и даже осужденного. Эта позиция верна, поскольку процессуальное

решение о признании лица подозреваемым, обвиняемым, осужденным принимается органами иностранных государств, а не российскими правоохранительными органами. Признание лица в качестве подозреваемого или обвиняемого в иностранном государстве не влечет автоматического закрепления аналогичного статуса в Российской Федерации. Это противоречило бы общемировому принципу суверенитета государств. В связи с этим мне бы хотелось, чтоб в УПК РФ появился отдельный пункт, регламентирующий процессуальный статус лица, подлежащего выдаче, либо статус таких лиц нужно официально приравнять к статусу, либо подозреваемого, либо обвиняемого, либо осужденного [12].

Вопросы выдачи лиц в порядке глав 54 и 55 УПК РФ регулируются не только законодательством РФ, но еще и международными договорами. Чтобы узнать перечень международных договоров, предусматривающих возможность выдачи нужно обратиться к приложению к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. N11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания». В указанном Постановлении разъясняются некоторые практические вопросы, связанные с выдачей [4].

Запрос о выдаче лица направляется в иностранное государство через Генеральную прокуратуру РФ. В случае если лицо выдается для осуществления в отношении его уголовного преследования, то деяния, которое он совершил, должно быть уголовно наказуемым по нашему законодательству и за его совершение должно быть предусмотрено такое наказание, которое будет свыше одного года реального лишения свободы либо более строгим, а если лицо передается для исполнения приговора, оно должно быть осуждено на срок свыше 6 месяцев. Ч. 4 ст. 460 УПК РФ определяет требования к такому запросу. Кроме того, к нему прилагается заверенная копия постановления судьи об избрании меры пресечения или копия вступившего в законную силу приговора со справкой о не отбытом сроке наказания [14].

Выдача лица, находящегося на территории РФ, иностранному государству производится на основании аналогичного запроса. Есть ещё одно условие, при котором данная операция возможна: в случае, когда иностранные правоохранительные органы дадут гарантию, что лицо будет преследоваться только за преступление из запроса, а после окончания судебного разбирательства и отбытия наказания, оно сможет свободно покинуть страну, куда его выдали, и не будет выслано или выдано какому-либо другому государству без согласия Российской Федерации. Ст. 464 УПК РФ предусмотрены случаи, когда выдача лица иностранному государству не допускается и когда в выдаче может быть отказано. Решение о выдаче принимается Генеральным прокурором РФ или его заместителем. О принятом решении уведомляется лицо, в отношении которого оно принято, с разъяснением права обжалования такого решения в суд [5].

Говоря о роли Генеральной прокуратуры в рассмотрении дел, связанных с экстрадицией, то стоит для наглядности обратиться к статистике, предоставленной Управлением экстрадиции при Генеральной прокуратуре. Предоставленные инфо-

графики были сделаны в 2016 году и к настоящему моменту не обновлялись, что, считаю, тоже является проблемой, но уже для правовой доктрины и учёных, решивших изучать данный вопрос. В целом Генпрокуратурой рассматривается порядка 1,5 тыс. запросов о выдаче, которые поступают из иностранных государств в Россию. И в то же время РФ направляет за рубеж до 400 запросов ежегодно. Наибольшее количество запросов о выдаче приходит в Россию из Узбекистана, Белоруссии, Казахстана, а также из Германии, Испании и стран Южной Америки. РФ направляет большую часть запросов в Казахстан, Белоруссию, Германию, Испанию, Швейцарию и Великобританию. При этом не ведётся отдельная статистика по преступлениям, а значит тяжело определить, какую долю от общего числа экстрадированных лиц занимают киберпреступники [1].

Говоря о роли Генеральной прокуратуры в рассмотрении дел, связанных с экстрадицией, то стоит для наглядности обратиться к статистике, предоставленной Управлением экстрадиции Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры. Предоставленные инфографики были сделаны в 2016 году и к настоящему моменту не обновлялись.

Есть проблема, связанная с заочным избранием меры пресечения для выдаваемых лиц. Заочное разбирательство уголовных дел прямо запрещено Конституцией РФ, кроме случаев, когда такой порядок установлен федеральным законом. По мнению правозащитников, решения, вынесенные заочно, нельзя считать полностью справедливыми и объективными [7], поскольку дело не рассматривается по существу, хотя в отношении лица осуществляется уголовное преследование. Избрание такой меры, как заключения под стражу в отношении лица без явки в суд допускается в одном случае — если обвиняемый объявлен в международный розыск. Из данного положения следует, что выдаваемое лицо должно иметь статус как минимум обвиняемого, а не подозреваемого. Как можно заметить, принципиальное значение имеет объявление обвиняемого в международный розыск, ведь до этого момента нельзя избрать меру пресечения, и это проблема, потому что в противном случае грубо нарушаются права экстрадированных лиц [10].

На практике возникает множество трудностей. УПК РФ почти не регламентирует порядок объявления в международный розыск. Основанием для объявления международного розыска является информация о выезде или намерении выехать разыскиваемого за пределы России, а также о наличии у него связей за границей. Международный розыск объявляется постановлением органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность на основании уголовно-процессуального решения о розыске, однако особенности данной процедуры нигде детально не закреплены [8].

Ещё одна проблема связана с неопределённостью сроков содержания под стражей лиц, подлежащих выдаче, и отсутствием порядка продления срока содержания под стражей. Чаще всего, именно данные проблемы являются основанием для обжалования судебных решений.

После принятия решения об экстрадиции, Российская Федерация уведомляет иностранное государство о месте, дате и вре-

мени передачи лица. В случае если с этой даты прошло более 15 суток, а лицо не было принято иностранным государством, то оно подлежит освобождению из-под стражи. Если Российская Федерация не может передать или иностранное государство не может принять выдаваемое лицо по независящим от них обстоятельствам, то дата передачи может быть перенесена. По истечении 30 суток со дня, установленного для передачи, лицо подлежит освобождению. Вместе с лицом иностранному государству могут быть переданы предметы, являющиеся средствами совершения преступления либо несущие на себе его следы, но лишь при наличии обязательства иностранного государства об их возврате [2].

До сих пор остается нерешенным вопрос об установлении времени содержания под стражей лица, подлежащего выдаче. На практике встречаются сроки от 8 месяцев и более. Не ясно, какой орган вправе инициировать процедуру рассмотрения судом ходатайства о продлении срока содержания экстрадированных лиц. В соответствии со ст. 466 УПК РФ прокурор уполномочен избирать меру пресечения, но не продлевать её. С другой стороны, статьи 108, 109 УПК РФ не упоминают, что прокурор имеет полномочия по обращению в суд с ходатайством о продлении срока содержания под стражей. Следовательно иностранного государства, аналогично не является уполномоченным субъектом.

Верховный Суд Российской Федерации пытается решить сложившиеся на практике проблемы. Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. №41 рассматривается вопрос исчисления

сроков содержания лиц под стражей. В реальности сроки содержания под стражей могут быть чрезмерно длительными, а их продление — недостаточно мотивированным и обоснованным. Такой вывод был сделан на основании проведенного в 2013 году опроса. Большинство опрошенных указывали, что срок содержания лица под стражей обычно продлевается во всех случаях, лишь треть респондентов сообщили, что лицо, подлежащее выдаче, в отношении которого избрана данная мера пресечения, было выдано не во всех случаях. Данные об избрании домашнего ареста для обеспечения выдачи лица отсутствуют [9].

Действующий УПК РФ был разработан сравнительно давно, в то время, когда о вопросах международного сотрудничества мало кто задумывался. Сейчас, когда многие преступления не привязаны к территории конкретного государства из-за развития Интернета, законодательство, внося поправки, следует обратить особое внимание на несовершенство процедуры экстрадиции, чтобы в дальнейшем избежать международных скандалов. Особенностью киберпреступников является то, что они, обычно, люди грамотные, в том числе и юридически. Если вопросы выдачи не будут регулироваться должным образом, то экстрадированные лица будут чаще обращаться за обжалованием решений правоохранительных органов, что может подорвать имидж Российской Федерации на мировой арене. Российской Федерации строит заключать больше договоров о международном сотрудничестве и совершенствовать своё внутреннее законодательство, полагаясь на опыт других государств, а, главное, наконец-то определить процессуальный статус лица, подлежащего выдаче.

Литература:

1. Сайт Генеральной прокуратуры. Режим доступа: <http://www.genproc.gov.ru>. Дата обращения: 19.04.2020.
2. Балакшин В. С. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации / В. С. Балакшин, К. К. Клевцов // Вестник Саратовской юридической академии. 2017. №2. С. 176–180.
3. Бирюков П. Н. Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы / П. Н. Бирюков // Московский журнал международного права. 2000. №4. С. 186–193.
4. Волеводз А. Г. Границы свободы и неприкосновенности в уголовном судопроизводстве: Замечание общего порядка N35 Комитета по правам человека ООН / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2017. №3(32). С. 32–41. Волеводз А. Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета по правам человека ООН / А. Г. Волеводз // Международное уголовное право и международная юстиция. 2017. №3. С. 3–7.
5. Волеводз А. Г. О необходимости имплементации в УПК РФ международно-правовых норм о новых направлениях международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства / А. Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. №4(14). С. 311–328.
6. Гришин А. С. Организационно-правовой механизм выдачи лиц для уголовного преследования в российском уголовном процессе: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. С. Гришин. М., 2010. 27 с. Зяблина М. В. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства / М. В. Зяблина // Lex russica. 2016. №11. С. 155–161.
7. Иванов В. В. Сроки содержания под стражей лиц, подлежащих экстрадиции / В. В. Иванов // Актуальные проблемы современного уголовного
8. Колдин С. В. Проблемы регламентации избрания меры пресечения в виде заключения под стражу лиц, находившихся в межгосударственном розыске / С. В. Колдин // Судебная власть и уголовный процесс. 2012. №1. С. 199–201.
9. Косарева А. Е. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис... канд. юрид. наук / А. Е. Косарева. СПб., 2005. 25 с.
10. Насонов А. А. Основания появления в Российском уголовном процессе лица, выдача которого запрашивается для уголовного преследования / А. А. Насонов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. №1. С. 241–250.

11. Насонов А. А. Специфика осуществления защитных механизмов при выдаче для уголовного преследования / А. А. Насонов // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. №4. С. 98–103. Смирнов М. И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) / М. И. Смирнов // Современное право. 2007. №3. С. 12–17.
12. Чемерилова Е. Н. Соотношение международного и межгосударственного розыска обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления / Е. Н. Чемерилова // Законодательство и практика. 2014. №2. С. 64–67.
13. Шестакова Т. Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном процессе / Т. Д. Шестакова // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №2. С. 205–207.
14. Электронный журнал «Юридический факт» — 20.09. 2019. — №19. — Режим доступа: <https://ur-fakt.ru>.
15. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: заключена в г. Минске 22.01.1993 // Бюллетень международных договоров. 1995. №2.
16. Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам (ETS N73) // Международное частное право. Сборник документов. — М.: БЕК, 1997. С. 780–790.
17. http://www.ispras.ru/preprints/docs/prep_27_2014.pdf, дата обращения 10.03.2019.

История развития понятия «диффамация» в российском праве

Задворный Михаил Николаевич, студент

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

В статье автор рассматривает историю развития понятия «диффамация», анализирует признаки данного термина и тенденции развития института защиты от диффамации.

Ключевые слова: диффамация, дискредитация, деловая репутация, защита чести и достоинства, судебная практика.

Обращаясь к этимологии слова «диффамация», можно установить, что, несмотря на изначальные латинские источники (сочетание латинских слов «diffamare» — разглашать, порочить — и «fama» — репутация) [9], свое оформление термин получил во французском и английском языках: французское «diffamation» (в английском принято написание «defamation») — то есть, собственно, диффамация или клевета, дискредитация, а также английский глагол «defame» употребляемый в значениях «порочить», «клеветать» и т.д.

В отечественном законодательстве рассматриваемое понятие появилось достаточно давно. Еще в дореволюционной России предусматривались различные нормативные меры по защите чести и достоинства личности, среди которых значительное место занимала ответственность за «опозорение» — понятие, включающее в себя диффамацию и клевету, — то есть за распространение информации компрометирующего характера, сведений, наносящих вред репутации лица. Таким же образом институт диффамации получил развитие и в большинстве зарубежных законодательств.

Формирование российского института защиты чести, достоинства и деловой репутации осуществлялось на протяжении нескольких столетий [8]. Со временем Русской Правды и до судебных 1497 и 1550 годов, от свода законов Российской империи до современного Гражданского кодекса, общество было озабочено проблемой защиты таких нематериальных благ, как честь и достоинство.

Еще в ст. 25 Устава князя Ярослава о церковных судах (первая половина XII века) было указано: «Аже кто зоветь чюжу жону... (распутной женщиной — прим. автора) великих бояр, за сором ей 5 гривен золота, да епископу столько же» [11]. На

основании этого примера можно утверждать, что законная защита от посягательств на честь и свободу личности была предусмотрена уже тогда.

После централизации управления Русского государства очередной необходимостью стали организация общественного порядка, а также упорядочивание судебной практики. Появившиеся Судебники 1497 и 1550 годов вносили многие новшества в интересах привилегированных социальных групп — дворян и бояр, — проводя четкую политику отграничения тех преступлений, по которым было возможным примирение сторон. Для заключения мирного соглашения должны были соблюдаться обязательные условия, делающие такое примирение возможным, и основным условием становилось, конечно же, заглаживание причиненного вреда. Такая же возможность была предусмотрена и в случае судебного поединка: статьями 4–5 Судебника 1497 года устанавливалось, что заключение перемирия осуществимо как до, так и во время судебного поединка, с определением размера пошлин в пользу должностных лиц, наблюдавших за этим поединком.

В дальнейшем ответственность за оскорбительное поведение продолжала усиливаться. Это обстоятельство подтверждается анализом Соборного уложения 1649 года — значительнейшего памятника русского права. Уложением было нормативно предусмотрено уже 73 статьи, в каждой из которых говорилось об ответственности, налагаемой за оскорбляющие и порочащие честь высказывания и действия в отношении лиц, принадлежащих к разным классам населения. Эти нормы были объединены Соборным уложением наряду с прочими преступлениями против личности, выделяясь в отдельную группу преступлений — против личности, чести и те-

лесной неприкосновенности — помимо оскорбления чести (прообраза диффамации) включая статьи за убийство, нанесение увечий и побои. Конечно, наказания за оскорбление личности были намного более лояльными, нежели чем за остальные преступления данной группы — более тяжкие деяния, такие как убийство и вред здоровью. Проводя некоторую категоризацию преступлений, законодатель того времени безошибочно счел посягательства на честь и достоинство менее тяжкими.

Кроме того, Соборным Уложением 1649 года была введена система наказаний за «бесчестие» — понятие, объединявшее множество деяний, как исключительно вербальных («оскорбление словом», «ложные челобитья» и др.), так и посягающих на телесную неприкосновенность (избиение, ранение). Отличительной особенностью законов о бесчестии по Соборному Уложению является применимость этих норм только при рассмотрении вопроса об оскорблении духовных или светских лиц, то есть граждан, имеющих чин и занимавших некоторое положение в обществе.

Среди наказаний за «бесчестие» примечательны «бесчестящие наказания» — они также использовались для «высородных» людей. В результате применения такого наказания было «отнятие чести», то есть лишение званий или понижение в чине. Одним из самых мягких наказаний по Соборному Уложению считался «выговор» в присутствии людей из окружения правонарушителя.

Так как с развитием общества в последующие эпохи изменялись его приоритеты и ценности, требующие защиты, затем российский законодателем ответственность за посягательства на честь и достоинство была расширена — наказывались не только оскорбления, но и клевета. Впервые такая дифференциация представлена принятым Петром I Артикулом воинским 1715 года, где среди прочих преступлений выделена клевета и способы распространения клеветнической информации. Так, в главе 18 — о поносительных письмах, бранных и ругательных словах — артикул 151 устанавливал, что «ежели офицер о другом, чести касающимся или понося слова будет говорить, дабы тем его честное имя обругать и уничтожить, оный имеет пред обиженным и пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал, и сверх того посажен быть на полгода в заключение». Необходимо отметить, что в артикулах главы 18 петровского кодекса уже фактически наличествовало множество признаков, по которым определяется диффамационный деликт (среди прочих, например, письменное распространение ложных сведений, порочащих доброе имя и честь). Помимо деликта, в Артикуле были предусмотрены и предписывались ответные меры правовой защиты. Так, в этих целях в тексте указано: «пред судом обличать свои слова и сказать, что он солгал» [1].

Официальное закрепление термина «диффамация» в отечественном праве относится к 1845 году, когда принимается и вступает в силу первый уголовный кодекс в истории России — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Диффамацией в Уложении называлось сообщение каких-либо «ругательных и иных оскорбительных для чести сочинений, изображений и слухов».

В редакции Уложения 1857 года появляется ст. 2098, устанавливающая запрет на составление и распространение каким бы то ни было образом сочинений или изображений, хотя и не имеющих в своем содержании прямой клеветы, но относительно ругательных или оскорбительных для чести какого-либо лица. Несколько позже новым законом о печати («Временными правилами о цензуре и печати») от 6 апреля 1865 года вводится процедура предварительной цензуры для печатных изданий, и, таким образом, потенциальные попытки опозорения в печати исключались. Соответственно, не было потребности в особой регламентации защиты от диффамации путем печати.

Поэтому в редакции Уложения о наказаниях 1866 года вышеуказанная 2098-я статья не получила реформирования и дальнейшего развития. Однако, согласно этому нормативному акту, как клевета, так и диффамация рассматривались как отдельные уголовно наказуемые деяния со своими характерными признаками. Среди критериев их разграничения, в частности, назывались:

- способ осуществления: диффамация совершалась путем печати; клевета могла осуществляться и другими способами;
- потерпевшая сторона: клевета касалась исключительно частных лиц, а предусмотренная в Уложении статья о диффамации в качестве таковых рассматривала должностных лиц;
- субъективная сторона деяния и характер порочащих сведений: для признания клеветы необходимым признаком было распространение лишь заведомо ложных сведений, но при диффамации могли распространяться как истинные, так и заведомо ложные сведения;
- процессуальная форма доказывания: рассмотрение дел об имеющихся фактах диффамации допускалось только при наличии письменных доказательств (и, как было отмечено выше, если они касались обязанностей, связанных со службой лица или его общественной деятельностью); в процессе доказывания по факту клеветы право оспаривать справедливость распространяемых сведений предоставлялось потерпевшему в любом случае.

Гражданской в России до 1917 года причиненный частному лицу ущерб, вред или убытки не разделялись на материальный или нематериальный: в подавляющем большинстве случаев любой ущерб толковался как имущественный, в связи с чем компенсация ущерба и фиксированный порядок компенсации предусматривался нормами Свода законов Российской Империи.

Таким образом, дореволюционный период развития отечественного гражданского законодательства можно считать эволюционным для выработки понятия «деловая репутация» в его современном понимании. До определенного времени юридическая техника оперировала понятием «кредит», означавшим доверие и использовавшемся при рассмотрении дел о недобросовестной конкуренции. Отсюда и взяло свое происхождение такое явление, как дискредитация — подрыв доверия к конкуренту, его экономического статуса, авторитета, имиджа.

В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года специальных положений о защите чести, достоинства и деловой репутации не содержалось, так как не было потребности в них [2]. На данном этапе развития юридической науки, законодательства и су-

дебной практики такие положения отсутствовали, а также не рассматривались и не разрабатывались, так как применение комплекса уголовно-правовых мер, предусмотренных за совершение преступлений против жизни и здоровья человека, а также свободы и достоинства личности представлялось вполне достаточным. По мнению С. В. Потапенко, это связано с преимуществом экономических благ перед духовными [5].

Политическая конъюнктура, установившаяся с приходом советской власти, подразумевала политические и гражданские права гражданина как необходимые, в то время как обеспечение «экономических прав» таковым фактически не считалось. Приоритетными считались бесплатная медико-санитарная помощь, обеспечение права на бесплатное образование — это альтернативные блага, пришедшие взамен права частной собственности, свойственного правительствам либеральным. Обязательный коллективизм в качестве нормы предусматривал, что каждый советский гражданин был обязан «пожертвовать» своими личными правами в пользу интересов всего коллектива — советского общества. При либерально-демократическом устройстве «права человека, которые могут оказаться заявленными наперекор правительству, идут во благо именно человеку как частному лицу», однако советский закон имел диаметрально противоположное устремление [4].

Впервые нормы о понятиях чести, достоинства и деловой репутации в советском периоде были закреплены в Основых гражданском законодательства СССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР от 8 декабря 1961 года [3]. До этого нормы о защите чести и достоинства содержались только в уголовных кодексах союзных республик.

На сегодняшний день в российском праве отсутствует законодательное определение диффамации, вследствие чего оно не применяется на практике.

Несмотря на это, в современной тематической литературе существуют множественные определения диффамации. В большинстве случаев российскими правоведомы диффамация понимается как распространение одним лицом истинных сведений, порочащих другое лицо. Вместе с тем явственно прослеживается противопоставление диффамации и клеветы по признаку степени ответственности: последняя может повлечь за собой административную или уголовную ответственность, в отличие от диффамации. Среди исследователей есть мнение, что при таком понимании термина диффамации его применение неоправданно сужается и, более того, не соответствует его изначальному смыслу.

М. А. Ковалев и Г. М. Резник, утверждают, что диффамацией можно считать распространение исключительно правдивых, но нелицеприятных либо сомнительных для репутации, чести и достоинства, сведений о физических и юридических лицах. Другую позицию занимает С. В. Потапенко: им предлагается рассматривать диффамацию прямо противоположным образом — как распространение «порочащих, не соответствующих действительности сведений фактического характера», составляющих полноценный гражданско-правовой деликт, совершаемый с прямым умыслом на умаление чести, достоинства и деловой репутации потерпевшего, что является злоупотреблением права на свободу слова и массовой информации [6].

По мнению А. М. Эрделевского и Д. А. Самородового вышеуказанный критерий не следует рассматривать как определяющий: вне зависимости от степени достоверности, диффамацией можно считать любое распространение порочащих сведений о лицах [7].

По нашему мнению, наиболее релевантным можно считать определение диффамации и критерии ее разграничения с актом клеветы, которые содержатся в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Так, согласно энциклопедии, диффамация — это «оглашение о ком-либо позорящих честь фактов или сведений, независимо от того, согласно ли с истиной оглашаемое, или нет». Так же, как и клевета, диффамация суть посягательства на честь, и во внешнем проявлении оба деяния вполне идентичны. Но тем не менее, существенное отличие диффамации от клеветы заключается в том, что преступность клеветы определяется именно заведомой для виновного лживостью оглашаемых позорящих сведений, тогда как при диффамации разглашающий вполне может быть убежден в истинности сведений, распространяемых им, и даже в состоянии предоставить некоторые доказательства истинности последних [10].

Опираясь на данное определение, очевидным представляется вывод, что диффамация охватывает гораздо больше случаев распространения порочащих сведений, чем клевета, то есть понятие диффамации шире. Следовательно, клевета, предусмотренная уголовным правом как преступление, а также оскорбление, определяемое цивилистикой как деликт, соотносятся с диффамацией как частные случаи с общим.

Как уже было указано, в действующем Гражданском кодексе РФ не предусмотрено статей, которые могли бы корректно регулировать действие института диффамации. Но в современном международном праве понятие диффамации используется достаточно активно: так, например, Европейский Суд по правам человека зачастую использует его как инструмент для нахождения баланса между такими ценностями и естественными правами как право человека на сохранение достоинства и право человека на свободу слова.

Но несмотря на действительное использование диффамации как в национальных правовых системах других стран, так и на международном уровне, российская судебная практика обращается лишь к ст. 152 ГК РФ. Верховный Суд Российской Федерации в п. 1 Постановления от 24 февраля 2005 года предписал определение диффамации, данное Европейским судом по правам человека, считать тождественным понятию распространения не соответствующих истине сведений, содержащемуся в ст. 152 ГК РФ.

Но помимо указанной отсылки Пленум также посчитал нужным все же дать национальным судам некоторое разъяснение о понятии диффамации, широко используемым в практике ЕСПЧ. В постановлении были указаны два основных подхода к определению:

- 1) диффамация — это распространение не соответствующих действительности порочащих сведений;
- 2) диффамация — это распространение порочащих, в том числе соответствующих действительности (правдивых) сведений.

Таким образом, согласно позиции Верховного Суда, распространение правдивых, но порочащих потерпевшего сведений, диффамационным деликтом считаться не может, а лицо, распространяющее такие сведения, соответственно, не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 152 ГК РФ.

В пояснении к указанной позиции Пленум Верховного Суда указывает в качестве обязательных для применения ст. 152 ГК РФ три критерия:

- а) действительный факт распространения ответчиком сведений об истце;
- б) порочащий характер распространяемых сведений;
- в) несоответствие распространяемых сведений действительности.

По мнению Суда, во всех прочих случаях, когда отсутствует хотя бы один из указанных Судом обстоятельств, поступивший иск судом удовлетворен быть не может.

Однако, нельзя не отметить, что с точки зрения Верховного Суда РФ и данным им разъяснениям не учитывается упомянутое выше обстоятельство: диффамация, будучи более обширным понятием, выходит за пределы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации, предписанной в ст. 152 ГК РФ, равно как и уголовной правовой ответственности за клевету по ст. 128.1 УК РФ. Кроме того, что не менее важно, отсутствие рабочего и нормативно определенного термина «диффамация» в отечественном праве может значительным образом повлиять на трактовку правовых позиций, занимаемых Европейским Судом, и более того, изменить первоначальный их смысл.

Несмотря на то, что в Российской Федерации нормативно установлено право властей на неисполнение решений, принятых Европейским Судом, юрисдикция Европейского Суда по вопросам толкования и применения Конвенции по защите прав и основных свобод, и Протоколов к ней остается исключительной, и для правовой системы Российской Федерации конкретные решения по вопросам их толкования и применения остаются обязательными. Из этого обстоятельства следует, что: а) Европейский Суд остается единственным органом, в чью юрисдикцию входит интерпретация и конкретизация положений указанной Конвенции; б) разъяснения, данные Европейским Судом,

будучи неотъемлемой частью Европейской Конвенции, обязательны для Российской Федерации. Следовательно, в соответствии с принятыми международными соглашениями позиция Европейского Суда по вопросам толкования должна учитываться государственной властью Российской Федерации.

Таким образом, резюмируя все указанное выше, сформулируем два основных вывода:

- 1) понятие «диффамация» следует считать родовым и охватывающим собой любое распространение порочащих другое лицо сведений;
- 2) в зависимости от критериев соответствия распространяемых сведений действительности и/или субъективного отношения распространителя к своим действиям диффамация разделяется на подвиды.

В соответствии с обозначенными критериями, следует отдельно рассматривать такие виды диффамации как:

- клевета, то есть умышленная недостоверная диффамация (умышленное распространение и ложные порочащие сведения);
- достоверная диффамация (умышленное распространение и правдивые порочащие сведения);
- неумышленная недостоверная диффамация (неумышленное распространение и ложные порочащие сведения);
- неумышленная достоверная диффамация (неумышленное распространение и правдивые порочащие сведения).

Нельзя отрицать, что содержание правовых норм опосредуется общественным сознанием. Это аксиоматическое положение убедительно подтверждается генезисом права на неприкосновенность частной жизни — его ретроспективное изучение делает возможным следующий итоговый вывод: настоящий либерализм и демократическое освобождение личности от притеснения и поглощения ее обществом и государством возможно только при неукоснительном признании отдельной личности полноценным субъектом права. Лишь при такой расстановке сил, будучи защищенной правом, личность может занимать самостоятельную позицию в обществе, а также претендовать на собственную самооценку перед государством. Именно поэтому трудно переоценить то значение, которое имеет запрет на всяческую спекуляцию информацией о частной жизни лица.

Литература:

1. Воинский устав Петра I [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Воинский_устав_Петра_I (дата обращения: 22.06.2020).
2. Гражданский кодекс РСФСР от 11 ноября 1922 г. (с изм. от 01.01.1952 г.) // СУ РСФСР. — 1922. — № 71. — Ст. 904.
3. Закон СССР «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» от 8 декабря 1961 г. (ред. от 12.06.1990 г.) // Ведомости ВС СССР. — 1961. — № 50. — Ст. 525.
4. Ламберт Д. Противоречие между советской и американской доктринами прав человека: Применение путем перестройки и прагматизма / Д. Ламберт // Журнал Бостонского Университета международного права. — 1989. — С. 61–62.
5. Потапенко С. В. Судебная защита от диффамации в СМИ. — Краснодар: Издательство Технического университета КУБГУ, 2002. — 280 с.
6. Потапенко С. В. Личное мнение как привилегия от иска о диффамации в СМИ / С. В. Потапенко // Журнал российского права. — 2002. — № 5 — С. 72–76.
7. Тимченко Я. И. Институт диффамации / Я. И. Тимченко, Ю. В. Шанина // Молодой ученый. — 2016. — № 8. — С. 779–782.
8. Фоков А. П. Судебная защита чести, достоинства и деловой репутации: история и современность / А. П. Фоков // Судья. — 2014. — № 4. — С. 22–28.

9. Чистяков О.И. Толковый словарь иноязычных слов / О.И. Чистяков — М.: Русский язык, 1998. — 848 с.
10. Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон / Под ред. Арсентьева К.К. и Петрушевского Е.Е. — Лейпциг: Брокгауз-Ефрон, 1993. — Т. 20. — 517 с.
11. Янин В.Л. Законодательство Древней Руси / В.Л. Янин — М.: Юрид. лит. — 1984. — Том 1. — 430 с.

Анализ результатов оспаривания государственной кадастровой оценки на примере г.о. Солнечногорск Московской области

Ильина Елена Владимировна, студент магистратуры
Российского университета дружбы народов (г. Москва)

В статье автор проводит анализ результатов работы комиссий по рассмотрению споров определения кадастровой стоимости на примере земель г.о. Солнечногорск Московской области. Анализируется количество обращений по годам в двух комиссиях. Делается вывод, что кадастровая оценка в 2018 г. — качественнее, чем в 2013 г.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, рыночная стоимость, земельный участок, государственная кадастровая оценка, земли сельскохозяйственного назначения.

«В соответствии с действующим законодательством, кадастровая стоимость должна максимально точно отражать рыночный уровень цен. Однако, учитывая то обстоятельство, что методики определения кадастровой стоимости, утвержденные на федеральном уровне, предусматривают массовый порядок расчетов, кадастровая стоимость может отличаться от рыночной, в том числе и в большую сторону». [1]

Согласно Налоговому Кодексу РФ, собственники земель обязаны оплачивать земельный налог [2], который исчисляется от кадастровой стоимости земельного участка. Для сокращения издержек по земельному налогу кадастровую стоимость возможно снизить путем ее установления в размере рыночной стоимости. Для этих целей в Московской области была создана Комиссия при Росреестре, куда можно было подать обращения с отчетом расчета рыночной стоимости объекта недвижимости. Данная Комиссия рассматривала обращения по оспариванию стоимости объектов, определенной в результате государственной кадастровой оценки в 2013 и в 2015 годах, согласно Закону об оценочной деятельности [3].

В феврале 2019 года начала свою работу Комиссия по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости при Министерстве имущественных отношений Московской области (далее — Комиссия при Минимущество), которая и по сегодняшний день рассматривает обращения по оспариванию государственной кадастровой оценки 2018 г., действующей с 01.01.2019 г., согласно Закону о государственной кадастровой оценке [4].

Для подачи заявления в комиссию по оспариванию кадастровой стоимости потребуется заявление, в котором указывается каким образом затронуты права и обязанности правообладателя земельного участка и просьба установить кадастровую стоимость в размере его рыночной стоимости. К за-

явлению необходимо приложить отчет расчета рыночной стоимости, справку о кадастровой стоимости объекта оценки, выписку ЕГРН¹ или иной документ, подтверждающий право собственности на объект недвижимости. По желанию к заявлению можно приложить и иные документы, которые возможно могут потребоваться комиссии при вынесении решения по установлению рыночной стоимости. Заявление можно подать по почте, лично или через Интернет.

Проведен анализ информации с официального сайта Росреестра [5] о поданных заявлениях на пересмотр кадастровой стоимости (установления рыночной стоимости) и результатах их рассмотрения. За период с января 2016 г. по январь 2019 г. в Комиссию при Росреестре было подано 2726 обращений по землям г.о. Солнечногорск Московской области. Результаты анализа приведены в рис. 1.

По рис. 1 видно, что в 2016 г. Комиссией при Росреестре было рассмотрено 1263 обращения, из которых положительные решения получили 1048 заявителей. Отдельно стоит рассмотреть категорию земель сельскохозяйственного назначения, где просматривается аномально высокий показатель количества заявлений. Одной из причин такой аномалии возможно является сложная по методологии и технологии оценки земель сельскохозяйственного назначения.

Комиссией при Минимущество заседания по рассмотрению споров определения кадастровой стоимости и установления рыночной стоимости проводятся с февраля 2019 года. Проанализированы протоколы заседаний, решения комиссии и иная документация с официального сайта Комиссии [6], выявлено, что с февраля 2019 года по февраль 2020 года, подано лишь 102 обращения по землям в г.о. Солнечногорск, из которых 60 заявлений — на земли сельскохозяйственного назначения (см. рис. 2), что опять же можно

¹ Выписка из Единого государственного реестра недвижимости

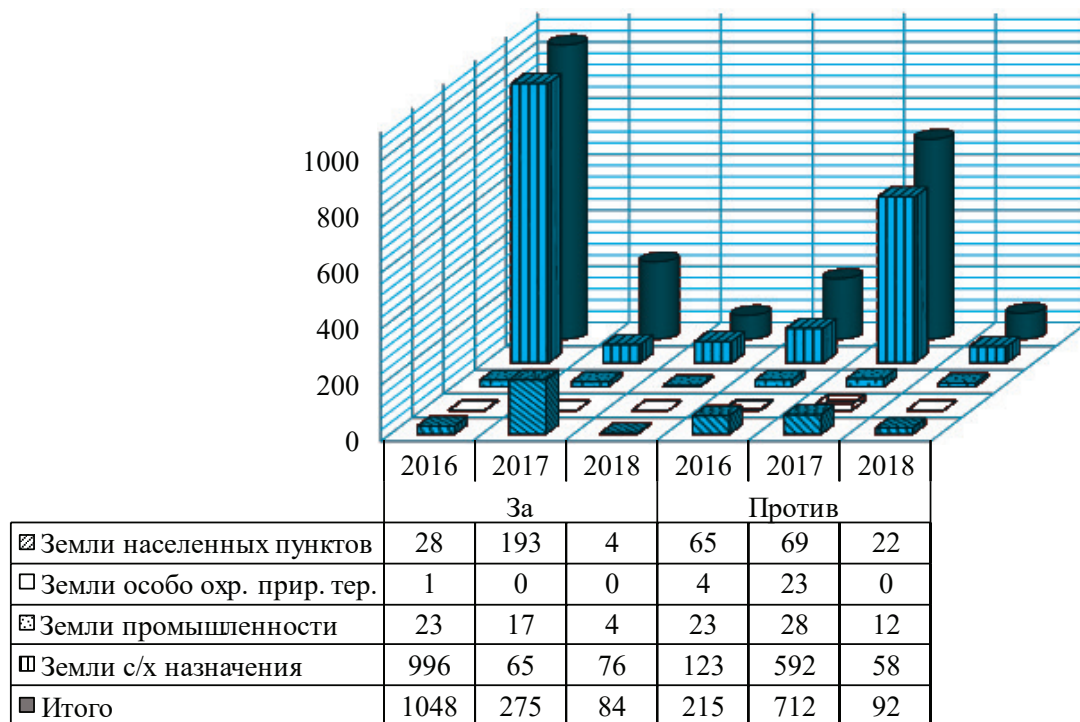

Рис. 1. Статистика обращений, поданных в Комиссию при РР с 2016 г. по 2018 г. по землям в г.о. Солнечногорск Московской области

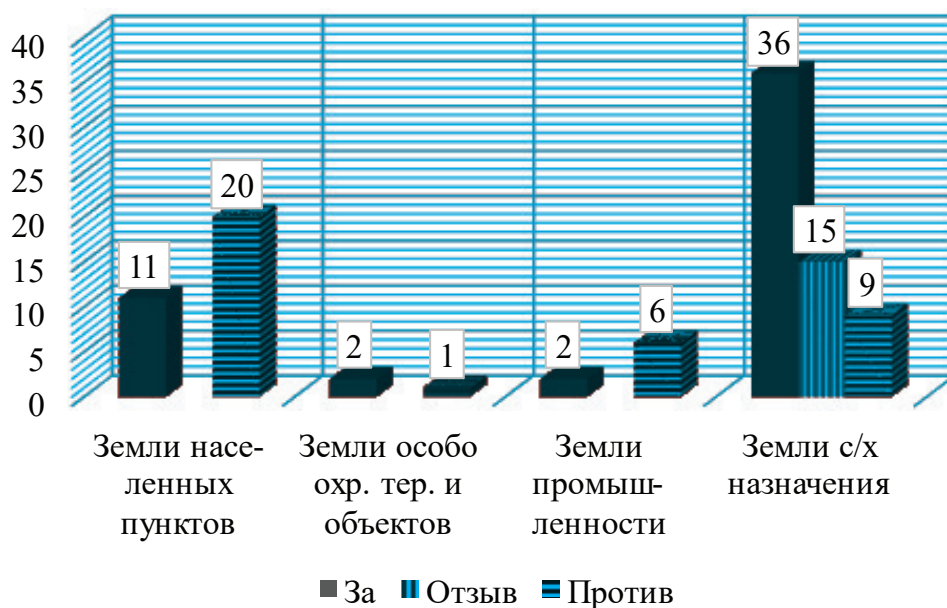

Рис. 2. Статистика поданных в Комиссию при Минимуме обращений, в разрезе категории земель в г.о. Солнечногорск Московской области за период с февраля 2019 по февраль 2020 г.

связать со сложной технологией массовой оценки земель сельскохозяйственного назначения.

На основании проведенного анализа выявлено резкое сокращение споров об определении кадастровой стоимости по итогам государственной кадастровой оценки 2018 г. на территории г.о. Солнечногорск Московской области, по сравнению с предыдущим туром оценки. Данный факт показывает, что качество проведения массовой оценки повысилось, однако споры

все еще возникают. Также выявлено, что земли сельскохозяйственного назначения по отношению к другим землям составляют большую часть обращений по установлению кадастровой стоимости как рыночной.

В результате проведенной работы можно сделать вывод, что качество оценки стало значительно выше, о чем говорит сокращение споров в комиссии по оспариванию кадастровой стоимости. Однако заявления на пересмотр кадастровой стоимости

все же поступают, хоть и в меньшем количестве. Поэтому необходимо и дальше изучать вопросы массовой государственной

оценки для дальнейшего совершенствования методов и технологий оценки.

Литература:

1. Механизм досудебного оспаривания кадастровой стоимости.— Текст: электронный // Росреестр: [сайт].— URL: https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-rabote-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimo/?r_sect=7451&r_elem=199692 (дата обращения 25.03.2020).
2. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 05.08.2000 N117-ФЗ Глава 31. Земельный налог. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29.07.1998 N135-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
4. Федеральный закон «О государственной кадастровой оценке» от 03.07.2016 N237-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс».
5. Обобщенная информация о решениях, принимаемых комиссией по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости.— Ресурс: электронный // Росреестр: [сайт].— URL: <https://rosreestr.ru/site/activity/kadastrovaya-otsenka/rassmotrenie-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-/informatsiya-o-rabote-komissiy-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoy-stoimo/> (дата обращения: 25.03.2020).
6. Комиссия по рассмотрению споров о результатах определения кадастровой стоимости.— Ресурс: электронный // Министерство имущественных отношений Московской области: [сайт].— URL: <https://mio.mosreg.ru/deyatelnost/deyatelnost-komissiya-po-rassmotreniyu-sporov-o-rezultatakh-opredeleniya-kadastrovoi-stoimosti> (дата обращения 17.03.2020).

Конституционно-правовой статус органов прокуратуры в Российской Федерации и Республике Казахстан в обеспечении законности

Иову Дмитрий Александрович, студент магистратуры

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

Конституционный статус органов Прокуратуры как в России, так и в Казахстане определяется Конституциями рассматриваемых стран и нормами специального законодательства, регламентирующего статус органов прокуратуры. В России таким правовым актом является Федеральный закон «О Прокуратуре Российской Федерации» [1], наделяющий прокуратуру определенными полномочиями как орган, осуществляющий от имени Российской Федерации надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, а так же координацию деятельности всех правоохранительных органов при осуществлении их деятельности в том числе в борьбе с преступностью. В Казахстане вступил в силу новый Закон Республики Казахстан «О прокуратуре», который подписан 30 июня 2017 года [2]. Согласно этому закону в Казахстане изменился подход к организации системы органов прокуратуры, сфере деятельности прокуратуры и полномочий генерального прокурора, вместе с тем заложенный в Конституции Казахстана конституционный подход к организации и деятельности органов прокуратуры, к компетенции и функционирования во всей системе государственной власти, остался не изменен.

Однако основным учредительным актом определяющий статус органов прокуратуры в России и Казахстане является

Конституции страны, поэтому остановимся подробно на анализе ее норм.

Особое значение для развития казахстанской государственности имеют поправки, внесенные в раздел седьмой Конституции «Суды и правосудие». Пункт 1 статьи 83 Конституции, касающийся конституционных полномочий органов прокуратуры также претерпел изменения. Ранее Конституция определяла: «Прокуратура от имени государства осуществляет высший надзор за точным и единообразным применением законов, указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов на территории Республики, за законностью оперативно-розыскной деятельности, дознания и следствия, административного и исполнительного производства, принимает меры по выявлению и устранению любых нарушений законности, а также опротестовывает законы и другие правовые акты, противоречащие Конституции и законам Республики. Прокуратура представляет интересы государства в суде, а также в случаях, порядке и в пределах, установленных законом, осуществляет уголовное преследование».

В настоящее время данная норма весьма лаконична: прокуратура от имени государства осуществляет в установленных законом пределах и формах высший надзор за соблюдением законности на территории Республики Казахстан, представляет

интересы государства в суде и от имени государства осуществляет уголовное преследование.

В этой связи следует сказать, что в ходе подготовки конституционной реформы обсуждался вопрос об исключении статьи 83 в целом из раздела 7 «Суд и правосудие» Конституции по следующим основаниям. Характеристика статуса и функций органов прокуратуры в разделе Конституции «Суд и правосудие» свидетельствует о том, что она входит в систему правосудия.

Вместе с тем, для определения конституционно-правового статуса органов прокуратуры России и Казахстана необходимо, во-первых, определение положения государства с точки зрения Конституции Российской Федерации; во-вторых, характеристика сущностных элементов юридического статуса органов прокуратуры. Данные элементы, как раз и содержатся в специальных законах регламентирующих статус органов прокуратуры.

По мнению О.Е. Кутафина, в конституционно-правовом статусе Российской прокуратуры выделяются следующие элементы: наличие учредительного характера закрепленного в нормах Конституции Российской Федерации, независимость от федеральных органов государственной власти как основополагающий принцип организации, территориального единства и соподчинения вышестоящих прокуроров нижестоящим, т.е. иерархия, единая федеральная система права, предметы ведения, обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина и др. [3].

Согласно статьи 129 Конституции Российской Федерации Прокуратура Российской Федерации являлась конституционным органом а ее статус закреплен в главе 7 «Судебная власть и прокуратура», Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» [4].

По мнению Ракиты О.И. «в тексте Конституции Российской Федерации прокуратуре посвящена только одна ст. 129, в которой содержатся следующие элементы конституционного статуса прокуратуры: организационная структура прокуратуры как единой централизованной системы с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному прокурору Российской Федерации; порядок назначения на должность и освобождения от должности Генерального прокурора Российской Федерации; порядок назначения прокуроров субъектов Федерации; порядок назначения иных прокуроров; уровень правового регулирования деятельности прокуратур» [5].

Из данного перечня следует что конституционное регулирование деятельности органов прокуратуры обращается к организационным началам, однако Конституция России не регламентирует функциональную составляющую. По моему мнению такая ситуация сказывается на неразвитости в нормах Конституции Российской Федерации статуса прокуратуры, по отношению к иным органам власти, например Уполномоченному по правам человека. Такое правовое регулирование может негативно отразиться на законности государственного механизма.

Аналогичная ситуация наблюдается и в Республике Казахстан, так согласно статьи 83 Конституции Казахстана к элементам конституционного статуса Прокуратуры Казахстана

относятся: единая централизованная система с подчинением нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному Прокурору Республики; независимость в осуществлении своих полномочий от других государственных органов, должностных лиц; подотчетна Президенту Республики Казахстан (чего нет в Российской Федерации, что и является единственной отличительной чертой в статус рассматриваемых органов); статус Генерального прокурора и привлечение его к ответственности имеет особый порядок; уровень правового регулирования деятельности прокуратур.

Таким образом, отсутствие конституционного закрепления функциональных начал органов прокуратуры как в России, так и в Казахстане, говорит о влиянии и корнях советской модель построения и организации работы органов прокуратуры. Поэтому требуется, может быть и на конституционном уровне, путем внесения поправок в соответствующие главы Конституции России и Казахстана изменить правовое положение прокуратуры, провести необходимую корректировку функциональных начал работы данного органа. Необходимо более конкретно определиться с функциональными принципами построения системы органов прокуратуры. Перспективным развитием органов прокуратуры можно считать ориентацию на функциональный принцип с включением ряда специализированных прокуратур в общую территориальную систему в качестве управлений.

Конституционные основы деятельности органов прокуратуры раскрываются в п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и статьи 1, 2 Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 81-VI «О прокуратуре» [6]. Одним из основных направлений деятельности прокуратуры по обеспечению верховенства закона является осуществление надзорной функции. Так, согласно главе 2 Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 81-VI «О прокуратуре» и раздел 3 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» общим для рассматриваемых стран в области прокурорского надзора является:

— осуществление надзорной функции за законностью правовых актов, а также действиями (бездействиями) должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления;

— контрольная деятельность в отношении исполнения законности решений должностных лиц органов публичной власти и управления, а также предприятий, организаций, объединений, и иных юридических и физических лиц, действия которых затрагивают права и законные интересы иных лиц, государственных и общественных органов.

Необходимо отметить, что контроль за законностью возложен на различные органы власти и управления. Прокуратура должна не подменять другие государственные органы, а осуществлять надзор за тем, как сами эти органы и соответствующие должностные лица (прежде всего правоохранительных и контролирующих органов) выполняют возложенные на них законом обязанности по обеспечению и контролю за исполнением законов всеми органами, организациями и гражданами, на которых распространяется их компетенция.

По нашему мнению, напрашивается вывод о необходимости внесения изменений в статьи 129 Конституции Российской Фе-

дерации и устранения недостатков в конституционном праве России, в частности система и структура прокуратуры Российской Федерации закрепляется в гл. 7 «Судебная власть», однако органа прокуратуры не относятся к судебной власти и не входят в судебную систему. Думается, что решение этого вопроса вызывает необходимость образования в Конституции Российской Федерации отдельной главы «Прокуратура Российской Федерации»,

Конституционный статус прокуратуры — это одно из проявлений абсолютизации роли прокуратуры в государственном механизме власти. Это чревато последствиями, поскольку оставляет широкое поле для злоупотреблений, в том числе коррупционных и политических, не только в уголовно-правовой, гражданско-правовой и административно-правовой сферах, но и в так называемом всеобъемлющем, не имеющим точно очерченных законом пределов, «общем» надзоре.

В этом случае, закономерно возникает вопрос о практически безграничных властных полномочиях органов прокуратуры, поскольку это единственный орган, наделенный на конституционном уровне властными полномочиями, но место которого, в системе государственных органов так и не определено. В итоге, не являясь ветвью государственной власти, как в России, так и в Казахстане, прокуратура фактически участвует в ее осуществлении посредством широкомасштабного надзора, но в отличие от законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти на нее не распространяются системы «сдержек» и «противовесов». Следовательно, нет баланса, упреждающего злоупотребление высшим надзором или надзорной властью.

Со времен советского периода развития конституционный строй Казахстана претерпел существенные изменения, но конституционный статус прокуратуры сохранился. Примечательно, что в Конституции СССР 1977 года содержались глава 20 «Суд и арбитраж», а также отдельная глава 21 «Прокуратура». В основе систематизации конституционных норм должны быть содержательные характеристики государственного органа.

В этой связи надо сказать, что не все государственные органы, осуществляющие весьма значимые для государства и общества функции, имеют конституционный статус.

Так, не имеют конституционного статуса органы адвокатуры, нотариата, Центральная избирательная комиссия, Счетный комитет по контролю за исполнением республиканского бюджета. Их задачи, функции и правомочия не определяются Конституцией, но это ни в коей мере не умаляет их роли в государственном механизме власти либо их правовой статус. Примечательно, что в результате реформы конституционный статус обрел уполномоченный по правам человека, поскольку статья 55 Конституции республики Казахстан о полномочиях Сената Парламента дополнена положением: по представлению Президента осуществляется избрание на должность сроком на пять лет и освобождение от должности Уполномоченного по правам человека (подпункт 1–1).

В целом законопроект о конституционных поправках в Конституцию Казахстана был предметом всенародного обсуждения, отмечая в этой связи демократичность конституционного процесса, подчеркнем, что внесенные в Конституцию изменения и дополнения соответствует базовым конституционным принципам функционирования государства и конституционным ценностям казахстанского общества.

Как для Российской Федерации, так и для Республики Казахстан, по прошествию довольно большого срока, все же приходится констатировать отсутствие универсальной модели организации органов прокуратуры. Такая модель могла бы активно обеспечивать защиту, как публичных интересов, так прав и законных интересов человека и гражданина.

Основная проблема отсутствия такой модели, в том, что в государственном механизме России и Казахстана органы прокуратуры не получили закрепления четкого конституционно-правового статуса. Причина тому по мнению ряда исследователей, не отнесение органов прокуратуры ни к одной из ветвей государственной власти и наделение широким кругом полномочий.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 (ред. от 20.03.2020) «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2017, № 52 (Часть I), Ст. 7929.
2. Закон Республики Казахстан «О прокуратуре» от 30.06.2017 г. [элек. рес.] // Режим доступа <http://prokuror.gov.kz/rus/o-prokurature/zakon-o-prokurature>. (Дата обращения 21.03.2020 г.)
3. Конституционное право России: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/под ред.Е. И. Козловой, О.Е. Кутафина. 5-е изд., перераб. и доп. М.: «Проспект». 2014. С. 265
4. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014, № 6, Ст. 548
5. Ракица О. И. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации // Молодой ученый. 2019. № 12. С. 674.
6. Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 81-VI «О прокуратуре» [элек. рес.] // Режим доступа http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31690116. (Дата обращения 01.14.2020 г.).

Добросовестность застройщика при самовольном строительстве

Кобков Сергей Сергеевич, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Вопрос о добросовестности в институте самовольной постройки возник ровно с того момента, как вступили в силу изменения ст. 222 Гражданского кодекса РФ (далее по тексту — ГК РФ) от 03.08.2018. Под добросовестностью следует понимать субъективное состояние лица, выраженное честной реализацией своих прав и обязанностей. ГК РФ закрепил фундаментально в ст. 1 принцип добросовестности. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту — ПП ВС № 25 от 23.06.2015) [2] разъяснено как определяется добросовестность: «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующей ей, в том числе **в получении необходимой информации**». Согласно ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений **предполагается**, то есть ввиду отсутствия конкретных критериев для определения добросовестных действий или поведения следует исходить из объективного рассмотрения ситуации и при этом подтверждать не только факт наличия добросовестности, а также исключать факт злоупотребления права.

Следовательно, добросовестность исключает наличие деликта. Но, согласно п. 1 ст. 222 ГК РФ, самовольная постройка, по своей правовой природе, это гражданско-правовой деликт: «строение, возведенные или созданные на земельном участке, **не предоставленном в установленном порядке**, или на земельном участке, разрешенное использование которого **не допускает** строительства на нем данного объекта, либо возведенные или созданные **без получения** на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или **с нарушением** градостроительных и строительных норм и правил».

Возвращаясь к ст. 10 ГК РФ, речь идет о гражданских правоотношениях. Согласно ст. 222 ГК РФ при самовольном строительстве между какими конкретно субъектами отношения возникают не указано. Если предположить, что они возникают между застройщиком и органами местного самоуправления (далее — ОМС), то ОМС выступает другой стороной не как равный субъект, а как субъект, решающий судьбу самовольного строительства, равно как и суд.

Пункт 2 ст. 222 ГК РФ прямо закрепляет, что застройщик не приобретает право собственности на самовольную постройку, а, значит, не имеет право ей распоряжаться, и следует тот факт, что самовольная постройка — это не объект гражданского оборота, в отношении которого могут быть совершены сделки. Следовательно, определение иных субъектов **именно гражданского правоотношения** при самовольной постройке кроме застройщика (лицо, которое осуществило постройку) находится под вопросом.

Несмотря на это законодатель внес изменения в п. 1 ст. 222 ГК РФ в виде защиты застройщика самовольной постройки путем признания его действий добросовестными. То есть, самовольная постройка не будет являться самовольной только в том случае, если застройщик не знал и не мог знать о действиях установленных в соответствии с законом ограничений использования земельного участка, на котором он осуществил соответствующую постройку. Предполагаемая добросовестность застройщика, на наш взгляд, является абсурдной с точки зрения практики. Проблема состоит в доказывании. Раз добросовестность предполагается, значит, суд должен именно предполагать, что застройщик ввиду неизвестных обстоятельств не знал и не мог знать о регулировании земельного участка, где осуществлена самовольная постройка, и, основываясь на ст. 1 ГК РФ, не обладал достаточной информацией или был лишен возможности для доступа к такой информации.

Мы полагаем, что конструкция абз. 2 п. 1 ст. 222 ГК РФ презюмирует добросовестность застройщиков только в том случае, если они получили разрешение на строительство на земельном участке, на котором, в силу ограничений, не могли быть созданы постройки. Но вопрос о том, как доказать добросовестность застройщика остается актуальным.

Так, суд кассационной инстанции рассмотрел дело, где прокурор подал иск к главе КФХ Казакову Н.Н. [1]. Согласно данному делу, Казаков приобрел по договору купли-продажи земельный участок, который располагается на землях лесного фонда, а прокурор хотел истребовать в силу ничтожности договора земельный участок и привести земельный участок в первоначальное состояние. Казаков же выдвинул встречное требование: о признании права собственности на земельный участок, отнесении участка к землям сельскохозяйственного назначения. По мнению Казакова, прокурор не вправе был обращаться с иском о признании построек самовольными и об их сносе, то и требование об истребовании земельного участка из чужого незаконного владения не могло быть удовлетворено. Казаков также считал, что суды не приняли во внимание тот факт, что на момент возведения Казаковым Н.Н. спорных объектов, земельный участок допускал строительство на нем объектов, **а необходимые, разрешительные документы им были получены**.

Также Казаков указывал, что возведенные им объекты не являются самовольными постройками, поскольку на дату начала строительства земельный участок был предоставлен ему в собственность с целевым назначением — для сельскохозяйственного назначения, строительство на землях сельскохозяйственного назначения допускалось, возведение построек и ввод их в эксплуатацию совершены на основании разрешительных документов.

Однако суд кассационной инстанции в силу статьи 69 АПК РФ преюдициальное значение для данного дела установил от-

сутствие доказательств перевода спорного земельного участка из земель лесного фонда в иную категорию в установленном законом порядке. Исходя из этого и невзирая на добросовестность, суд кассационной инстанции посчитал, что поскольку доказательства, подтверждающие соблюдение установленной действующим законодательством процедуры перевода земель лесного фонда в иную категорию не представлено, то легализация самовольной постройки невозможна, а значит жалоба Казакова оставлена без удовлетворения.

По другому делу, суд апелляционной инстанции рассмотрел жалобу ответчика по делу, согласно которому АО «ЛенаБамстрой» обратилось в Арбитражный суд с требованием к ИП Паравеской Л. С. о признании строения самовольной постройкой и обязанности снести самовольные строения. [3] Исследовав материалы дела, суд апелляционной инстанции оставил жалобу ответчика без удовлетворения. Обосновывая свой отказ, суд говорит следующее, что в жалобе ответчик ссылается на достигнутое с истцом соглашение об использовании участка для строительства. Данный довод отклоняется апелляционным судом, поскольку соглашением стороны определили перечень обязанностей, направленных на заключение договора субаренды, доказательств выполнения которых в материалы дела не представлено и об их наличии заявлено не было. Также суд говорит,

что положения абз. 2 п. 1 ст. 222 ГК РФ к спорным отношениям не применяется. Данная норма введена Федеральным законом от 03.08.2018, в то время как спорные строения уже существовали на дату их выявления в акте — 15.05.2018, поэтому к указанным отношениям не применяется.

Исходя из указанной практики, вывод такой, что добросовестность застройщика обратной силы не имеет, а потому к отношениям, возникшим до 03.08.2018, не применяется.

Подводя итог по вышесказанному, мы считаем, что введенный в ст. 222 ГК РФ второй абзац является недоработанным в части толкования и слишком сложным в части доказывания добросовестности застройщика. Мы определили, что самовольная постройка безоговорочно является деликтом, а потому речь о честности застройщика становится под вопросом. Судебная практика показывает, что добросовестность не просто предполагается, она еще должна быть доказана. Наличие обстоятельств, которые могут защитить застройщика, могут быть неприменимыми ввиду непризнания их объективно как доказательства. Следовательно, каким образом должна осуществляться такая защита пока не является возможным определить, а потому следует данный абзац либо доработать и дать соответствующее толкование на уровне закона, либо вовсе исключить данный абзац ввиду невозможности его применения.

Литература:

1. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.04.2019 № Ф02-1545/2019 по делу № А74-521/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2019 № 04АП-1993/2019 по делу № А19-16910/2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Географические указания — новый объект права

Комелина Екатерина Андреевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье рассматривается понятие «географические указания», основные особенности. Автор разграничивает такие понятия как географические указания и наименования мест происхождения товаров, проводя их сравнительную характеристику. Также раскрывается актуальность географических указаний в современной России.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, товарный знак, наименование места происхождения товара, географическое указание, конкуренция.

27 июля 2020 года вступает в силу Федеральный закон от 26.07.2019 N230-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 1 и 231 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции», который

закрепляет новый гражданско-правовой институт «географические указания».

Географические указания (далее — ГУ) также, как и наименования мест происхождения товаров (далее — НМПТ) указывают на присутствие в товаре специфических свойств, которые обусловлены природными или человеческими факторами. В виду этого у потребителей в сознании формируется

прочная связь между товаром и территорией его происхождения (изготовления), формируется доверие потребителей к товару и потребность в нем, что способствует развитию производства.

До принятия данного федерального закона о ГУ охрану исключительных прав производителей оригинальных товаров обеспечивалась только НМПТ, которых, на сегодняшний день, зарегистрировано сравнительно немного [1, с. 155].

Это объясняется строгими требованиями к регистрации НМПТ: необходимо получить заключение уполномоченного ведомства о наличии в товаре особых свойств.

Перечень ведомств определен в Постановлении Правительства РФ от 17.09.2004 N481 (ред. от 04.09.2012) «О Перечне федеральных органов исполнительной власти, компетентных давать заключение, прилагаемое к заявке на государственную регистрацию наименования места происхождения товара и на предоставление исключительного права на такое наименование, а также к заявке на предоставление исключительного права на ранее зарегистрированное наименование места происхождения товара».

Например, в Постановлении закреплено, что Минсельхоз России дает заключения в отношении товаров сельского хозяйства, продовольственных товаров, безалкогольной продукции, продуктов пчеловодства, товаров, вырабатываемых из рыбы и морских продуктов [2, с. 132].

В соответствии с действующей формулировкой Минсельхоз не может выдавать заключение на беломорские мидии или камчатский краб, потому что мидии или краб не являются «товаром, вырабатываемым из рыбы и морских продуктов», то есть готовой продукцией, поэтому их регистрация в качестве НМПТ невозможна [3, с.343]. И таких примеров множество в России.

Но в то же время многие российские территории существуют за счет народного промысла, который формирует туристическую привлекательность, дополнительные инвестиции в регион, рабочие места для населения. На фоне бума производства во всем мире и роста ввоза на территорию РФ товаров по очень низкой цене происходящие с территории товары явно нуждались в правовой поддержке со стороны государства, чтобы повысить свою привлекательность и производительность.

Поэтому, введение этого правового института продиктовано реалиями современного мира.

Как уже отмечалось выше, НМПТ и ГУ являются средством индивидуализации товара определенной территории, предполагающие наличие специфических свойств товара, которые определяются местом изготовления. Но все же между этими институтами есть разница [4, с. 22].

Определение понятия «географическое указание» закреплено в Федеральном законе N230-ФЗ, а НМПТ — в 1516 ГК РФ.

Различия между ГУ и НМПТ можно отобразить в следующей таблице:

ГУ	НМПТ
Любое обозначение (словесное, изобразительное, эмблема, маркировка), которое должно связывать товар и регион происхождения (географический субъект)	Словесное обозначение, оно обязательно включает наименование географического (территориального) субъекта, который стал широко известен благодаря товару, а его природные или людские характеристики обуславливают особые свойства продукции
Необходима лишь одна стадия изготовления товара в пределах указанной территории. Например, сбор лечебных трав в одном месте, а дальнейшая их обработка и упаковка — в другом	Все производство товара должно быть в одном субъекте, фигурирующего в НМПТ
Наличие специфических свойств подтверждать не нужно. Достаточно, чтобы товары обладали качеством, репутацией или иными характеристиками, для того, чтобы у потребителей возникла ассоциация в отношении товара, происходящего с определенной территории. Например, товар, произведенный по традиционной технологии данного региона (осетинские пироги)	Требуется заключение о наличии в товаре особых свойств, который отличает его от других товаров. Заключение выдается профильными федеральными органами исполнительной власти (Минздравом, Минпромторгом, Минсельхозом, Росалкогольрегулированием — в зависимости от типа товара)
Для регистрации ГУ необходимо предоставить сведения, подтверждающие определенные качества продукции, показатели, репутацию или другие характеристики продукции, которые зависят от места происхождения. Право на проведение экспертизы для присвоения товарам этого обозначения планируется передать региональным властям	Для получения свидетельства на НМПТ необходимо заключение уполномоченного федерального или регионального органа о том, что на территории указанного географического объекта заявителем изготавливается товар со специфическими характеристиками. Это есть одна из проблем для массовой регистрации обозначений, связывающих продукцию и место ее происхождения

Получается, что процедура получения охраны на ГУ проще. Все это позволит получить охрану товарам, которые не могут быть зарегистрированы в качестве НМПТ [5].

ГУ также позволяет идентифицировать происходящий с территории географического объекта товар, что повысит привлекательность российских товаров за рубежом и будет способствовать развитию российского производства.

Литература:

1. Афанасьева Е. Г. Географические указания и товарные знаки — конфликт или мирное сосуществование? / Е. Г. Афанасьева, Е. А. Афанасьева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. — 2018. — №4. — С. 153–158.
2. Горленко С. А. Правовая охрана наименований мест происхождения товаров/3-е изд., испр. и доп. — М.: ИНИЦ Роспатента, 2001. — 132с.
3. Орлова В. В. Теория и практика индивидуализации в сфере интеллектуальной собственности: дис... докт. юрид. наук: 12.00.03. / Орлова Валентина Владимировна — М., 2005 г. — 343 с.
4. Харитонов Ю. С. Использование типичных и нетипичных средств индивидуализации для стимулирования спроса и продвижения отечественных товаров в условиях импортозамещения / Ю. С. Харитонов // Журнал предпринимательского и корпоративного права. — 2016. — №3. — С. 20–25.
5. Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. От 06.12.2005). [Электронный_ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=966>(дата обращения:14.03.2020)

Целесообразность и эффективность участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по определенным категориям дел

Коростелёв Иван Валерьевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лебедев Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

Конституция Российской Федерации провозглашает Россию демократическим государством, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Демократическая модель государства эффективна при соблюдении законов, осуществлять надзор за исполнением которых призвана прокуратура.

Деятельность прокурорских работников в настоящее время заключается не только в поддержании государственного обвинения в суде, но и участие в гражданских, арбитражных и административных делах.

Функции прокуратуры в гражданском судопроизводстве неоднократно менялись на протяжении всей истории Российского государства. Имелся период в истории, когда прокуратура в полном объеме осуществляла надзор за законностью рассмотрения гражданских дел судами, в последствии полномочия прокурора в гражданском процессе существенно сокращены и ограничены лишь участием в рассмотрении дела. Данные обстоятельства объясняются положением судебной власти в стране, ее влиянием на сферы общественной жизни, развитием правового государства и гражданского общества.

На сегодняшний день судебная власть является независимой, судьбы подчиняются только Конституции РФ и федеральному законодательству, позиция государственных органов в гражданском судопроизводстве имеет рекомендательный характер.

В связи с этим, актуальным является вопрос о целесообразности участия прокурора в гражданском процессе в целях дачи заключения по определенной категории дел.

«Прокурор вступает в процесс и дает заключение по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях,

предусмотренных настоящим Кодексом и другими федеральными законами, в целях осуществления возложенных на него полномочий» [1].

Интерес прокурора в гражданском процессе носит сугубо публичный характер и сосредоточен в основном на реализации двух функций — обеспечение законности, защита прав граждан.

Некоторые исследователи определяют процессуальную функцию прокурора в гражданском процессе в форме дачи заключения по делу именно как содействие суду в правильном и своевременном рассмотрении дела.

Полагаем такой подход к участию в деле прокурора для дачи заключения является не совсем уместным по следующим основаниям.

Заключение прокурора не является обязательным для суда, не имеет форму доказательства, не несет новой смысловой нагрузки для суда, основано исключительно на материалах гражданского дела, нормах права, которые и так известны суду.

Судья, рассматривающий дело, должен оценивать имеющиеся в деле доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью, и исходить из основополагающих принципов гражданского процесса: независимость судей, равноправие и состязательность сторон, диспозитивность и т.д., «рекомендации» для суда в данном случае со стороны другого государственного органа нецелесообразны.

Прокурор же в своем заключении занимает в деле позицию истца или ответчика, что в определенных случаях может противоречить вышеуказанным принципам, нарушать баланс равноправия, состязательности сторон.

Также гражданское процессуальное законодательство предоставляет право сторонам иметь представителей, т.е. лиц, об-

ладающих юридическими знаниями, и как правило оказывающие услуги по определенным категориям дел. Как раз они и призваны обеспечить соблюдение прав, интересов истца и ответчика в гражданском споре.

Кроме того, обеспечение законности в гражданском судопроизводстве есть обязанность не только представителя прокуратуры, но и в первую очередь задача суда.

При этом нельзя не учитывать социально-экономическую обстановку на территории Российской Федерации. К сожалению, в настоящее время сохраняется высокий процент бедного населения, социальная дифференциация в обществе.

В связи этим участие прокурора в деле в форме дачи заключения при обеспечении прав социально уязвимых слоев граждан является оправданным.

Так, «Европейский Суд по правам человека в одном из своих решений по делу »Менчинской против России« от 15.01.2009 года указал, что »... При нцип «равенства» сторон требует справедливого их равновесия, где каждая сторона должна иметь разумную возможность представить свою позицию в условиях, которые не создают для нее существенного

неудобства по сравнению с другой стороной...Поддержка прокуратурой одной из сторон, несомненно, может быть оправданной при определенных обстоятельствах, например, для защиты прав уязвимых групп-детей, инвалидов и так далее,— которые считаются неспособными защитить свои интересы самостоятельно, или когда данным нарушением затронуты многие граждане, или если требуют защиты государственные интересы» [2].

Таким образом, на наш взгляд, участие прокурора в гражданском процессе в целях дачи заключения по делу должно быть ограничено случаями, указанными в части 1 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, т.е. прокурор участвует в процессе и дает заключение по делу, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не может сам защитить свои права в суде.

Ограничение полномочий прокурора в гражданском судопроизводстве позволило бы снизить нагрузку на работников надзорного органа, сэкономить материальные ресурсы, уменьшило бы время на рассмотрение гражданских дел судом.

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2019 г.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2016. № 1 (ч. I). Ст. 13.
2. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 12. С. 131–132.

Особенности процесса возмещения вреда, причиненного преступлением

Крутова Надежда Андреевна, студент магистратуры

Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета

В статье раскрываются характерные и процессуальные особенности возмещения причинённого преступлением вреда потерпевшему в рамках уголовного судопроизводства. Автор рассматриваются отдельные аспекты возмещения вреда потерпевшему, причинённого преступлением, и проблемы реализации современных законодательных положений, регулирующих данный институт.

Ключевые слова: УПК РФ, возмещение вреда, преступление, гражданский иск, потерпевший, уголовное судопроизводство.

Features of the process for repairing harm caused by crime

Krutova Nadezhda Andreevna, master student

Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University

The article reveals the characteristic and procedural features of compensation for harm caused to a victim by a crime in the framework of criminal proceedings. The author considers some aspects of compensation for harm caused to a victim by a crime, and the problems of implementing modern legislative provisions governing this institution.

Key words: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, compensation for damage, crime, civil lawsuit, victim, criminal proceedings.

Основной вопрос уголовного судопроизводства — установление оснований уголовной ответственности конкретного лица — практически всегда связан с возмещением потерпевшему вреда, причинённого преступлением, рассматриваемым с позиций гражданского права как гражданско-правовой де-

ликт. При этом целесообразность совместного производства по уголовному и гражданскому искам диктуется необходимостью, с одной стороны, удовлетворения прав и интересов потерпевшего как одной из целей уголовной политики, а с другой — экономией сил и средств органов расследования и суда, а также

выгодами потерпевшего при совместном рассмотрении обвинения и гражданского иска.

В соответствии с ч. 1 ст. 44 УПК РФ [1] гражданский истец — это физическое или юридическое лицо, которое предъявляет требование о возмещении имущественного вреда. При этом, должны иметься все основания полагать, что указанный вред причинен вследствие совершения преступления. Лицо может быть признано гражданским истцом по решению суда, следователя или дознавателя. Если лицу причинен моральный вред, оно может предъявить гражданский иск для имущественной компенсации такого вреда.

Для того, чтобы установить правовые основания для возмещения вреда гражданский истец в уголовном процессе имеет право участвовать на основании пунктов 47 и 55 статьи 5, статей 42 и 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, собрать письменные документы и другие вещественные доказательства для дальнейшего включения в материалы уголовного дела на основании части 2 статьи 86 УПК РФ [2 С. 34].

На основании пунктов 1, 3 и 15 части 4 статьи 44 и статьи 230 УПК РФ

Гражданский истец в уголовном процессе также имеет право просить суд принять меры для обеспечения заявленного им гражданского иска и его обоснованности, при этом, на практике этот процесс требует участия квалифицированных юристов и специалистов. [6, С. 120].

Исковое заявление о компенсации вреда должно содержать информацию, выражающую физические и психические страдания потерпевшего.

Если произошло причинение вреда несовершеннолетним или лицам, которые вследствие своего физического или психического состояния лишены возможности самостоятельно защищать свои права, их законные представители (родители, опекуны, попечители) могут подать гражданский иск.

Также, гражданский истец имеет право ходатайствовать об участии представителя в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, в которое могут быть допущены адвокат, близкий родственник или другое лицо.

Ответственность за вред, причиненный преступлением, как правило, лежит на обвиняемом. Если он несовершеннолетний и не имеет самостоятельного дохода, ущерб возмещается его законным представителем.

При принятии решения по уголовному делу суд также принимает решение по гражданскому иску.

Иск подлежит удовлетворению в случае вынесения решения по обвинительному приговору, а также его доказательств. Если по гражданскому иску необходимо произвести дополнительные расчеты, требующие отсрочки судебного разбирательства, суд может признать право гражданского истца на удовлетворение гражданского иска и передать вопрос о размере компенсации по гражданскому иску для рассмотрения в гражданский суд.

В отечественной практике зачастую, к сожалению, можно встретить случаи, когда лицо, ставшее жертвой преступления, отказывается рассматривать и компенсировать упущенную реальную возможность получения определенных доходов или воспользоваться коммерческим соглашением или инициа-

тивной, которые он уже начал под предлогом специфики уголовного процесса для удовлетворения требования гражданского истца [5, С. 37]. Представляется, что такой подход к решению таких вопросов является незаконным и неразумным, поскольку в таких случаях должны полностью соблюдаться положения гражданского и гражданского процессуального законодательства, предусматривающие процедуру компенсации потерпевшей стороне и гражданскому истцу в отношении прямой вред и упущенная выгода [3, С. 54].

В правоохранительной и судебной практике иногда бывают случаи, когда обвиняемый в устной форме соглашается добровольно и оперативно возместить потерпевшему ущерб, причиненный преступлением, хотя впоследствии он отказывается от своего обещания. Исходя из такой ситуации, на наш взгляд, для обеспечения дополнительных стимулов и гарантий добровольной и своевременной компенсации преступником физического, материального или морального вреда, причиненного жертве, соответствующие законодательные поправки должны быть внесены в соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, о необходимости наличия в материалах уголовного или гражданского судопроизводства надлежащим образом заверенного письменного согласия обвиняемого или подсудимого или его родственников и родственников в течение определенного времени полностью или частично возместить ущерб, причиненный потерпевшему.

Ввиду того, что иногда лица, осужденные за совершение преступления по объективным причинам, не имеют финансовой возможности возместить ущерб, причиненный потерпевшему, предлагается дополнить положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором определено понятие ущерба, причиненного преступлением, и регламентируется порядок решения вопросов о возмещении за него, нормой, согласно которой государство должно взять на себя определенные организационные и материально-технические обязательства для предварительного полного и частичного возмещения ущерба [8, С. 46].

Выполнив свои обязательства по возмещению вреда, причиненного преступлением заранее, государство впоследствии сможет взыскать с несостоятельных лиц, осужденных за преступный вред, все расходы, понесенные им, в порядке регресса.

В отечественном уголовном и уголовно-процессуальном праве до настоящего времени не существует четкого разграничения вреда и ущерба, причиненного преступлением. Вред признается моральным или физическим, а ущерб — материальным последствием преступления, но по-прежнему остается вопрос определения соотношения этих категорий, когда потерпевший годами (иногда до конца жизни) тратит денежные средства на лечение от недуга, явившегося результатом преступления, и возможно ли установить критерии тяжести морального вреда, причиненного отдельными преступлениями, как изнасилование, убийство, заражение ВИЧ-инфекцией и т.п. [4, С. 132].

Кроме того в юридической литературе высказаны предложения ввести в теорию уголовного процесса понятие информационного вреда потерпевшему от преступления, под которым следует понимать неправомерное использование

личных данных жертвы, его личной и семейной жизни, а также заинтересованное представление фактов о причиненном ущербе, демонстрация телесных повреждений жертвы с использованием интернет-технологий и средств массовой информации, предложения о необоснованно больших суммах компенсации для незаконного воздействия потерпевшего и создать условия для противодействия расследованию [7, С. 128].

В настоящее время наиболее существенной в нашей стране остается проблема реальной, фактической возможности денежной компенсации, определенной приговором суда или решением по гражданскому делу, выступающей в качестве средства компенсации вреда или возмещения ущерба, причиненного преступлением. Поэтому, например, в случае, когда осужденный, отбывающий пожизненное лишение свободы и не имеющий имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание, не сможет выплатить потерпевшему крупную сумму, такая обязанность должна быть возложена на государство. В государстве должны быть созданы специализированные (целевые) внебюджетные фонды, из которых

своевременно такие денежные компенсации поступают потерпевшим [4, С. 132].

В заключение настоящей статьи стоит отметить, что анализ судебной и следственной практики позволяет выделить причины неэффективности применения института гражданского иска в уголовном судопроизводстве:

- причины, основанные на недостатках законодательного регулирования отношений по возмещению вреда потерпевшему от преступлений (отсутствие необходимой правовой основы; невозможность государства взять на себя обязанность по осуществлению соответствующих компенсаций и др.);
- причины, обусловленные качественными характеристиками собственно потерпевших;
- причины, характеризующие деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда [9, С. 297].

Актуальными аспектами правового регулирования института возмещения вреда, причиненного преступлением, являются законодательные положения, призванные обеспечивать возможности возмещения ущерба по отдельным категориям дел и при принятии некоторых процессуальных решений.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 07.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Российская газета, N249, 22.12.2001.
2. Акрамходжаев Б. Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего от преступления // Бюллетень ГСУ МВД. — 1991. — № 3. — С. 33–36.
3. Вавилова Л. В., Мухамедьянов. О практике возмещения ущерба жертвам преступлений в США // Следователь. — 1998. — № 1. — С. 54–56
4. Гришина, Е. П., Саушкин, С. А. Международные правовые акты о возмещении ущерба жертвам преступлений // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы: сб. матер. Международной научно-практ. конф. — Ч. 1. — М.: Академия управления МВД России, 2016. — С. 132.
5. Леви А. А. Потерпевший в уголовном процессе. — М.: РУДН, 2007. — 179 с.
6. Масленникова Л. Н. Правовые возможности защиты законного интереса потерпевшего в уголовном судопроизводстве. // Материалы международной научно-практической конференции: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». — М.: МГЮА. 2004. — С. 118–123.
7. Муратова, Н. Г., Хасаншина, Р. Г. Сущность и значение возмещения вреда потерпевшему при принятии процессуальных решений по уголовным делам: монография / под ред. Ф. Р. Сундурова. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 192 с.
8. Ривз Г. Великобритания: забота о пострадавших // Преступление и наказание. — 1993. — № 4–5. — С. 45–50.
9. Смирнова Е. В. Проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, при отправлении уголовного правосудия и способ их решения. // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 4 (32) — 297–302.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 21 (311) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 03.06.2020. Дата выхода в свет: 10.06.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.